

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Амурская область, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПО НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ:****Философия**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лукин Анатолий Николаевич,
кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Политология

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Нечаева Светлана Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

Лаврентьева Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Коротина Наталья Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Ответственный
за международные контакты**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

Бобрик Александра Александровна,
кандидат философских наук
(г. Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.03.2024 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 8,4. Тираж 50 экз.

Заказ № 35/84.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

ВЛАСТЬ

Кирчанов Максим Валерьевич
Китайские муалафы как сегмент
современной мусульманской
уммы в Индонезии 7

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ**

Стецкая Татьяна Сергеевна
Оценка доступности
банковских услуг
в России: региональный аспект 19

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

Хосе Баррьентос Растрохо —
доктор философии,
профессор (г. Севилья, Испания)

Сергей Валентинович Борисов —
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Юрий Геннадьевич Ершов —
доктор философских наук,
профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Филип Иванович —
Ph.D (г. Подгорица, Черногория)

Виктория Лезьер —
доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)

Валерий Георгиевич Ледяев —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Андрей Николаевич Медушевский —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Валерий Аркадьевич Нехамкин —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Александр Валентинович Павлов —
доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)

Владимир Дмитриевич Попов —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Григорий Львович Тульчинский —
доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Александр Степанович Чупров —
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

Сергей Григорьевич Зырянов —
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Балташ Нурмухамбетович Карипов —
доктор политических наук, профессор
(г. Кокшетау, Казахстан)

Александр Васильевич Павроз —
доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Ольга Фредовна Русакова —
доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

Грегори Саймонс — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)

Александр Юрьевич Сунгуров —
доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Экономика

Ольга Васильевна Артемова —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лаура Маратовна Байтенова —
доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)

Виктор Иванович Бархатов —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ляйля Маратовна Муталиева —
кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)

Ирина Викторовна Лаврентьева —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

КУЛЬТУРА

Холоднова Ксения Николаевна

«Подпольный человек»

как антропологический тип

в творчестве Ф. М. Достоевского.....32

**Конфедерат Ольга Владимировна,
Дядык Наталья Геннадьевна**

Вестиментарная стратегия

фильма и этические ценности

времени.....46

ИСТОРИОСОФИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич

Проблема движущих сил

исторического процесса

и ее значение

для философии истории:

методологический аспект.....61

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ**

**Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов
в области философии, политологии, экономики.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала,
различным аспектам состояния социума
и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук по специальностям (категория К1):

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(экономические науки)
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (поли-
тические науки)
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
(политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
- 5.7.1. Онтология и теория познания
(философские науки)
- 5.7.2. История философии (философские науки)
- 5.7.3. Эстетика (философские науки)
- 5.7.4. Этика (философские науки)
- 5.7.5. Логика (философские науки)
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)
- 5.7.7. Социальная и политическая философия
(философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры
(философские науки)
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение
(философские науки)

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации
в научном журнале «Социум и власть»,
размещены на странице 95.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность
и точность цитат, имен, названий
и иных сведений, а также за соблюдение
законодательства об интеллектуальной
собственности несут авторы
публикуемых материалов.

При использовании любых материалов
ссылка на журнал «Социум и власть»
и на авторов материалов обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Подписной индекс E38909

Агентство «Книга-Сервис»
<https://www.akc.ru>

© Челябинский филиал РАНХиГС, 2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Салганова Елена Ивановна,
Бредихин Сергей Сергеевич,
Морозова Анна Анатольевна,
Пеннер Регина Владимировна,
Щетинина Елизавета Витальевна**
Медиаобразование
и цифровая среда
(между позитивом и деструкцией):
по материалам
международной
научно-практической
конференции (21—23 ноября
2023 года, город Челябинск,
Российская Федерация)73

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

A.S. Chuprov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

RESPONSIBLE FOR RESEARCH AREAS:

Philosophy

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Anatoly N. Lukin,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svetlana V. Nechaeva,
Cand.Sc. (History), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics

Irina V. Lavrentyeva,
Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Natalya Yu. Korotina,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Aleksandra A. Bobrik,
Cand.Sc. (Philosophy)
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.
Passed for printing on 30.03.2024.
Format 70×108 1/16
Reference sheet area 8,4. Issues — 50.
Order № 35/84.
Designed and printed at
454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

POWER

Maksym V. Kyrchanoff

Chinese mualafs as a segment
of the modern
Muslim ummah in Indonesia7

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Tatiana S. Stetskaya

Assessing the availability
of banking services in Russia:
a regional aspect19

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

José Barrientos Rastrojo — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)

Sergey V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)

Yurii G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)

Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)

Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)

Valery G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Andrey N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Valery A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Alexander V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)

Vladimir D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Grigorii L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Alexander S. Chuprova — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Baltash N. Karipov — Ph.D., Professor
(Kokshetau, Kazakhstan)

Alexander V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)

Olga F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)

Alexander Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Economics

Olga V. Artyomova — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Laura M. Bajtenova — Ph.D.
(Almaty, Kazakhstan)

Victor I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Lyailya M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)

Irina V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

CULTURE

Ksenia N. Kholodnova

“The Underground Man”
as an anthropological
type in F.M. Dostoevsky’s works32

**Olga V. Confederat,
Natalya G. Dyadyk**

The vestimental strategy
of film and ethical values of time46

HISTORIOSOPHY

Valery A. Nekhamkin

The problem of the historical
process driving forces
and its significance
for the philosophy
of history: methodological aspect61

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Peer-reviewed Open Access Journal
«SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»**

is for experts in philosophy,
political science, economics.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant
to various (political, social, economic)
aspects of the society and its relations with public
and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium
of the Higher Attestation committee (VAK)
of the Russian Ministry of Education and Science,
the «SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER» journal
is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be
published for Candidate of Science
and Doctor of Science theses
in the following fields of science:
philosophy, political science,
economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific
articles to be published
in the «SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»
scientific journal
are located at page 95.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles
may be held liable
for authenticity and accuracy
of citations, names, titles and other information
as well as for respecting the intellectual property
legislation.

The contents of this journal may not be used
in any way without a reference to the Journal
«SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»
and the author(s) of the material in question

The journal is published quarterly

Free price

**Subscription index
in Russia
E38909**

© Chelyabinsk branch of RANEPА, 2024

SCIENTIFIC LIFE

**Elena I. Salganova,
Sergey S. Bredikhin,
Anna A. Morozova,
Regina V. Penner,
Elizaveta V. Shchetinina**

Media education
and digital environment
(between positivity
and destruction):
based on the materials
of the International Scientific
and Practical Conference
(November 21-23, 2023,
Chelyabinsk, Russian Federation).....73

Для цитирования: Кирчанов, М. В. Китайские муалафы как сегмент современной мусульманской уммы в Индонезии / М. В. Кирчанов // Социум и власть. — 2024. — № 1 (99). — С. 7—18. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-07-18. — EDN GISGQB.

УДК 328.182

EDN GISGQB

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-07-18

КИТАЙСКИЕ МУАЛАФЫ КАК СЕГМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЫ В ИНДОНЕЗИИ

Кирчанов Максим Валерьевич,
Воронежский государственный
университет

доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран,
доцент кафедры истории зарубежных
стран и востоковедения,
доктор исторических наук, доцент.

Воронеж, Россия

ORCID 0000-0003-3819-3103

E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотация

Введение. В статье анализируется феномен распространения ислама в Индонезии через призму обращения в ислам представителей китайского сообщества. Достижения современной историографии позволяют проанализировать переход в ислам в контексте социальных трансформаций.

Цель. Целью исследования является изучение направлений функционирования сообщества китайских муалафов как новообращенных мусульман.

Методы. Методологически статья базируется на достижениях конструктивистских подходов в современной исторической науке, интерпретируя феномен новообращенных мусульман через призму концепции изобретения традиций и воображения сообществ.

Научная новизна. Автор анализирует проблемы развития и трансформации идентичности китайских муалафов, которые практически не изучены в российской историографии в целом и индонезиеведении, в частности.

Результаты. Автор выявляет социальные, политические и культурные последствия в результате принятия ислама. Автор выделяет сообщество муалафов как уникальную социальную и культурную группу в современном индонезийском обществе. Предполагается, что: 1) принятие ислама становится формой социальной модернизации, так как ведет к радикальным трансформациям на уровне идентичности; 2) исламизация китайцев стала формой противостояния растущему политическому и идеологическому влиянию Китая в Юго-Восточной Азии; 3) переход в ислам китайского населения Индонезии актуализирует ситуацию двойной маргинальности, так как новообращенные китайцы-мусульмане являются маргиналами как для мусульманского индонезийского большинства, так и для китайского сообщества, к которому они ранее принадлежали.

Выводы. В статье показано, что муалафы, которые являются представителями китайской этнической группы, развиваются как отдельное сообщество, чья социальная и культурная идентичность только формируется. Основой этого трансформационного процесса является сохранение элементов китайской этничности, которые соотносятся с нормами ислама.

Ключевые слова:

ислам,
Индонезия,
китайское сообщество,
антикитайские фобии,
исламизация,
китайские муалафы,
новообращенные мусульмане

Поступила: 12.01.2024

Принята: 04.03.2024

Дата печати: 30.03.2024

Права: © Кирчанов М. В. (2024).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

Утверждения о том, что Индонезия является самой населенной страной в мусульманском мире¹ и одним из важнейших акторов современной всемирной уммы, успели в историографии и научной литературе стать общим местом. Индонезия действительно самая густонаселенная мусульманская страна не только в регионе Юго-Восточной Азии, но и в мире в целом. Особую роль в развитии ислама в современном индонезийском обществе играет процесс проповеди и обращения в ислам лиц, которые ранее исповедовали другие религии или не имели ярко выраженной религиозной идентичности. Поэтому особое место в обществе в целом, и в умме в частности занимают новообращенные мусульмане, которые в исламской культурной традиции известны как муалафы.

В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы муалафов на территории современной Индонезии, где активно действуют организации, которые занимаются проповедью ислама на территории малонаселенных и периферийных регионов Индонезии, где основными потребителями ислама являются этнические группы, которые относятся к папуасским сообществам, ранее исповедовавшим различные немонотеистические религии. Проблема муалафов представляется актуальной, так как особую роль в современной социальной истории индонезийского ислама и его актуальной социокультурной, политической и экономической динамике играют те новообращенные мусульмане, которые приняли ислам на Яве, Калимантане, Сулавеси и других регионах современной Индонезии. Значительную роль среди новообращенных мусульман иг-

рают этнические китайцы, которые до этого исповедовали различные формы религии, характерные для китайского меньшинства в Индонезии или вообще могли не иметь выраженных религиозных предпочтений.

Цель и задачи статьи

В центре внимания автора в представленной статье — проблемы интеграции китайских мусульман, которые приняли ислам в результате обращения, в состав мусульманской уммы, с одной стороны, и индонезийского социума — с другой. Изучение направлений функционирования сообщества китайских муалафов как новообращенных мусульман является целью автора. В число задач автора входит: 1) выявление причин обращения в ислам, 2) анализ особенностей интеграции новообращенных китайских мусульман в умму, 3) изучение перспектив развития проповеди ислама среди китайского этнического меньшинства в современной Индонезии, 4) рассмотрение вероятных направлений развития мусульманского призыва в китайской среде на территории Индонезии. Новообращенные мусульмане, известные как муалафы, занимают уникальное и особое место в современном индонезийском обществе, которое характеризуется значительными противоречиями, связанными с параллельным соразвитием нескольких форм идентичности в рамках этой группы.

Призыв среди китайского сообщества в Индонезии

Этнические китайцы, предки которых или которые в современной Индонезии приняли ислам, занимают особое место в социальной структуре современного индонезийского общества [21], обладая уникальной идентичностью [5], которая, с одной стороны, связывает их с остальными китайцами, но, с другой, позволяет относить к мусульманской умме [1]. Вместе с тем, несмотря на роль китайского меньшинства в исто-

¹ По соотношению мусульман на общее количество населения Индонезия представляет собой самое населенное мусульманское государство в мире. В 2023 г. население Индонезии составляло 279 118 866 человек. 86,7 % населения исповедует ислам. См.: Data Kependudukan. URL: <https://dukcapil.kemendagri.go.id/page/read/data-kependudukan>

рии Индонезии и развитию экономики, в историографии и исторической памяти [24] китайцы нередко становились объектом маргинализации, а их роль могла подвергаться замалчиванию или преуменьшению, хотя религиозный опыт других этнических групп неиндонезийского происхождения, отдельные представители которых принимают ислам, изучаются в большей степени [15].

Различные факторы, включая социальные и личностные [14], в современной Индонезии содействуют тому, что представители китайского сообщества и других этнических групп [22] принимают ислам [19]. Среди причин смены религиозной идентичности мы можем упомянуть социальные, экономические, политические и идеологические. Действие этих причин в процессе обращения, конечно, имеет значение, но принятие ислама не носило относительно массового характера, если бы на территории Индонезии не действовали специализированные организации, основой деятельности которых является распространение ислама. Среди последних ведущая роль принадлежит Индонезийскому институту исламского призыва (Lembaga Dakwah Islam Indonesia, далее: ИИИП), созданному в 1972 г.

В Индонезии исторически сложились свои подходы в организации и проведению Призыва [9]. Участники процесса призыва, то есть обращения в ислам, в своей деятельности руководствуются принципами, представленными в Коране, включая следующие фрагменты. Во-первых, «и пусть образуется тогда община из вас, которая будет призывать к добру, побуждать к благу и отвращать от дурного» (Коран, 3: 104). Во-вторых, «Таков путь мой. Я и последователи мои зовут вас к Аллаху согласно убеждению» (Коран, 12: 108). В-третьих, «Призывай на путь Господа мудростью и назиданием добрым и веди спор с многоотниками доводами наилучшими» (Коран, 17: 125). Именно эти три аята официально признаны руководством к действию для участников и активистов ИИИП¹.

¹ Tentang LDII. URL: <https://ldii.or.id/tentang-ldii/> (дата обращения: 07.02.2024)

Помимо ИИИП в проповедь ислама вовлечен и Индонезийский Центр Корана Фонда Муалафов (Yayasan Mualaf Quran Center Indonesia, далее: Центр КФМ). Центр предлагает для изучения базовую программу знакомства с исламом как для мусульман, так и для немусульман, желающих познать ислам или вернуться в него, если последний реально не практиковался. Центр КФМ занимается распространением специальных справочников для новообращенных мусульман, готовит к принятию ислама, вводит в мусульманский быт после произнесения шахады. В ряде случаев Центр КФМ берет на себя решение проблем, связанных с защитой новообращенных и обеспечением их прав². Активность организаций, вовлеченных в проповедь ислама, включает сбор пожертвований на строительство мечетей³ и организацию хаджа⁴.

Лица, принявшие ислам, известны как «муалафы», занимая особое место в современном индонезийском обществе. Муалафы, или новообращенные, — это те, «кто решил принять ислам в качестве своей религии после того, как ранее принял или исповедовал другую религию»⁵. Переходу китайцев в ислам содействует желание в большей мере интегрироваться в общество, так как стремление «стать мусульманином является стратегическим решением, направленным на признание китайцев как полноценных граждан. Кроме того, малайские, минангкабау, яванские и сунданские группы, которые в основном являются мусульманами, будут более позитивно воспринимать индонезийцев-мусульман, чем китайцев-немусульман» [8].

Появлению муалафов в индонезийском обществе содействует то, что как

² About Yayasan Mualaf Quran Center Indonesia. URL: <https://mualaf.net/about/> (дата обращения: 07.02.2024)

³ Pembangunan Masjid Disusul Agama Sebelah Perluasan. URL: <https://mualaf.net/2023/09/09/pembangunan-masjid-disusul-agama-sebelah-perluasan/> (дата обращения: 07.02.2024)

⁴ The beginning of the Hajj season. URL: <https://mualaf.net/event/#> (дата обращения: 07.02.2024)

⁵ Apa Itu Mualaf? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

мусульманские общины, так и мечети активно развивают социальные программы, предлагая образовательные курсы, сфокусированные на популяризации ислама¹. Кроме этого, индонезийские мусульманские организации предлагают для новообращенных специальные программы сопровождения, связанные с адаптацией к исламу и интеграцией в мусульманскую общину на локальном уровне².

Процесс обращения в ислам для немусульман в рамках деятельности, направленной на Призыв, в современной Индонезии является стандартным и, как в других регионах, предусматривает шахаду, что влечет принятие ислама как религии. Обычно шахада произносится в присутствии свидетелей, являющихся мусульманами, то есть членами мусульманской общины³. Принятие ислама влечет то, что новообращенные будут совершать намаз, соблюдать пост, читать Коран и выполнять другие религиозные предписания⁴, включая отказ от алкоголя и употребления в пищу свинины. На уровне общества переход в ислам, таким образом, может стимулироваться несколькими факторами, включая общую заинтересованность в вопросах веры, духовный поиск, брак, влияние друзей или семьи⁵, что связаны с многокультурностью как системной особенностью индонезийской модели развития [4].

Как правило, общины и мечети стремятся поддерживать в обществе свой положительный образ, «очень радушно относясь к людям, только что принявшим ислам»⁶. В рамках формирования

позитивного образа ислама активисты Призывы не только учитывают культурное и этническое разнообразие Индонезии [6], но и стремятся на локальном уровне решать социальные проблемы местных сообществ, например, обеспечивая доступ к чистой воде⁷. Кроме этого, организациями, вовлеченными в Призыв, реализуются программы помощи образовательным учреждениям⁸. Эти организации, которые в своей деятельности, направленной на распространение ислама, вынуждены учитывать культурные и этнические особенности как китайского сообщества, так и других групп [11], сфокусированы на осуществлении Призыва и распространении ислама путем как исламизации, так и реисламизации индонезийского общества в целом.

Исламский призыв в китайской среде актуализирует гетерогенность индонезийских китайцев как в социальном плане, так и в различной степени следования религиозным предписаниям [13]. Анализируя распространение ислама среди китайского меньшинства, во внимание следует принимать и возможность трансплантации в этнические контексты тех социальных категорий, которые, как правило, используются для типологии собственно индонезийских мусульман, подразделяемых на абанган и сантри. Если новообращенные в китайской среде могут быть условно отнесены к сантри (активно практикующим и соблюдающим обряды мусульманам), то объектом реисламизации становятся как немусульмане, так и социально-культурные группы, близкие к яванским абанган, отличающихся формальным отношением к исламу и сочетающим мусульманские и домусульманские традиции и обряды.

Склонность новообращенных поддерживать радикальных форм в исламе содействует тенденциям ислами-

¹ Bagaimana saya bisa belajar lebih banyak tentang Islam setelah menjadi Muallaf? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

² Apakah ada organisasi yang mendukung Muallaf dalam perjalanan mereka? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

³ Bagaimana proses menjadi Muallaf? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

⁴ Apakah ada tuntutan khusus setelah menjadi Muallaf? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

⁵ Mengapa beberapa orang memutuskan untuk menjadi Muallaf? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

⁶ Bagaimana cara berpartisipasi dalam acara atau aktivitas komunitas Muslim? URL: <https://mualaf.net/faq/> (дата обращения: 07.02.2024)

⁷ Epic Gotong Royong!!! Ratusan Warga Bersatu Mengangkat Pipa Melintasi Sungai dan Lembah. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K-v_PTEtrUw (дата обращения: 07.02.2024)

⁸ Muallaf Quran Center terus gerak untuk ummat. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tfTYIKiGpml> (дата обращения: 07.02.2024)

зации в современной Индонезии [17], с одной стороны, и усилению социальной группы, известной как «новые сантри» [23] — с другой. Таким образом, ислам в современной Индонезии развивается в условиях присущей ему внутренней гетерогенности и, в этом разнообразии, как подчеркивает Ахмад Алваджих, «китайские мусульмане позиционируются в инклюзивно-рациональной группе наряду с некоторыми другими исламскими организациями» [7, р. 107]. Подобное стремление к инклюзивности нередко оказывается формальным, чему содействуют процессы трансформации идентичности новообращенных, что ведет не только к отдалению от остальной части китайского сообщества, но и не содействует полной интеграции в умму.

Социальные особенности распространения ислама среди китайского населения Индонезии

На территории Индонезии действуют сообщества, чья миссионерская деятельность по распространению ислама ограничена именно этническими китайцами. Активисты Призыва имеют определенный опыт коммуникации с китайцами в рамках как проповеди ислама, так и поддержания мусульманской религиозности в среде китайских мусульман [12]. Крупнейшей такой организацией является Индонезийско-китайская исламская ассоциация (Persatuan Islam Tionghoa Indonesia, далее ИКИА).

Эта организация в своей деятельности руководствуется этнической моделью Призыва [20], сосредоточенного именно на носителях китайского языка и культуры, которые воспринимаются как будущие потенциальные мусульмане. Деятельность организации ограничена работой с китайским меньшинством и в значительной степени носит ситуативный характер, завися от внутривнутриполитической конъюнктуры в стране, которая на протяжении 1990—2020-х гг. связана с тенденциями последовательной исламизации внутривнутриполитической сферы [16].

С ИКИА связана деятельность Института дружбы с исламскими организациями (далее — ИДИО), в состав которой входит головная организация китайских мусульман Индонезии. Денни Сануси, один из лидеров китайских индонезийских мусульман, является и генеральным секретарем ИДИО. Поэтому активность участников мусульманского Призыва в значительной степени стала более заметной в 2023 и 2024 г. в преддверье президентских выборов. Формально ИКИА заявила о своей нейтральной позиции, но фактически симпатии ее руководства на стороне действующей власти, которая, заняв конфронтационную позицию в отношении радикалов, позволяет умеренным, включая Ассоциацию, контролировать определенные сегменты уммы.

Йоханес Херлиджанто, индонезийский политический аналитик, комментируя появление этнических китайцев, которые становятся мусульманами в результате сознательного и намеренного принятия ислама, подчеркивает, что этот процесс указывает на значительный адаптивный потенциал, которым обладает китайское сообщество, адаптируясь к религиозной идентичности большинства индонезийцев. Китайцы, постоянно проживающие в Индонезии, по его мнению, «не только способны влиять и находиться под влиянием различных местных традиций, но также могут принять религию, которой придерживается большинство индонезийского народа»¹.

В этом контексте влияние Ассоциации, с одной стороны, ограничено преимущественно китайским сообществом. С другой — социально пространство Призыва среди китайского населения Индонезии ограничено преимущественно городами [3], так как основными новообращенными являются экономически активные китайцы. Али Мохтар

¹ Suryarandika R. Pakar Ungkap Makna Kemunculan Tionghoa Muslim. Masyarakat Tionghoa Muslim membangun identitas yang memiliki keunikan tersendiri // Rejabar. 2023. May 25. URL: <https://rejabar.republika.co.id/berita/rv6s7a396/pakar-ungkap-makna-kemunculan-tionghoa-muslim> (дата обращения: 07.02.2024)

Нгабалин, председатель Попечительского совета, комментируя позицию Ассоциации указывает на то, что основу ее деятельности должна составлять не политика, но распространение ислама в среде китайского населения и содействие последующей интеграции в умму тех китайцев, которые примут ислам¹. Подобная интеграция в определенной степени осложнена тем, что китайцы, перешедшие в ислам, становятся носителями уникальной идентичности, которая может быть определена как гибридная.

Гибридизация идентичностей и культурных традиций в целом характерна для тех новообращенных мусульман, которые принимают ислам, отказываясь от прежних религиозных традиций [2]. Переход китайцев в ислам означает не только трансформацию их идентичности, но и ведет к ее стигматизации со стороны мусульманского большинства, для которого понятия «ислам» и «китайцы» являются плохо соотносимыми. Более того, переход части китайского сообщества в ислам содействует его внутренней фрагментации, в еще большей степени актуализируя противоречия между двумя культурно-языковыми группами, сложившимися в китайском сообществе — «peranakan» и «totok» [10]. Если представители первой в большей степени интегрированы в общество, используя в быту индонезийский язык, то принадлежащие ко второй активно используют китайский, хотя исламизации подвержены обе.

По данным социологических опросов, в Индонезии к началу 2020-х гг. понятия «ислам» и «китайцы» имели различные коннотации, так как китайская идентичность воспринималась преимущественно негативно. В отношении китайского меньшинства фиксировались стереотипы, основанные на убеждении в том, что «китайцы считаются исключительными, закрытыми, асоциальными и ориентированными только на мате-

риальные ценности, ищущими денег»². В такой ситуации организации, вовлеченные в Призыв, указывают на то, что распространение ислама и появление новых мусульман содержит «скрытые опасности политизации религии, так как политика идентичности и политизированная религия повергаются радикализации, вводя общество в заблуждение»³. Одна из опасностей, связанных с обращением в ислам, связана с обучением новообращенных за границей⁴.

Большинство трудностей адаптации связано с приспособлением этнических китайских традиций, например — празднования Нового года [25]. Комментируя культурные трансформации китайского меньшинства в Индонезии, Аджеп Арипудин, Мохаммад Т. Рахман и другие индонезийские аналитики, подчеркивают, что «будучи меньшинством, китайская мусульманская община в Индонезии не отказалась от своих различных обычаев, чтобы стать хорошим мусульманином» [8]. Исламизация стимулирует культурные и социальные изменения, вынуждая мусульман адаптировать старые традиции к нормам ислама⁵. В целом, китайским мусульманам, особенно тем, которые недавно приняли ислам, сохранение этнической идентичности принципиально важно, что относится в первую очередь к праздникам, хронологически не совпадающим с аналогичными мусульманскими⁶.

² Muslim Tionghoa Indonesia Melawan Stigma // Kumparan Plus. 2019. Juni 6. URL: <https://kumparan.com/kumparannews/muslim-tionghoa-indonesia-melawan-stigma-1rDpXiHVnkH> (дата обращения: 07.02.2024)

³ LPOI: Waspadai Politik Identitas karena Bisa Pecah Belah Bangsa // Berita Satu. 2022. Juni 17. URL: <https://www.beritasatu.com/news/940721/lpoi-waspadai-politik-identitas-karena-bisa-pecah-belah-bangsa> (дата обращения: 07.02.2024)

⁴ Perlu Deteksi Dini Agar Konflik di Luar Negeri Tidak Merembet ke Indonesia // Berita Satu. 2020. Juli 27. URL: <https://www.beritasatu.com/news/659817/perlu-deteksi-dini-agar-konflik-di-luar-negeri-tidak-merembet-ke-indonesia> (дата обращения: 07.02.2024)

⁵ Soal Perayaan Imlek, Ini Kata DPP PITI // Berita Satu. 2023 Januari 30. URL: <https://www.beritasatu.com/news/1023127/soal-perayaan-imlek-ini-kata-dpp-piti> (дата обращения: 07.02.2024)

⁶ Maulana R. Pergulatan Identitas Tionghoa Muslim: Pengalaman Yogyakarta // Kontekstualita: Jurnal

¹ Jaga Pemilu 2024 Damai, Persaudaraan Islam Tionghoa Indonesia Pilih Netral. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Gt54uHtRS6w> (дата обращения: 07.02.2024)

Ситуация отягощена еще и тем, что китайские мусульмане фактически являются религиозным меньшинством в составе другого, этнического, меньшинства, что существенно влияет на их идентичность. В подобной ситуации сохранение китайских традиций среди мусульман, которые приняли ислам, имеет в большей степени культурное значение¹, так как их идентичность начинает зависеть от других факторов. Сусило Бамбанг Юджойоно, Президент Индонезии еще в 2013 г., подчеркивал, что «ислам и демократия не должны быть врагами друг друга»².

В этой ситуации именно интеграция в умму воспринимается в качестве основной задачи тех мусульманских активистов, которые занимаются проповедью ислама. Денни Сануси, полагающий, что Призыв должен осуществляться крайне осторожно, комментируя адаптацию новых мусульман к исламу, указывает на важность недопущения их радикализации. По мнению Д. Сануси, религиозный фанатизм как историческое явление в истории любой религии был нормален и фактически неизбежен, так как его проявления являлись формами накопления религиозного опыта. С ним солидарны и другие мусульманские активисты в современной Индонезии. Например, секретарь Института дружбы исламских организаций Имам Питудух, подчеркивает, что пропаганда идей халифата среди новообращенных, которые могут быть плохо знакомы как с историей, так и современной мусульманской традицией.

По мнению современных умеренных богословов, «халифат не является

решением, вместо этого становится обманом, заблуждением, дестабилизацией и деградацией нации. Эти идеи явно являются враждебными в отношении религии и государства»³. Комментируя опасности радикализации, Д. Сануси указывает на то, что новообращенные мусульмане в частности и мусульмане в целом «должны проявлять фанатизм осторожно, потому что, когда фанатики начинают обвинять других людей, принадлежащих к другим религиям или придерживающихся других убеждений, и начинают действовать крайними способами, это недопустимо»⁴.

В этой ситуации китайцы, исповедующие ислам, актуализируют свою роль в процессе межэтнического и межконфессионального диалога, так как, по мнению экспертного сообщества, «китайские мусульмане не только адаптировались, но и создали пространство для межкультурного взаимодействия между некитайскими мусульманами и немусульманскими китайцами»⁵. В этом отношении последствия перехода в ислам для китайцев оказываются более чем противоречивыми, так как сближение с фактическим большинством населения в религиозной сфере содействует маргинализации новообращенных в рамках того сообщества, к которому они формально принадлежали ранее.

Выводы

Ислам оказывает значительное влияние на изменения на уровне самосознания и самопозиционирования

Penelitian Sosial Keagamaan. 2011. Vol. 26. No 1. URL: <https://www.neliti.com/publications/37104/pergulatan-identitas-tionghoa-muslim-pengalaman-yogyakarta> (дата обращения: 07.02.2024)

¹ Sumitro F. Apakah Muslim Tionghoa Merayakan Imlek? Begini Tradisinya di Indonesia // Detik. 2023. Januar 19. URL: <https://www.detik.com/sumut/budaya/d-6524279/apakah-muslim-tionghoa-merayakan-imlek-begini-tradisinya-di-indonesia> (дата обращения: 07.02.2024)

² Presiden Nilai Pemimpin Umat Berhasil Selaraskan Islam dengan Demokrasi // Berita Satu. 2013. Maret 14. URL: <https://www.beritasatu.com/news/101909/presiden-nilai-pemimpin-umat-berhasil-selaraskan-islam-dengan-demokrasi> (дата обращения: 07.02.2024)

³ LPOI: Khilafah Bukan Solusi Persoalan Kebangsaan // Berita Satu. 2022. November 26. URL: <https://www.beritasatu.com/news/1003115/lpoi-khilafah-bukan-solusi-persoalan-kebangsaan> (дата обращения: 07.02.2024)

⁴ Sekjen LPOI Ingatkan Bahaya Fanatisme Ekstrem Agama // Berita Satu. 2021. September 25. URL: <https://www.beritasatu.com/news/832593/sekjen-lpoi-ingatkan-bahaya-fanatisme-ekstrem-agama> (дата обращения: 07.02.2024)

⁵ Suryarandika R. Pakar Ungkap Makna Kemunculan Tionghoa Muslim. Masyarakat Tionghoa Muslim membangun identitas yang memiliki keunikan tersendiri // Rejabar. 2023. May 25. URL: <https://rejabar.republika.co.id/berita/rv6s7a396/pakar-ungkap-makna-kemunculan-tionghoa-muslim> (дата обращения: 07.02.2024)

китайского населения, в первую очередь — в контексте следования китайским этническим традициям. Если переход в ислам не ставит под сомнение важность сохранения китайского языка, то исламизация оказывает самое существенное влияние на следование китайским этническим традициям, влияя на выбор тех традиций, которым новообращенные мусульмане продолжают следовать и тех, от которых они вынуждены отказываться.

Несмотря на это двойное противоречие празднование этническими китайцами, которые переходят в ислам, китайского Нового Года, сохраняется. Мусульмане китайского происхождения сохраняют этничность, унаследованную от своих предков. Исламизация части китайского населения может восприниматься как уникальная форма модернизации. Переход в ислам от традиционных китайских верований или от практикуемого некоторыми китайцами атеизма существенно меняет векторы и траектории их социального и экономического развития отдельных представителей китайского сообщества, содействуя повышению их социального статуса. Переход китайцев в ислам, таким образом, оказывает существенное влияние на их идентичность.

Исламизация китайского сообщества содействует отдалению новообращенных мусульман от своих этнических соотечественников. При этом формальное и фактическое использование китайского языка, с одной стороны, как одной из основ идентичности сохраняется. С другой, китайцы, перешедшие в ислам, продолжают оставаться маргиналами среди уммы в целом и среди китайской этнической группы в частности. Разрыв связи с китайским сообществом, приводит к отчуждению их от той среды, к которой они формально принадлежали. Принятие ислама не содействует полной интеграции в умму, значительная часть которой может разделять антикитайские фобии.

Исламизация китайского населения в Индонезии, таким образом, представляет многоуровневое социаль-

ное и религиозное явление. Процессы Призыва среди индонезийских китайцев нуждаются в дальнейшем анализе с учетом достижений современной междисциплинарной историографии, сфокусированной как на изучении ислама, так и на анализе процессов развития идентичности, функционирования тех воображаемых сообществ и связанных с ними изобретенных традиций, которые могут формироваться в результате принятия ислама представителями китайской диаспоры в Индонезии.

1. Кирчанов, М. В. Китайские мусульмане как сегмент ислама Нусантары в современной Индонезии / М. В. Кирчанов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2022. — Т. 4, № 4 (57). — С. 98—109. — DOI 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-098-109. — EDN OGXWAP.

2. Рязанова, Э. Ф. Немцы-мусульмане в современной Германии / Э. Ф. Рязанова. — М. : Садра, 2023. — 184 с.

3. Abidin, Y. Z. Keberagamaan dan Dakwah Tionghoa Muslim / Y. Z. Abidin // Ilmu Dakwah. — 2017. — Vol 11. — No 2. URL: <https://journal.uinsgd.ac.id/index.php/idajhs/article/view/1884> (дата обращения: 07.02.2024).

4. Adnan, S. Cultural Da'wah and Islamic Education Values in Antar Ajong Tradition of People in Melayu Sambas West Kalimantan / S. Adnan, Mujahidin, Jayadi, Mursidin // Karsa: Journal of Social and Islamic Culture. — 2019. — Vol. 27, No 1. — P. 1—30. DOI <https://doi.org/10.19105/karsa.v27i1.1537>.

5. Afif, A. Identitas Tionghoa Muslim di Indonesia: Pergulatan Mencari Jati Diri / A. Afif. — Depok : Penerbit Kepik, 2012. — 352 hlm.

6. al-Rasyid, H.H. Dakwah Islam Di Era Globalisasi: Revitalisasi Prinsip Moderasi Islam / H.H. al-Rasyid // Al-Qalam. — 2014. — Vol. 20, No 3. — hlm. 1 — 12. DOI <https://doi.org/10.31969/alq.v20i3.337>.

7. Alwajih, A. The Discourse of Tionghoa Muslim Identity in Indonesia After the

- Reform Order: A Critical Discourse Analysis of 'Komunitas' — 'Cheng Hoo' Magazine / A. Alwajih // *Asian Journal of Media and Communication*. — 2020. — Vol. 4, No 2. — P. 99—112. — DOI <https://doi.org/10.20885/asjmc.vol4.iss2.art2>.
8. Aripudin, A. The spiritual experience of Chinese Muslim minorities post-1998 reformation: A study of Chinese Muslims becoming Indonesians / A. Aripudin // *HTS Theological Studies*. — 2022. — Vol. 78, No 4. — P. 1—8. DOI <http://dx.doi.org/10.4102/hts.v78i4.7648>.
9. Aziz, M.A. Ilmu Dakwah / M.A. Aziz. Jakarta : Kencana Prenadamedia, 2019. — 518 p.
10. Bachrun, R. Krisis identitas diri pada kelompok minoritas Cina / R. Bachrun, B. Hartanto // *Harga Yang Harus Dibayar: Sketsa Pergulatan Etnis Cina di Indonesia* / ed. I. Wibowo. — Jakarta : Gramedia Pustaka Utama dan Pusat Studi Cina, 2000. — hlm. 35—59.
11. Bungo, S. Pendekatan Dakwah Kultural Dalam Masyarakat Plural / S. Bungo // *Jurnal Dakwah Tabligh*. — 2014. — Vol. 15, No 2. — hlm. 209—219. DOI <https://doi.org/10.24252/jdt.v15i2.349>.
12. Chandra S. A. Perkembangan Agama Islam Di Kalangan Etnis Tionghoa Semarang Tahun 1972—1998 / S. A. Chandra, Wasino, Bain // *Journal of Indonesian History*. — 2015. — Vol. 4, No 1. — hlm. 53 — 59.
13. Harahap, A. S. Dinamika Gerakan Dakwah Persatuan Islam Tionghoa Indonesia (PITI) Medan Sumatera Utara / A. S. Harahap // *Analytica Islamica*. — 2021. — Vol. 1, No 2. — hlm. 215—241.
14. Harun, S. Factors that Influences Religious Conversion among Muslim Splinter Groups in Indonesia / S. Harun, M. Avicenna, M. Atqa // *OIDA International Journal of Sustainable Development*. — 2012. — Vol. 5, No 8. — P. 11-20.
15. Jones, C. Mualaf Chic: Conversion and Mediation in Indonesian Pious Sociality / S. Jones // *Cyber Orient*. — 2021. — Vol. 15, No 1. — P. 172-205. DOI <https://doi.org/10.1002/cyo2.11>.
16. Liddle, R. W. The Islamic Turn in Indonesia: A Political Explanation / E. W. Liddle // *The Journal of Asian Studies*. — 1996. — Vol. 55. — No 3. — P. 613-634. — DOI <https://doi.org/10.2307/2646448>.
17. Machmudi, Y. Islamising Indonesia. The Rise of Jemaah Tarbiyah and the Prosperous Justice Party (PKS) / Y. Machmudi. — Sidney : The Australian National University E Press, 2008. — 279 p. DOI <https://doi.org/10.22459/ll.11.2008>.
18. Maulana, R. Pergulatan Identitas Tionghoa Muslim: Pengalaman Yogyakarta / R. Maulana // *Kontekstualita: Jurnal Penelitian Sosial Keagamaan*. — 2011. — Vol. 26, No 1. — URL: <https://www.neliti.com/publications/37104/pegulatan-identitas-tionghoa-muslim-pengalaman-yogyakarta> (дата обращения: 09.01.2024).
19. Mujiburrahman. Religious Conversion in Indonesia: The Karo Batak and the Tengger Javanese / Mujiburrahman // *Islam and Christian — Muslim Relations*. — 2001. — Vol. 12, No 1. — P. 23 — 38. DOI <https://doi.org/10.1080/09596410124564>.
20. Musmuallim, M. Da'wah of Banyumas Islamic Chinese Ethnicity in the Development of Religious Moderation / M. Musmuallim, A. Y. Prasetiawan, M. R. Chamadi // *Al-Balagh: Jurnal Dakwah Dan Komunikasi*. — 2021. — Vol. 6, No 2. — P. 241-272. DOI <https://doi.org/10.22515/al-balagh.v6i2.3147>.
21. Sunano. Muslim Tionghoa Di Yogyakarta / Sunano. — Yogyakarta : Mata Bangsa, 2017. — 388 hlm.
22. Suryani, A. J. From respected hermits to ordinary citizens: The conversion of the Baduy, ethnicity, and politics of religion in Indonesia (1977 — 2019) / A. J. Suryani. — Leiden : Universteit Leiden, 2021. — 313 p.
23. The New Santri: Challenges to Traditional Religious Authority in Indonesia / eds. N. Saat, A. Burhani. — Singapore : ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2020. — 369 p. — DOI <https://doi.org/10.1355/9789814881487>.
24. Ubaedillah, A. The Minority and the State. Chinese Muslims in the Modern History of Indonesia / A. Ubaedillah // *Al-Jāmi'ah: Journal of Islamic Studies*. — 2023. — Vol. 61, No 1. — P. 107—136.

DOI <http://doi.org/10.14421/ajis.2023.611.107—136>.

25. Wijayanti, T. Y. *Perayaan Imlek Muslim Tionghoa Dalam Perspektif Al-Qur'an dan Muslim Tionghoa Di Surakarta* / T. Y. Wijayanti, Hafizzullah, Suharjianto // *Suhuf*. — 2020. — Vol. 32, No 1. — hlm. 76—90.

References

1. Kirchanov M.V. (2022) Kitayskie musul'mane kak segment islama Nusantara v sovremennoy Indonezii [Chinese Muslims as a segment of Nusantara Islam in modern Indonesia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [South-east Asia: current development issues]*, no. 4, pp. 98-109. DOI 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-098-109 [in Rus].
2. Ryazanova E.F. (2023) *Nemtsy-musul'mane v sovremennoy Germanii [Muslim Germans in modern Germany]*. Moscow: Sadra, 184 p. [in Rus].
3. Abidin Y.Z. (2017) Keberagamaan dan Dakwah Tionghoa Muslim. *Ilmu Dakwah*. 2017, 11(2). available at: <https://journal.uinsgd.ac.id/index.php/idajhs/article/view/1884> (accessed 15.02.2024) [in Indonesian].
4. Adnan S., Mujahidin, Jayadi, Mursidin. (2019) Cultural Da'wah and Islamic Education Values in Antar Ajong Tradition of People in Melayu Sambas West Kalimantan. *Karsa: Journal of Social and Islamic Culture*. 27(1), pp. 1-30. DOI <https://doi.org/10.19105/karsa.v27i1.1537> [in Eng].
5. Afif A. (2012) *Identitas Tionghoa Muslim di Indonesia: Pergulatan Mencari Jati Diri*. Depok: Penerbit Kepik, 352 p. [in Indonesian].
6. al-Rasyid H.H. (2014) Dakwah Islam Di Era Globalisasi: Revitalisasi Prinsip Moderasi Islam. *Al-Qalam*. 20(3), pp. 1-12. DOI <https://doi.org/10.31969/alq.v20i3.337> [in Indonesian].
7. Alwajih A. (2020) The Discourse of Tionghoa Muslim Identity in Indonesia After the Reform Order: A Critical Discourse Analysis of 'Komunitas' — 'Cheng Hoo' Magazine. *Asian Journal of Media and Communication*. 4(2), pp. 99-112. DOI <https://doi.org/10.20885/asjmc.vol4.iss2.art2> [in Eng].
8. Aripudin A. (2022) The spiritual experience of Chinese Muslim minorities post-1998 reformation: A study of Chinese Muslims becoming Indonesians. *HTS Theological Studies*. 78(4), pp. 1-8. DOI <http://dx.doi.org/10.4102/hts.v78i4.7648>
9. Aziz M.A. (2019) *Ilmu Dakwah*. Jakarta: Kencana Prenadamedia, 518 p. [in Indonesian].
10. Bachrun R., Hartanto B. (2000) Kritis identitas diri pada kelompok minoritas Cina. Wibowo I. (2020) *Harga Yang Harus Dibayar: Sketsa Pergulatan Etnis Cina di Indonesia*. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama dan Pusat Studi Cina, pp. 35-59. [in Indonesian].
11. Bungo S. (2014) Pendekatan Dakwah Kultural Dalam Masyarakat Plural. *Jurnal Dakwah Tabligh*. 15(2), pp. 209-219. DOI <https://doi.org/10.24252/jdt.v15i2.349> [in Indonesian].
12. Chandra S.A., Wasino, Bain. (2015) Perkembangan Agama Islam Di Kalangan Etnis Tionghoa Semarang Tahun 1972 — 1998. *Journal of Indonesian History*. 4 (1), pp. 53-59 [in Indonesian].
13. Harahap A.S. (2021) Dinamika Gerakan Dakwah Persatuan Islam Tionghoa Indonesia (PITI) Medan Sumatera Utara. *Analytica Islamica*, 1(2), pp. 215-241. [in Indonesian].
14. Harun S., Avicenna M., Atqa M. (2012) Factors that Influences Religious Conversion among Muslim Splinter Groups in Indonesia. *OIDA International Journal of Sustainable Development*, 5(8), pp. 11-20. [in Eng].
15. Jones C. (2021) Mualaf Chic: Conversion and Mediation in Indonesian Pious Sociality. *Cyber Orient*, 15(1), pp 172-205. DOI <https://doi.org/10.1002/cyo2.11> [in Eng].
16. Liddle R.W. (1996) The Islamic Turn in Indonesia: A Political Explanation. *The Journal of Asian Studies*, 55(3), pp. 613-634. DOI <https://doi.org/10.2307/2646448> [in Eng].
17. Machmudi Y. (2008) *Islamising Indonesia. The Rise of Jemaah Tarbiyah and the Prosperous Justice Party (PKS)*. Sidney: The Australian National University E Press, 279 p. DOI <https://doi.org/10.22459/II.11.2008> [in Eng].

18. Maulana R. (2011) Pergulatan Identitas Tionghoa Muslim: Pengalaman Yogyakarta. *Kontekstualita: Jurnal Penelitian Sosial Keagamaan*, 26(1), available at: <https://www.neliti.com/publications/37104/pepgulatan-identitas-tionghoa-muslim-pengalaman-yogyakarta> (accessed 15.02.2024) [in Indonesian].
19. Mujiburrahman (2001) Religious Conversion in Indonesia: The Karo Batak and the Tengger Javanese. *Islam and Christian — Muslim Relations*, 12(1), pp. 23-38. DOI <https://doi.org/10.1080/09596410124564> [in Eng].
20. Musmuallim M., Prasetiawan A.Y., Chamadi M.R. (2021) Da'wah of Banyumas Islamic Chinese Ethnicity in the Development of Religious Moderation. *Al-Balagh: Jurnal Dakwah Dan Komunikasi*, 6(2), pp. 241 — 272. DOI <https://doi.org/10.22515/al-balagh.v6i2.3147> [in Eng].
21. Sunano (2017) *Muslim Tionghoa Di Yogyakarta*. Yogyakarta: Mata Bangsa, 2017. 388 hlm. [in Indonesian].
22. Suryani A.J. (2021) *From respected hermits to ordinary citizens: The conversion of the Baduy, ethnicity, and politics of religion in Indonesia (1977 — 2019)*. Leiden: Universteit Leiden, 313 p. [in Eng].
23. Saat N., Burhani A. (2020) *The New Santri: Challenges to Traditional Religious Authority in Indonesia*. Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 369 p. DOI <https://doi.org/10.1355/9789814881487> [in Eng].
24. Ubaedillah A. (2023) The Minority and the State. Chinese Muslims in the Modern History of Indonesia. *Al-Jāmi'ah: Journal of Islamic Studies*, 61(1), pp. 107-136. DOI <http://doi.org/10.14421/ajis.2023.611.107-136> [in Eng].
25. Wijayanti T.Y., Hafizzullah, Suharjianto. (2020) Perayaan Imlek Muslim Tionghoa Dalam Perspektif Al-Qur'an dan Muslim Tionghoa Di Surakarta. *Suhuf*, 32(1), pp. 76-90 [in Indonesian].

For citing: Kirchanov M. V. (2024)
Chinese mualafs as a segment
of the modern Muslim ummah in Indonesia.
Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 1 (99), pp. 7-18.
DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-07-18 [in Rus].

UDC 328.182

EDN GISGQB

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-07-18

CHINESE MUALAFS AS A SEGMENT OF THE MODERN MUSLIM UMMAH IN INDONESIA

Maksym V. Kyrchanoff,

Voronezh State University,
Associate Professor of the Department
of Regional Studies and Economics
of Foreign Countries, Associate Professor
of the Department of History of Foreign Countries
and Oriental Studies,
Doctor of Historical Sciences,
Voronezh, Russia
ORCID 0000-0003-3819-3103
maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The article analyzes the phenomenon of Islam spreading in Indonesia through the prism of converting representatives of the Chinese community to Islam. The achievements of modern historiography make it possible to analyze the transition to Islam in the context of social transformations.

The purpose of the article is to study the directions of functioning of the Chinese mualafs community as converted Muslims.

Methods. The author uses the achievements of constructivist approaches in modern historical science, interpreting the phenomenon of Muslim converts through the prism of the concept of the invention

of traditions and the imagination of communities. **Scientific novelty.** The author analyzes the problems of development and transformation of the Chinese mualafs identity, which are practically not studied in Russian historiography in general and Indonesian studies in particular.

Results. The author identifies the mualaf community as a unique social and cultural group in modern Indonesian society. It is assumed that 1) the adoption of Islam becomes a form of social modernization, as it leads to radical transformations at the level of identity, 2) the Islamization of the Chinese has become a form of opposition to the growing political and ideological influence of China in Southeast Asia, 3) the transition to Islam of the Chinese population of Indonesia actualizes a situation of double marginality, since Chinese Muslim converts are marginalized both by the Muslim Indonesian majority and by the Chinese community to which they formerly belonged.

Conclusions. The article shows that the mualafs, who are representatives of the Chinese ethnic group, are developing as a separate community, whose social and cultural identity is just being formed. The basis of this transformation process is preserving elements of Chinese ethnicity that correlate with the norms of Islam.

Keywords:

Islam,
Indonesia,
Chinese community,
Islamization,
Muslim converts

Received: 12.01.2024

Accepted: 04.03.2024

Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Kirchanov M. V. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Стецкая, Т. С. Оценка доступности банковских услуг в России: региональный аспект / Т. С. Стецкая // Социум и власть. — 2024. — № 1 (99). — С. 19—31. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-19-31. — EDN XNDTQU.

УДК 336

EDN XNDTQU

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-19-31

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ БАНКОВСКИХ УСЛУГ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Стецкая Татьяна Сергеевна,

АО «Райффайзенбанк», директор,
старший вице-президент,
Макрорегион «Запад»,
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: stetskaya90@list.ru
ORCID 0009-0004-7863-7463

Аннотация

Введение. Устойчивое развитие финансового сектора в любой стране создает благоприятные условия для развития экономики и повышения качества жизни населения. В России в последние годы в целях повышения эффективности деятельности кредитные организации сильно сократили физическое присутствие в населенных пунктах, а региональные банки, имевшие широкую сеть, стали большой редкостью. Вследствие этого возможности предприятий и граждан в получении финансовых услуг ограничили. Поэтому **целью** данного исследования стала оценка финансовой доступности банковских услуг в Российской Федерации.

Методы. Исследование основано на использовании данных Росстата и Банка России. При проведении исследования применялись логические приемы, системный и критический подходы, методы экономико-статистического анализа. Исследование проведено в разрезе федеральных округов.

Научная новизна. Выявлены дефекты в методическом подходе, используемом Банком России для оценки доступности финансовых услуг в субъектах Российской Федерации. Автором предложена

и апробирована система показателей для проведения такой оценки. Ее преимуществом является то, что используются только относительные показатели, что позволяет проводить межрегиональные сравнения.

Результаты и выводы. Полученные результаты значительно отличаются от оценок Банка России, согласно которым наиболее высокий уровень развития инфраструктуры для предоставления финансовых услуг характерен для Северо-Кавказского федерального округа, в котором, как установлено в ходе проведенного анализа, наиболее низкие показатели обеспеченности элементами финансовой инфраструктуры с учетом численности населения, а также наименьшие в стране показатели использования населением сети Интернет. По нашим оценкам, наибольшая доступность финансовых услуг в Центральном федеральном округе, который, по оценкам Банка России, занимает предпоследнее место.

Наблюдаемое в стране сокращение сети кредитных организаций негативно сказывается на деятельности предприятий и качестве жизни людей. При существующем уровне цифровизации финансовых услуг необходимо поддерживать физическое присутствие кредитных организаций в регионах, для чего должны быть предприняты специальные меры со стороны финансового регулятора. При очень высокой рентабельности финансовой деятельности в России это не создаст угрозы для ослабления банковского сектора.

Ключевые слова:

кредитная организация,
филиал,
банковские услуги,
инфраструктура предоставления
финансовых услуг,
доступность финансовых услуг,
кредитование,
привлечение денежных средств,
прием платежей,
осуществление переводов,
эквайринг

Поступила: 29.12.2023

Принята: 28.02.2024

Дата печати: 30.03.2024

Права: © Стецкая Т. С. (2024).

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

То, что стабильное и развитие финансового сектора способствует экономическому росту, уже давно не требует каких-либо дополнительных обоснований [19] и является базовым положением данной работы. Роль и значение банковской системы в обеспечении устойчивого социально-экономического развития любой страны сложно переоценить, как и отрицательное влияние на него финансовых кризисов, банкротства крупных банков, отсутствия конкуренции в банковской сфере.

Вклад финансовой системы в валовой внутренний продукт (ВВП) экономически развитых стран довольно высок. В нашей стране удельный вес сектора экономики, связанного с осуществлением экономической деятельности в сфере финансов и страхования, в структуре ВВП пока очень низкий: в 2020 г. он составлял 0,6 %. Причем эта доля с середины так называемых «нулевых» годов значительно снизилась: в 2005 г. показатель составлял 1,1 %, в 2006 г. — 4,4 %, 2007 г. — 0,8 %, 2008 г. — 0,7 %, а с 2009 г. выше 0,6 % вклад финансового сектора в ВВП России не поднимался. Но и этот мизерный уровень обеспечивается за счет нескольких регионов: финансового центра страны г. Москвы, в структуре валового регионального продукта (ВРП) которой эта отрасль занимает 1,5 %, г. Санкт-Петербурга — 0,7 %, Республики Алтай — 0,7 %, Московской области — 0,6 %, Кировской области — 0,6 %. В 18 российских субъектах банковская деятельность развита крайне слабо — этот вид экономической деятельности формирует не более 0,1 % ВРП¹.

Приведенные показатели не только отражают развитие финансового сектора региональной экономики, но и характеризуют условия жизнедеятельности общества, включая и экономи-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. // Росстат. М., 2009. С. 365, 368, 371; 2011. С. 363, 366; 2013. С. 386, 389; 2015. С. 488, 490; 2017. С. 552, 554; 2019. С. 483, 487. 2021. С. 463; 2022. С. 467.

ческую деятельность, и повседневную жизнь людей. Ученые, изучая особенности конкуренции в этом секторе экономики и последствия ее снижения, отмечают, что состояние конкурентной среды в банковской сфере влияет не только на эту отрасль, но на всю социально-экономическую систему страны, поскольку услугами кредитных организаций пользуются все без исключения хозяйствующие субъекты и все взрослое население страны [1; 3; 6; 13].

Незначительный вклад финансового сектора в формирование валовой добавленной стоимости может говорить о низкой доступности финансовых услуг для экономических субъектов и населения. Под *доступностью банковских услуг* мы понимаем такой уровень развития банковской инфраструктуры, при котором каждый желающий может обратиться к услугам банка доступным для него способом в удобное время и по умеренным ценам.

Поэтому необходимо регулярно проводить такую оценку — мониторинг доступности финансовых услуг. Актуальность таких исследований усилилась в последние годы, поскольку в связи с цифровизацией сильно ускорился процесс сокращения физического присутствия кредитных организаций в регионах [4; 5; 7; 10]. Обеспокоенность сокращением банковской сети отмечена даже на первом уровне государственной власти страны².

И опасения эти небеспочвенны. К сожалению, из-за сокращения сети кредитных организаций люди часами простаивают в очередях, как это было, например, в г. Саранске после закрытия всех региональных банков, имевших отделения во многих населенных пунктах региона и выполнявших важные социальные функции³.

Уход с рынка крупного игрока ста-

² Ни сеть, ни встать: Сбербанк сокращает отделения вопреки рыночным тенденциям // Коммерсант 18.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5988513> (дата обращения: 15.10.2023)

³ Жители Саранска оккупировали отделения банка ВТБ // Инфо РМ. 15.09.2021. URL: <https://www.inform.com/2021/09/15/zhiteli-saranska-okkupirovali-otdeleniya-banka-vtb/> (дата обращения: 10.10.2023)

новится громким и значимым событием, поскольку при этом страдают клиенты данной кредитной организации. И сокращение числа участников рынка ведет к ослаблению конкуренции. А конкуренция, как известно, способствует оздоровлению любого рынка, и финансовый рынок — не исключение.

О преимуществах конкуренции на этом рынке свидетельствуют результаты многочисленных исследований [18], отмечается, что в условиях конкурентной борьбы потребители получают более высокие процентные ставки по депозитам и более низкие — по кредитам [17]. Однако ученые отмечают высокую степень монополизации финансового сектора в России, усиливающуюся с каждым годом [11; 12; 14]. Негативное влияние на состояние региональных финансовых рынков оказал массовый отзыв лицензий у региональных банков [2; 8]. Ученые ставят вопрос о необходимости защиты конкуренции в банковской сфере [15; 16].

Ослабление конкуренции может стать фактором, снижающим экономическую доступность финансовых услуг, поскольку монополисту нет необходимости завоевывать рынок, и поэтому он не стремится создать наиболее выгодные условия для потребителей. И ситуация на российском рынке банковских услуг это убедительно подтверждает. По оценке Банка России, удельный вес лидера банковского рынка в общем объеме денежных средств, привлеченных кредитными организациями, сравнительно не высок — 33,9 % (за 9 месяцев 2021 г. с тенденцией к снижению), в то время как в других сегментах финансового рынка доля крупнейшего игрока гораздо выше: карточные переводы — 92 %, прием платежей по картам — 71 %, карточные платежи — 71 %, кредитование — 50 %¹.

При этом страдают потребители, поскольку выбора у них нет, а без таких услуг повседневная жизнь и экономи-

ческая деятельность невозможны. Особая значимость финансовой системы для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности требует всестороннего изучения вопросов доступности банковских услуг. Если организации, находящиеся на значительном удалении от офисов кредитных организаций, справляются с решением подобных вопросов (хотя издержки при этом, как правило, возрастают), то для значительной части населения это становится серьезной проблемой.

Большой значимостью развития финансового сектора для экономики страны и каждого ее гражданина определяется особая актуальность исследований, направленных на изучение его состояния и доступности услуг для хозяйствующих субъектов и населения.

Цель данной статьи — дать оценку доступности банковских услуг для населения Российской Федерации и обозначить меры по ее повышению.

Основные положения исследования

Основные положения исследования связаны с изучением и обобщением материалов публикаций по рассматриваемой проблеме. На основе критического анализа была дана оценка корректности применения коэффициента финансовой доступности (КФД) отдельных показателей, используемых Банком России². Анализ результатов оценки развития инфраструктуры для предоставления финансовых услуг, проведенной Банком России, позволил выявить дефекты полученных расчетов. Это потребовало разработки иной системы показателей.

Основываясь на данных Федеральной службы государственной статистики России и материалах Банка России, была предложена система из 6 показа-

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // Банк России. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.11.2023)

² Методика Банком России не опубликована. В ежегодных докладах «Деятельность территориальных учреждений Банка России по повышению финансовой доступности в сельской местности и на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях» Банк России приводит только отдельные показатели.

телей, в число которых вошли:

- число кредитных организаций,
- число филиалов кредитных организаций,
- число отделений почтовой связи с отдельными банковскими операциями, в том числе снятием и внесением денежных средств,
- число торгово-сервисных точек с сервисом «наличные на кассе»,
- численность активных абонентов широкополосного фиксированного доступа к сети Интернет,
- численность активных абонентов мобильного доступа к сети Интернет.

Для обеспечения возможности сравнения показатели соотнесены с численностью населения.

Исследование проведено в разрезе федеральных округов Российской Федерации. Ранжирование округов проведено с использованием авторского варианта оценок — метода среднего ранга¹ по 6 оцениваемым параметрам.

Основные результаты общего анализа доступности банковских услуг в России

Основные результаты анализа материалов по доступности банковских услуг следующие. Число кредитных организаций в России, имеющих право на осуществление банковских операций, в 2010—2021 гг. резко сократилось: с 1012 до 370 ед. (в 2,7 раза), число филиалов при этом уменьшилось в большей степени: с 2926 до 471 ед. (в 6,2 раза)². Это говорит о том, что оставшиеся на рынке кредитные организации тоже сократили свое присутствие в регионах.

¹ Метод довольно часто применяется, например, был использован специалистами Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова для мониторинга реализации Государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий» (см. Рейтинг субъектов Российской Федерации по качеству жизни сельского населения // Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова. М. : Из-во ВИАПИ, 2020. 99 с.

² Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. // Росстат. М., 2022. С. 1012, 1014.

В 2010 г. в РФ было 11 регионов, в которых функционировали 1 и менее кредитных организации, в 2021 г. их стало 46. Между тем, именно региональные банки имели, как правило, развитую сеть и выполняли многие социальные функции. Многие жители регионов именно через региональные банки получали пенсии и пособия, льготы по оплате услуг ЖКХ и транспорта и т. п. [8].

Что касается филиалов, то в 2010 г. в стране был только один субъект, в котором существовал 1 филиал кредитной организации — речь идет о Ненецком АО. Но в 2021 г. регионов, в которых выбор ограничивался 1 филиалом, стало 9, а в Ненецком и Чукотском автономных округах не было ни одного филиала кредитных организаций. Отсутствие филиалов кредитных организаций в регионах не означает, что офисов банка в них нет. Однако такая политика свидетельствует о том, что руководство банка не рассматривает в качестве приоритета развитие деятельности на данной территории.

Для оценки развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг Банк России рассчитывает коэффициент финансовой доступности (КФД), при определении которого учитываются наличие офисов, банкоматов, других точек присутствия кредитных организаций в населенном пункте, а также наличие доступа и качество сети Интернет, расстояние от населенного пункта до банковского офиса и другие показатели.

В 2022 г. КФД рассчитывался по 129 915 населенным пунктам³. Однако по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в РФ 1118 городов, 1179 поселков городского типа, 153 157 сельских населенных пунктов (24 751 — без жителей), итого 130 703 населенных пункта, в которых есть жители, имеющие право на получение всевозможных, в том числе

³ Деятельность территориальных учреждений Банка России по повышению финансовой доступности в сельской местности и на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях: итоги 2022 года : доклад // Банк России. М., 2023. 26 с.

финансовых, услуг¹. С высокой вероятностью можно предположить, что в оставшихся 788 населенных пунктах, по которым финансовый регулятор не производит расчетов, доступность финансовых услуг низкая. Не учтенными остались 9,5 % населенных пунктов Южного федерального округа, 4,9 % — Северо-Кавказского федерального округа. Во всех других федеральных округах населенных пунктов в расчетах Банка России оказалось больше,

чем было установлено в ходе Всероссийской переписи населения, которая была проведена октябре 2021 г. (табл. 1).

И это одна из причин, которая вызывает сомнение в достоверности оценки финансового регулятора. Вторая причина, которая позволяет усомниться в точности оценок Банка России, связана с использованием для расчета КФД такого показателя, как «число населенных пунктов, подключенных к сети Интернет». По данным Банка России, к сети Интернет подключены 78 % населенных пунктов в нашей стране. Специалисты также

¹ Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2023)

Таблица 1

Характеристика условий предоставления финансовых услуг в населенных пунктах по федеральным округам Российской Федерации, 2022 год

Федеральный округ	Количество населенных пунктов		Характеристика инфраструктуры				
	по переписи населения 2020 года	по данным Банка России	число кредитных организаций	число филиалов действующих кредитных организаций	число отделений почтовой связи с отделенными банковскими операциями, в том числе снятием и внесением денежных средств	число торгово-сервисных точек с сервисом «наличные на кассе»	число населенных пунктов, подключенных к сети Интернет
Российская Федерация	130 703	129 915	370	471	34 910	24 952	101 395
Центральный федеральный округ	47 920	47 942	210	102	8857	9214	37 906
Северо-Западный федеральный округ	22 208	22 219	33	60	2905	2806	14 212
Южный федеральный округ	7351	6653	18	50	3517	2594	6435
Северо-Кавказский федеральный округ	3290	3130	7	26	1725	634	2811
Приволжский федеральный округ	30 389	30 393	46	79	8800	6099	24 771
Уральский федеральный округ	5601	5605	22	55	2415	1765	4657
Сибирский федеральный округ	9764	9774	19	61	4421	1532	7618
Дальневосточный федеральный округ	4180	4199	15	39	2270	308	2985

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. // Росстат. М., 2022. С. 47.

отмечают большие различия в уровне цифровизации в разных регионах страны [9].

Из-за отсутствия Интернета сильно ограничены возможности удаленного предоставления финансовых услуг в Северо-Западном федеральном округе — жители 36 % населенных пунктов лишены такой возможности. В Дальневосточном федеральном округе такой возможности не имеют жители 29 % населенных пунктов, в Сибирском федеральном округе — 22 %. Именно в Северо-Западном федеральном округе, для которого, по оценкам Банка России, не имеют доступа к всемирной сети более $\frac{1}{3}$ населенных пунктов, самый высокий в стране удельный вес городского населения — 85 % против 75 % в стране в целом¹, а значит, интернет там есть.

Кроме того, именно в этом федеральном округе численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет самая высокая в стране — 123 на 100 человек населения против 107,5 на 100 человек населения в среднем в РФ. А доступность интернета, оцененная не по числу подключенных населенных пунктов, а по удельному весу семей, имеющих доступ к сети, — примерно такая же, как и в стране в целом: удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети интернет в СЗФО в 2021 г. составлял 83,6 % против 84,0 % в РФ, удельный вес семей, имевших широкополосный доступ к сети интернет — 82,4 % и 82,6 % соответственно².

Это означает, что использование для оценки доступности финансовых услуг показателя «число населенных пунктов, подключенных к сети интернет» приведет к неверному результату. В неподключенные к сети 36 %, скорее всего, вошли малолюдные населенные пункты, а население проживает концентрированно в городах. Для такой оценки следует использовать другой показатель — «число активных поль-

зователей Интернета в соотношении с численностью населения».

Ситуация, при которой не все регионы будут учтены при определении доступности банковских услуг с использованием предлагаемого показателя, исключена. Поскольку в нашей стране нет субъектов, полностью лишенных выхода в интернет.

Своей методики оценки доступности финансовых услуг Банк России не раскрывает (на сайте не размещен). Однако результаты оценки также вызывают недоверие. Рассмотрим последние опубликованные данные.

По оценке Банка России, за период с 01.07.2022 по 01.01.2023 среднероссийское значение КФД увеличилось с 62,5 % до 63,3 %, КФД сельских населенных пунктов тоже стал немного больше, повысившись с 61,9 % до 62,7 %. Населенных пунктов, в которых уровень развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг оценен как недостаточный, тоже много: на 01.07.2022 таких населенных пунктов было 10,5 %, на 1 января 2023 г. — 8,7 % от их общего числа.

Самый высокий в России уровень развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг, по оценке Банка России, в Северо-Кавказском федеральном округе, самый низкий — в Сибирском федеральном округе. Недостаточно развита инфраструктура для предоставления финансовых услуг в каждом 9-м населенном пункте Уральского федерального округа, каждом 8-м — Сибирского федерального округа, каждом 6-м населенном пункте Дальневосточного федерального округа (табл. 2).

Вопросы, которые возникают у исследователя, использующего результаты оценки финансовой доступности, проведенной Банком России:

— во-первых, общий КФД по стране в целом равен 63 %, однако во всех, за исключением Сибирского федерального округа этот показатель больше (и в Сибирском федеральном округе коэффициент очень близок к среднероссийскому

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. // Росстат. М., 2022. С. 47.

² Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 904—905, 908—909, 912—913.

Таблица 2

Оценка Банка России уровня развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг по федеральным округам Российской Федерации, 2022 год

Федеральный округ	Коэффициент финансовой доступности, %		Уровень развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг, %				
	всех населенных пунктов	сельских населенных пунктов	хороший	выше среднего	средний	ниже среднего	недостаточный
Российская Федерация	63	63	15,8	28,4	36,9	10,2	8,7
Центральный федеральный округ	64	64	11	30	46	6	7
Северо-Западный федеральный округ	65	63	15	27	32	15	11
Южный федеральный округ	69	68	21	32	22	22	2
Северо-Кавказский федеральный округ	73	72	17	28	45	4	6
Приволжский федеральный округ	65	64	17	24	40	10	9
Уральский федеральный округ	68	67	20	24	27	18	11
Сибирский федеральный округ	62	62	18	32	30	9	12
Дальневосточный федеральный округ	69	68	18	34	25	6	16

Источник: Деятельность территориальных учреждений Банка России по повышению финансовой доступности в сельской местности и на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях: итоги 2022 года // Банк России. М., 2023. 26 с.

значению — 62 против 63), и средняя величина в оцениваемой совокупности не может меньше, чем во всех частях;

- во-вторых, очень сомнительно лидерство Северо-Кавказского федерального округа по уровню развития инфраструктуры для предоставления финансовых услуг. В этом федеральном округе почти половина населения, а в ряде регионов гораздо больше половины населения проживает в сельской местности. А значит, говорить о самой высокой в стране степени доступности разного рода услуг, в том числе и финансовых, не приходится;
- в-третьих, в Центральном и Уральском федеральных округах 82 % населения проживает в городах (в РФ в целом менее 75 %)¹. В городах, как правило, инфра-

структура для предоставления финансовых услуг развита лучше.

Основные результаты исследования авторский вариант оценки доступности банковских услуг в России (региональный аспект)

Рассмотренные выше вопросы побудили автора самостоятельно провести расчеты на основе иной системы показателей, которые, на наш взгляд, отражают ситуацию более реалистично (предлагаемая система показателей описана в разделе Основные положения исследования). Конечно, абсолютно точных индикаторов для оценки ситуации в изучаемой сфере нет. Например, кто-то скажет, что не все активные пользователи сети Интернет являются одновременно и пользователями финансовых услуг, и будет абсолютно прав. Мы рассматриваем данный показатель

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. // Росстат. М., 2022. С. 47.

не как точный измеритель численности пользователей финансовых услуг, а как верхнюю границу этой численности. И точно не претендуем на «истину в последней инстанции». Данное исследование — попытка оценить доступность финансовых услуг, используя подход, отличный от официального¹.

И полученные результаты сильно отличаются от оценок Банка России (табл. 3).

Так, лидирующий по величине КФД Северо-Кавказский федеральный округ, характеризуется наиболее низкими по-

казателями обеспеченности элементами финансовой инфраструктуры с учетом численности населения, а также наименьшими в стране показателями использования населением сети Интернет.

А самые высокие значения данных показателей характерны для Центрального федерального округа, который имеет низкое значение КФД — 64, что соответствует предпоследнему месту (см. табл. 2).

Если ранжировать федеральные округа по уровню развития инфраструктуры для предоставления финансовых услуг методом среднего ранга, то распределение от высшего

¹ Надеемся, что после опубликования статьи в ходе ее обсуждения на страницах журнала подход будет усовершенствован.

Таблица 3

Характеристика развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг по федеральным округам Российской Федерации, на 1 000 000 человек населения, 2022 год

Федеральный округ	Число объектов инфраструктуры предоставления финансовых услуг в расчете на 1 000 000 человек населения			Численность активных абонентов широкополосного доступа к сети Интернет, на 100 человек населения		
	число кредитных организаций	число филиалов кредитных организаций	число отделений почтовой связи с отделными банковскими операциями, в том числе снятием и внесением денежных средств	число торгово-сервисных точек с сервисом «наличные на кассе»	фиксированного	мобильного
Российская Федерация	2,54	3,24	239,84	171,42	23,7	107,5
Центральный федеральный округ	5,37	2,61	226,50	235,63	28,9	120,2
Северо-Западный федеральный округ	2,37	4,32	209,0	201,86	24,9	122,7
Южный федеральный округ	1,10	3,04	214,0	157,83	20,3	97,9
Северо-Кавказский федеральный округ	0,7	2,60	172,55	63,42	10,8	73,4
Приволжский федеральный округ	1,59	2,74	305,09	211,45	23,5	103,2
Уральский федеральный округ	1,79	4,47	196,42	143,55	26,7	108,4
Сибирский федеральный округ	1,12	3,61	261,75	90,70	22,0	103,6
Дальневосточный федеральный округ	1,85	4,82	280,56	38,07	19,0	104,2

Источник: Деятельность территориальных учреждений Банка России по повышению финансовой доступности в сельской местности и на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях: итоги 2022 года // Банк России. М., 2023. 26 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. // Росстат. М., 2022. С. 904—905, 908—909, 912—913, 1012—1015.

к низшему будет следующим: Центральный федеральный округ (43 балла), Северо-Западный федеральный округ (35 баллов), Приволжский и Дальневосточный федеральные округа (по 29 баллов), Сибирский федеральный округ (24 балла), Южный федеральный округ (19 баллов), Северо-Кавказский федеральный округ (7 баллов).

Заключение

Проведенное исследование указывает на достаточно неоднозначную ситуацию с доступностью банковских услуг. Сокращение региональной сети кредитных организаций и связанное с этим ослабление конкуренции в секторе банковских услуг негативно отражаются на эффективности экономической деятельности и уровне жизни людей.

В организациях это, как правило, приводит к росту издержек. А физические лица, поскольку возможности получения финансовых услуг ограничены, вынуждены или от них отказываться, или прилагать значительные усилия для их получения (ехать за десятки километров, отстаивать в очередях). Кроме того, обращение к финансовым услугам при отсутствии выбора, как правило, ведет к дополнительным расходам. По оценкам Банка России, уровень цифровизации финансовых услуг для физических лиц в середине 2022 г. составлял 78,8 %, для юридических лиц — 68,6 %¹.

Принимая решение об открытии / закрытии офисов организации руководствуются принципом экономической целесообразности. Но когда речь идет о социально значимых видах экономической деятельности, то регуляторные решения должны способствовать тому, чтобы доступность таких услуг для населения и бизнеса не снижалась.

Банк России считает, что «в ближайшие годы *ключевым акцентом* в

деятельности Банка России будет повышение доступности финансовых продуктов и услуг в цифровом виде»², хотя признает, что жители 22 % населенных пунктов в России не имеют возможности доступа к сети интернет, а значит, каждый пятый россиянин не может пользоваться цифровыми услугами. Кроме того, получение некоторых услуг требует непосредственного обращения в офис кредитной организации, для чего жителям отдаленных населенных пунктов приходится преодолевать десятки километров, тратить на это много времени и денег.

Представляется, что необходимо установить требования к кредитным организациям по обеспечению различных форм присутствия кредитных организаций в зависимости от численности населения и строго контролировать их исполнение. Возможности у большинства кредитных организаций для этого есть, и дополнительные затраты не сильно ударят по финансовому положению банков: рентабельность финансовой деятельности находится на очень высоком уровне: 2019 г. — 34 %, 2020 г. — 40,2 %, 2021 г. — 57,4 %. Для сравнения, в среднем в российской экономике показатели были соответственно равны 10,8 %, 9,4 %, 14,7 %³. И в первую очередь это должно касаться банков с государственным участием.

1. Абдурахманов, С. К. Межбанковская конкуренция и особенности развития конкурентной среды в банковской сфере / С. К. Абдурахманов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 11-1(38). — С. 74—77. — DOI 10.24411/2500-1000-2019-11700. — EDN ORBRDT.

2. Видеркер, Н. В. Причины отзыва лицензии у банков: можно ли предугадать банкротство? / Н. В. Видеркер //

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов // Банк России. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.11.2023).

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов // Банк России. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.11.2023).

³ Российский статистический ежегодник : стат. сб. // Росстат. М., 2022. С. 342—343.

Ученые записки Российской Академии предпринимательства. — 2015. — № 43. — С. 150—154. — EDN UCBRUT.

3. Дьяконов, Р. В. Ретроспективная оценка состояния конкурентной среды в банковском секторе / Р. В. Дьяконов // Банковское дело. — 2023. — № 7. — С. 46—52. — EDN KOUJRS.

4. Ковалева, Н. А. Влияние цифровизации на структурные изменения в банковских системах / Н. А. Ковалева // Банковское дело. — 2023. — № 12. — С. 14—19. — EDN WNGZTH.

5. Ковалева, Н. А. Направления модификации институциональной структуры банковского сектора в условиях нестабильности и технологических трансформаций / Н. А. Ковалева // Банковское дело. — 2023. — № 11. — С. 39—47. — EDN EXASOQ.

6. Коробов, Ю. И. Банковская конкуренция на современном этапе / Ю. И. Коробов // Банковское дело. — 2010. — № 11. — С. 13—16. — EDN MWBWIT.

7. Котыхова, А. Н. Экосистемы в банковской сфере РФ: нездоровая конкуренция и методы ее регулирования / А. Н. Котыхова, О. О. Коваль, А. В. Цикалова // Гуманитарный научный вестник. — 2022. — № 2. — С. 137—142. — DOI 10.5281/zenodo.6327286. — EDN TЕНWSX.

8. Лазарева, Е. Н. Роль региональных банков в устойчивом развитии территорий / Е. Н. Лазарева // Российское общество в региональном измерении : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2022. — С. 108—111.

9. Липатова, Л. Н. Статистическая оценка доступности цифровых технологий для населения Российской Федерации / Л. Н. Липатова // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2023. — № 2. — С. 27—36. — DOI 10.52210/2224669X_2023_2_27. — EDN QRDQVH.

10. Мазурина, Т. Ю. Цифровая трансформация банковской отрасли: от цифровых продуктов и услуг — к экосистемам / Т. Ю. Мазурина, Е. И. Шаманина // Банковское дело. — 2023. — № 8. — С. 41—48. — EDN ELQDWQ.

11. Моисеев, С. Р. Реалии монополистической конкуренции в российском банковском секторе / С. Р. Моисеев // Современная конкуренция. — 2007. — № 1 (1). — С. 94—108. — EDN HZMQSB.

12. Негров, В. П. Понятие, сущность и особенности банковской конкуренции / В. П. Негров, Я. Ю. Радюкова // Социально-экономические явления и процессы. — 2015. — Т. 10, № 4. — С. 67—72. — EDN TYRWSJ.

13. Ракша, А. Д. Конкуренция в банковской сфере / А. Д. Ракша // Банковское дело. — 2010. — № 11. — С. 25—27. — EDN MWBWJN.

14. Самсонова, Е. К. Формирование и развитие конкурентной среды на рынке банковских услуг России: проблемы и перспективы / Е. К. Самсонова // Финансы и кредит. — 2007. — № 29 (269). — С. 2—7. — EDN IACWQB.

15. Тимофеев, С. В. Защита конкуренции в банковской сфере: экономико-правовой аспект / С. В. Тимофеев // Современная конкуренция. — 2007. — № 1 (1). — С. 109—117. — EDN HZMQSL.

16. Хандруев, А. А. Конкурентная среда и модернизация структуры российского банковского сектора / А. А. Хандруев, А. А. Чумаченко // Банковское дело. — 2010. — № 11. — С. 6—13. — EDN MWBWIJ.

17. Besanko, D. Banking Deregulation: Allocational Consequences of Relaxing Entry Barriers / D. Besanko, A. V. Thakor // Journal of Banking and Finance. — 1992. — № 16. — P. 909—932.

18. Freixas X. Microeconomics of Banking / X. Freixas, J. Rochet. Cambridge: MIT Press, 1997. — 312 с.

19. King, R. Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right / R. King, R. Levine // Quarterly Journal of Economics. — 1993. — № 108. — P. 717—737.

References

1. Abduraxmanov S. K. (2019) Mezhsobankovskaya konkurenciya i osobennosti razvitiya konkurentnoj sredy v bankovskoj sfere [Interbank competition and peculiarities of the development of a competitive environment in the banking sector].

Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk, no. 11, pp. 74-77. DOI 10.24411/2500-1000-2019-11700. [in Rus].

2. Viderker N. V. (2015) Prichiny otzyva licenzii u bankov: možno li predugadat` bankrotstvo? [Reasons for revoking a license from banks: is it possible to predict bankruptcy?]. *Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva*, no. 43, pp. 150-154 [in Rus].

3. D'yakonov R. V. (2023) Retrospektivnaya ocenka sostoyaniya konkurentnoj sredy v bankovskom sektore [Retrospective assessment of the competitive environment in the banking sector] *Bankovskoe delo*, no. 7, pp. 46-52 [in Rus].

4. Kovaleva N. A. (2023) Vliyanie cifrovizacii na strukturnye izmeneniya v bankovskix sistemax [The impact of digitalization on structural changes in banking systems] *Bankovskoe delo*, no. 12, pp. 14-19 [in Rus].

5. Kovaleva N. A. (2023) Napravleniya modifikacii institucional'noj struktury bankovskogo sektora v usloviyax nestabil`nosti i technologicheskix transformacij [Directions of modification of the institutional structure of the banking sector in conditions of instability and technological transformations] *Bankovskoe delo*, no. 11, pp. 39-47 [in Rus].

6. Korobov Yu. I. (2010) Bankovskaya konkurenciya na sovremennom etape [Banking competition at the present stage]. *Bankovskoe delo*, no. 11, pp. 13-16 [in Rus].

7. Kotyhova A. N., Koval' O. O., Cikalova A. V. (2022) Ekosistemy v bankovskoj sfere RF: nezdorovaya konkurenciya i metody ee regulirovaniya [Ecosystems in the banking sector of the Russian Federation: unhealthy competition and methods of its regulation]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, no. 2, pp. 137-142. DOI 10.5281/zenodo.6327286 [in Rus].

8. Lazareva E. N. (2022) Rol' regional'nyh bankov v ustojchivom razvitii territorij [The role of regional banks in the sustainable development of territories]. *Rossijskoe obshhestvo v regional`nom izmerenii*. Saransk, pp. 108-111 [in Rus].

9. Lipatova L. N. (2023) Statisticheskaya ocenka dostupnosti cifrovyyx

technologij dlya naseleniya Rossijskoj Federacii [Statistical assessment of the accessibility of digital technologies for the population of the Russian Federation]. *Vestnik MFYuA*, no. 2, pp. 27-37. DOI 10.52210/2224669X_2023_2_27 [in Rus].

10. Mazurina T. Yu. (2023) Cifrovaya transformaciya bankovskoj otrasli: ot cifrovyyh produktov i uslug -k ekosistemam [Digital transformation of the banking industry: from digital products and services to ecosystems]. *Bankovskoe delo*, no. 8, pp. 41-48 [in Rus].

11. Moiseev S. R. (2007) Realii monopolisticheskoy konkurencii v rossijskom bankovskom sektore [The realities of monopolistic competition in the Russian banking sector] *Sovremennaya konkurenciya*, no. 1(1), pp. 94-108 [in Rus].

12. Negrov V. V., Radyukova Ya. Yu. (2015) Ponyatie, sushhnost' i osobennosti bankovskoj konkurencii [The concept, essence and features of banking competition]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*, no. 4, pp. 67-72 [in Rus].

13. Raksha A. D. (2010) Konkurenciya v bankovskoj sfere [Competition in the banking sector]. *Bankovskoe delo*, no. 11, pp. 25-27 [in Rus].

14. Samsonova E. K. (2007) Formirovanie i razvitie konkurentnoj sredy na rynke bankovskix uslug Rossii: problemy i perspektivy [Formation and development of a competitive environment in the Russian banking services market: problems and prospects]. *Finansy i kredit*, no. 29, pp. 2-7 [in Rus].

15. Timofeev S. V. (2007) Zashhita konkurencii v bankovskoj sfere: ekonomiko-pravovoj aspekt [Protection of competition in the banking sector: economic and legal aspect]. *Sovremennaya konkurenciya*, no. 1, pp. 109-117 [in Rus].

16. Handruev A. A., Chumachenko A. A. (2010) Konkurentnaya sreda i modernizaciya struktury rossijskogo bankovskogo sektora [Competitive environment and modernization of the structure of the Russian banking sector]. *Bankovskoe delo*, no. 11, pp. 6-13 [in Rus].

17. Besanko D., Thakor A.V. (1992) Banking Deregulation: Allocation Consequences of Relaxing Entry Barriers. *Journal of Bank-*

ing and Finance, no. 16, pp. 909-932 [in Eng].

18. Freixas X., Rochet J. (1997) *Microeconomics of Banking*. Cambridge, MIT Press. 312 p. [in Eng].

19. King R., Levine R. (1993) Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right. *Quarterly Journal of Economics*, no. 108, pp. 717-737 [in Eng].

For citing: Stetskaya T. S. (2024)
Assessing the availability of banking services
in Russia: a regional aspect.
Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 1 (99), pp. 19-31.
DOI 10.22394/1996-0522-2024-1- 19-31 [in Rus].

UDC 336

EDN XNDTQU

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-19-31

ASSESSING THE AVAILABILITY OF BANKING SERVICES IN RUSSIA: A REGIONAL ASPECT

Tatiana S. Stetskaya,

AO Raiffeisenbank, Head, Senior Vice President,
Retail Branch West Hub,
Saint Petersburg, Russia.
E-mail: stetskaya90@list.ru
ORCID 0009-0004-7863-7463

Abstract

Introduction. The sustainable development of the financial sector in any country creates favorable conditions for economic development and improving the life quality of the population. In Russia, in recent years, in order to improve the efficiency of their activities, credit institutions have greatly reduced their physical presence in settlements, and regional banks with a wide network have become very rare. As a result, the opportunities for businesses and citizens to receive financial services have been limited. This requires an assessment of the financial services availability, which is the purpose of the study. Therefore, the purpose of this study is to assess the financial accessibility of banking services in the Russian Federation.

Methods. The study is based on using the data from Rosstat and the Bank of Russia. During the research, the author uses logical techniques, systematic and critical approaches, methods of economic and statistical analysis. The study was conducted in the context of federal districts.

The scientific novelty of the study. The author identifies the defects in the methodological approach used by the Bank of Russia to assess the availability of financial services in the constituent

entities of the Russian Federation. The author proposes and tests a system of indicators for conducting such an assessment. Its advantage is that only relative indicators are used, which allows for cross-regional comparisons.

Results and conclusions. The results obtained differ greatly from the estimates of the Bank of Russia, according to which the highest level of infrastructure development for the provision of financial services is characteristic of the North Caucasus Federal District, in which, as established during the analysis, the lowest indicators of provision of elements of financial infrastructure, taking into account the population, as well as the lowest indicators of Internet use in the country. According to our estimates, the greatest availability of financial services is in the Central Federal District, which, according to the estimates of the Bank of Russia, occupies the penultimate place.

The reduction in the network of credit institutions observed in the country has a negative impact on the activities of enterprises and the life quality of people. With the current level of financial services digitalization, it is necessary to maintain the physical presence of credit institutions in the regions, for which special measures should be taken by the financial regulator. Given the very high profitability of financial activities in Russia, this will not pose a threat to the weakening of the banking sector.

Keywords:

credit institution,
branch,
banking services,
financial services infrastructure,
availability of financial services,
lending,
raising funds,
accepting payments,
making transfers,
acquiring

Received: 29.12.2023

Accepted: 28.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Stetskaya T. S. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Холоднова, К. Н. «Подпольный человек» как антропологический тип в творчестве Ф. М. Достоевского / К. Н. Холоднова // Социум и власть. — 2024. — № 1 (99). — С. 32—45. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-32-45. — EDN QH1AUW.

УДК 128

EDN QH1AUW

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-32-45

«ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Холоднова Ксения Николаевна,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
философский факультет,
аспирант кафедры философской
антропологии.
Москва, Россия.
ORCID 0009-0008-7336-0230
E-mail: kholodnovaksenia@mail.ru

Аннотация

Введение. Ф. М. Достоевский называл подпольный тип главнейшим из того, что он вывел в своем творчестве. В «подпольном» типе Ф. М. Достоевским раскрылась идея двойственности человека, которому никаким прогрессом и разумом не угодишь, потому что ему требуется, как заметил герой «Записок из подполья», только свою волю заявить. Таким образом мы можем говорить о человеке обратной перспективы, т.е. о том, кто детерминирован внутренним причинением, воздействует на самого себя, грезит и не живет среди вещей.

Цель данного исследования — раскрыть понимание двойственной природы человека в философии Ф. М. Достоевского. Традиционно, начиная с Платона, двойственность человека в философии понималась как разделение на душу и тело. Однако, на наш взгляд, «двойственный человек» Ф. М. Достоевского, который называется у него подпольным типом, благодаря наличию сознания создает в мире второй план, удваивает реальность до своих грез. Таким образом мы можем

говорить о том, что двойственность человеческой природы – это разделение внутри одного сознания человека. Что в таком случае мы можем сказать о сознании? Это присутствие человека, существующего в мире не по законам мира, а по отношению к самому себе. Сознание — это то, что склеивает существование и объекты наших грез. Пытаясь удержать в действительности собственные грезы, человек наделяет реальность смыслами, преодолевая бессмысленность мира.

Методы. Основным методом исследования является литературоведческий анализ сочинений Ф. М. Достоевского и трактовок его идей в пространстве мысли Л. И. Шестова и С. А. Никольского. Также исследование предполагает точечное обращение к работам В. В. Зеньковского, В. В. Розанова, К. В. Мочульского, Л. П. Гроссмана и М. М. Бахтина. Данные виды анализа имеют своей целью выявление коннотаций и расхождений в философских системах исследуемых мыслителей как на уровне текстуального анализа их произведений, так и на уровне изучения их концептов. В качестве вспомогательного метода используется текстологический анализ.

Научная новизна исследования.

В статье прослеживается развитие типа «подпольного человека» в пространстве творчества Ф. М. Достоевского. Первая попытка его концептуализировать приходится на повесть «Двойник». Тип находит свое продолжение в произведении «Записки из подполья». Научная новизна исследования состоит в том, что, опровергая уже существующие трактовки данного типа русскими философами, автор предлагает альтернативную, суть которой заключается в следующем: «подпольный человек» есть человек двойственный, которому свойственно не классическое для философии раздвоение на душу и тело, а раздвоение внутри одного своего сознания. Кроме того, в статье впервые в научной литературе доказывается мысль, согласно которой главный герой романа «Подросток» также относится к типу «подпольного человека».

Результаты. Автор выделяет «подпольного человека» как особый антропологический тип, концептуализированный в произведениях Ф. М. Достоевского. Последний же, в свою очередь, понимается как человек с раздвоенной самостью, который живет не в мире, а в картине мира, до которой он удваивает реальность посредством воображения. Такой человек характеризуется приоритетом внутреннего над внешним

и стремлением к радикальной редукции мира наличного. Отрезая действительность, человек получает возможность учреждать внутреннее.

Выводы. Для философии Ф. М. Достоевского, задачей которой становятся попытки осмыслить, отстоять и оправдать человека, свойственно особое понимание последнего, как того, кто живет только внутренним причинением и отказывается подчиняться детерминационным связям, благодаря которым все существует в мире наличного.

Ключевые слова:
философская антропология,
Ф. М. Достоевский,
«подпольный человек»,
«двойственный человек»,
«Записки из подполья»

Поступила: 20.11.2023
Принята: 15.02.2024
Дата печати: 30.03.2024

*Права: © Холоднова К. Н. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

«Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех более писателей говорил о нем я...» [11, с. 49] — именно так отзывался великий русский писатель Ф. М. Достоевский о «главнейшем» в своем творчестве. Как справедливо замечают многие исследователи и мыслители, например, В. В. Розанов, именно «подпольный человек» Ф. М. Достоевского не получил должного внимания и не был отрефлексирован настолько, насколько он того заслуживает. При этом оценки этого типа предельно разнятся: от восхищения (В. В. Розанов, К. В. Мочульский, Ф. И. Гиренок) до сдержанного неприятия и даже отторжения (С. А. Никольский). Кроме того, нам кажется важным, что «подпольный человек» крайне редко подвергался рефлексии именно как антропологический тип, созданный в пространстве творчества Ф. М. Достоевского. Обычно попытки анализировать «подпольного» человека уводят авторов в сторону идеологии и даже политики, т. е. исследования оборачиваются критикой почвеннических убеждений Ф. М. Достоевского. Мы же хотим сосредоточиться именно на философско-антропологическом анализе типа и показать, что через него Ф. М. Достоевский открыл двойственность человека как фундаментальный антропологический принцип. Из значимых исследований в области философского осмысления типа можно выделить трактовку К. В. Мочульского, данную им в работе «Гоголь. Соловьев. Достоевский», где он очень точно, на наш взгляд, заметил: «парадоксы подпольного человека — не причуды какого-то полусумасшедшего чудака, а новое откровение человека о человеке (курсив автора)» [13, с. 339]. Мы ставим своей задачей в данной статье ответить на вопрос о том, каково же это самое новое откровение о человеке? Что такого увидел Ф. М. Достоевский в этом типе, что не было сказано о человеке до него?

И наконец: как проявляется двойственность человека, о котором рассказывал нам Ф. М. Достоевский?

1. «Подпольной человек» и его осмысление в русской философии

Русский философ экзистенциального толка Л. И. Шестов (1866—1938) обращался к творчеству Ф. М. Достоевского не раз, например, в работах «Киркегард и Достоевский» (1935), «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (1903), «Преодоление самоочевидностей. (К столетию рождения Ф. М. Достоевского)» (1929), «Пророческий дар (К 25-летию смерти Ф. М. Достоевского)» и др. Наиболее интересной для нас в рамках данного исследования становится работа «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», поскольку именно в ней, анализируя перерождение убеждений Ф. М. Достоевского, Л. И. Шестов наиболее часто обращается к типу «подпольного человека». На ее анализе мы и сосредоточим свое внимание.

Стоит сначала ответить на вопрос о том, почему вообще Л. И. Шестов называет философию Ф. М. Достоевского философией трагедии? Потому что, согласно его взглядам, сочинения Достоевского не содержат ответы, а пытаются поставить один, самый главный вопрос: «имеют ли надежды те люди, которые отвергнуты наукой и моралью?» [19, с. 39]. Как и было сказано выше, в своей работе Л. И. Шестов обращается к попытке проследить перерождение убеждений Ф. М. Достоевского, о котором последний сам заявлял. Однако писатель при этом считал, что это не любопытно и останавливаться на этом не следует. Для Л. И. Шестова это кажется очень любопытным, и в своих попытках разгадать это он обращается именно к «Запискам из подполья». Объявляя Достоевского большой психологической загадкой для исследователя, Л. И. Шестов обращается к его героям, как к попытке понять самого Ф. М. Достоевского. Главная мысль при этом заключается в том, что все «подпольные»

герои Ф. М. Достоевского, — это сам Достоевский. Как полагал Шестов, Достоевский обманывался, считая, что это не желания и суждения его собственного я, а голоса выдуманных им героев. «Ему самому страшно было думать, что подполье, которое он так ярко обрисовывал, было не нечто ему совсем чуждое, а свое собственное, родное» [19, с. 41]. Мало того, согласно идеям Л. И. Шестова Ф. М. Достоевский создал своих «положительно — прекрасных» героев только как попытку самому спрятаться от себя, ведь ему стало страшно от тех ужасов, которые открылись внутри него, и, чтобы их не видеть, он пытался закрыться от них придуманными идеями. Далее Шестов пишет о том, что почти все прочие герои Достоевского, а именно Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов и др. по сути своей есть тоже тип «подпольного человека». Следует заметить при этом, что оснований, которые позволили бы отнести данных героев к этому типу, Л. И. Шестов не разъясняет. Он только продолжает утверждать, что «Записки из подполья» — это попытка Ф. М. Достоевского отречься от собственного прошлого и хотя бы в фантазиях бросить в грязь идеалы добра и служения человеку, которыми он беззаветно упивался всю свою прежнюю жизнь. «“Записки из подполья” — это раздирающий душу вопль ужаса, вырвавшийся у человека, внезапно убедившегося, что он всю свою жизнь лгал, притворялся, когда уверял себя и других, что высшая цель существования — это идеал служения последнему человеку» [19, с. 62]. Ведь в этот момент, по Шестову, в душе Достоевского проснулось что-то настолько стихийное и страшное, что он стал еще «истеричнее выкрикивать» свои прежние идеалы, чтобы скрыть правду. И именно этой *двойственностью* (курсив наш — К. Х.) проникнуты все его дальнейшие произведения.

Стоит заметить, что единственным основанием всех своих идей Л. И. Шестов объявляет тот факт, что Ф. М. Достоевский писал в предисловии, что «Записки...» вымышлены, а значит,

они как раз не такие. Кроме того, как уже было сказано выше, Шестовым недостаточно глубоко анализируется «подпольный человек» как таковой. Он объявляется носителем чего-то страшного и стихийного, т. е. имеет исключительно негативную коннотацию. Откуда берется страшное и стихийное? Мог ли Ф. М. Достоевский так односторонне относиться к человеку, что всю свою жизнь рисовал просто страшного человека, застывшего в своей хаотичности? Не анализируется природа страха Ф. М. Достоевского перед самим собой, о которой пишет Л. И. Шестов. Ведь человек вообще, как глубоко заметила профессор Н. Н. Ростова, начинается с непредметного страха своей метафизической неуместности: «Страх — это первая эмоция человека, тот антропологический минимум, который позволяет говорить о феномене под названием человек» [18, с. 56]. Не становится понятно, на каком основании другие герои Ф. М. Достоевского объявляются «подпольными людьми». Идея об объединяющем их внутреннем страшном и стихийном, а также об эгоизме, который есть следствие муки от встречи с собой, не кажется нам убедительной так же, как и мысль о том, что все творчество Ф. М. Достоевского после «Записок...» можно в конечном счете свести к попытке реабилитировать права «подпольного человека», т. е., следуя логике Л. И. Шестова, свои собственные. И наконец, сам факт именно такого перерождения убеждений Достоевского, каким его представлял себе Шестов, многими мыслителями ставится под сомнение. Например, В. В. Зеньковский, оппонировавший Шестову, писал: «Наоборот, его [Достоевского — К. Х.] мысль до конца дней движется в линиях антиномизма, — в частности христианский натурализм, с одной стороны, и неверие в «естество», с другой, продолжают все время жить в нем, так и не найдя завершающего, целостного синтеза» [12, с. 402—403].

На наш взгляд, в похожем на Л. И. Шестова ключе осмысляет «подпольного человека» Ф. М. Достоевского С. А. Никольский. В данном исследо-

вании мы сосредоточимся на анализе двух его статей, а именно «“Подпольность” как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского» (2013) и «Достоевский и явление “подпольного” человека» (2011). Идеино, как нам кажется, эти статьи выражают одни и те же мысли и дополняют друг друга. Это подтверждается примечанием самого С. А. Никольского, согласно которому обе эти статьи посвящены одной и той же проблеме. Статья «“Подпольность” как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского» начинается с утверждения о том, что вся жизнь «подпольных» людей складывается исключительно из того, что они «постоянно что-то со своим грязным нутром делают, все время в его грязи копошатся» [15, с. 109], ведь «копаться в грязи — их главное занятие» [15, с. 109]. Почему это так? Потому что такой человек весь заполнен грязью. Вообще, согласно взглядам С. А. Никольского, «человек занимает Достоевского в координатах “от земли — в ее глубины”, в устремлении к аду, во тьму» [15, с. 109]. К «подпольным» С. А. Никольский относит чрезвычайно много героев Ф. М. Достоевского, а именно Раскольникова, Свидригайлова, Рогожина, Ганю Иволгина, Ипполита Терентьева, Лебедева, Ламберта, Мермеладова, Ставрогина, Смердякова, Верховенского, Федора Павловича, Дмитрия и Ивана Карамазовых, и даже частично Разумихина. Последний, по Никольскому, иногда проявляет свою «подпольность», но будучи «нормальным» человеком сразу после раскаяния и вообще всегда старается «подполье» в себе удержать. «Подпольность» при этом бывает двух видов: бытовая, или повседневная, и философическая, или идейная. Первая не требует от личности никакой идейной основы и рефлексии. Представителями такой «подпольности», согласно С. А. Никольскому, становятся Мармеладов, Смердяков и Митя Карамазов. Вторая подпольность вырастает на идеях, которые герои долго и мучительно изобретают, обсуждают и проживают. Ее лицами становятся

Иван Карамазов и Аркадий Свидригайлов, а кульминации она достигает в образах Николая Ставрогина и Петра Верховенского. Во втором случае речь будет идти о «подпольности» высшего разряда, т. к. в отличие от первой она не ограничивается просто «мечтаниями», а в ней присутствует логический анализ. Последний аргумент нам кажется значимым ввиду того, как автор трактует значение слова «высшее». Не метафизически содержательное, а именно аналитическое с присутствием строгой логики. Пугает С. А. Никольского даже не «грязный» «подпольный человек» как таковой, а тот факт, что, согласно идеям самого Ф. М. Достоевского, — это человек русский и среди нас таких большинство. Это дает возможность С. А. Никольскому продолжать развивать свои идеи и прийти к мысли о том, что Достоевский нашел не что иное, как «болезнь» своего народа. При этом С. А. Никольский убежден, что источник подпольности для Достоевского лежал исключительно в либерализме. Именно это и есть первая и главная ошибка мыслителя в глазах автора данных статей. Ф. М. Достоевский, как известно, был почвенником и именно в этом видел возможность избавления личности от разлагающих, по его мнению, либеральных идей, шедших в Россию извне. Но ведь даже герои самого Достоевского, такие, как Мармеладов или Митя Карамазов, были глубоко больны «подпольностью», а идеи либерального толка им взять было просто неоткуда, в отличие, например, от Ивана Карамазова, получившего образование на Западе, — рассуждает Никольский, ища прорехи у Достоевского. Таким образом, по его мнению, получается, что сам источник разложения человека был найден Достоевским неверно, и в либерализме он лежать не может. А коренится он, по его мнению, именно в том самом почвенничестве, за которое так ратовал Достоевский. В конечном счете С. А. Никольский делает вывод о том, что почвенничество — это форма патриотического ослепления, пронизанная идеями мессианского на-

ционализма. Кроме того, С. А. Никольский замечает, что и сам Ф. М. Достоевский, и русская религиозная философия в целом отказываются замечать нереализуемость в реальности идеи согласования хлеба насущного и свободы. Лекарство от этого С. А. Никольский видит в преодолении центризма, которое, во-первых, пойдет на пользу нам самим, а, во-вторых, поможет переменить о нас мнение других народов. Продолжая оппонировать Достоевскому, он пишет о том, что последний предлагает целебные «травяные настойки» своей стране вместо «необходимого хирургического вмешательства». Отказываясь видеть искони присущий русской философии антропоцентризм, попытки оправдать человека и сохранить его как достойный внимания объект познания, С. А. Никольский предлагает обрушить то, что формирует русскую самобытность, и то, что можно назвать попытками мыслить по-русски.

Статья под названием «Достоевский и явление “подпольного” человека», как уже было сказано ранее, идейно дополняет проанализированную выше. Мы берем статьи не в том порядке, в котором они выходили, что не кажется нам важным ввиду их внутренней идейной и смысловой связи. К тому, что уже было сказано, она добавляет не так много, а именно С. А. Никольский считает, что Ф. М. Достоевский исследовал в человеке только духовно-ущербное, потому что думал, что поможет ему от него избавиться, выставив на свет. О каком духовно-ущербном тут речь? Герои Ф. М. Достоевского, согласно взглядам С. А. Никольского, в отличие от героев других писателей даже не подозревают о связях человека, например, с природой, а еще «никогда не поднимают голову и потому не подозревают о существовании неба» [14, с. 78]. Более того часто они люди совсем безродные, потому что никоим образом не согласовывают свою жизнь с заветами предков. В этой работе также утверждается идея о том, что «подпольный человек» — это сам Ф. М. Достоевский, ведь именно в этой повести он «утвер-

ждает собственное самоназвание, фиксирует свое отношение к миру и положение в нем» [14, с. 79]. «Подпольному человеку» также вменяется автором в вину, что он не принимает ничего позитивного, если оно идет с Запада и пытается изменить логику реальности не постепенными делами, а рывком, «показав судьбе язык». В противовес реальным «подпольным людям» Ф. М. Достоевский рисует идеального, но вымышленного человека, князя Мышкина, который создан как некая конструкция, состоящая из близких писателю философских идей, и, безусловно, все позитивное, что есть в герое, согласно Никольскому, это лишь некоторые черты Западного человека.

Таким образом, аргументы против «подпольного человека» становятся скорее аргументами против почвеннических взглядов Ф. М. Достоевского, который, по мнению С. А. Никольского, в отличие от него самого не ценил «позитивного» западного влияния на Россию. Статья больше напоминает попытку вести идеологический спор с Ф. М. Достоевским, чем философское исследование его творчества. При этом суть той самой западной позитивности также остается от читателя скрытой. Сам по себе «подпольный» тип, который даже вынесен в название статей, не получает никакой философской трактовки, а просто отторгается на основании ряда оценочных, исключительно негативных, характеристик, которые вряд ли применимы тогда, когда мы строим философское рассуждение о концептуализированном в пространстве чьего-то творчества герое. Более того, остается непонятным, почему рассуждающий о сознании «подпольный человек» объявляется «грязным»? Ведь сознание — одна из важнейших философских категорий, рефлексировать по поводу которой философы и мыслители пытались на протяжении тысячелетий.

В отличие от Л. И. Шестова, С. А. Никольский выделяет те признаки, которые, на его взгляд, объединяют «подпольных людей» и даже выявляет разные виды «подпольности». Однако

эти признаки кажутся настолько неконкретными, что на их основании «подпольными» или «проявляющими подполье» можно назвать абсолютно всех людей в принципе, а не только героев Ф. М. Достоевского. Почему такие разные герои, как Разумихин, Митя Карамазов и Мармеладов вообще оказываются одним типом? Какие философские основания позволяют С. А. Никольскому делать такие утверждения, нам не становится понятным из его статьи. Даже если мы примем гипотезу автора о том, что почвенничество — это исток подполья, то мы все равно не поймем из его рассуждений, что такого было в том самом почвенничестве, что из него «вышел» «подпольный человек». Более того, если последовательно развивать данную мысль, то из нее следует, что человек вообще опосредован только внешним на себя влиянием, т.е. тем, что Достоевский называл «среда заела». Но неужели человек формируется только внешним причинением и этим и ограничивается? И чем «подпольный» человек все же отличается от другого, не подпольного? Какой антропологический минимум вообще позволяет говорить нам о человеке как таковом? Можем ли мы говорить о героях Ф. М. Достоевского как о тех, единственная характеристика которых — это «копашащиеся в своей грязи», и настолько упрощать антропологические типы, созданные в пространстве творчества писателя? В творчестве такого автора, который в качестве своего жизненного и творческого кредо провозгласил: «человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной всю жизнь, ибо хочу быть человеком» [9, с. 36]. На наш взгляд, именно философия Ф. М. Достоевского будучи глубоко антропологичной, представляет для исследователей возможность вновь воспринимать человека как высшую ценность и обосновать его бытийственную уникальность. И это то важное, что оказывается напрочь проигнорированным в исследовании С. А. Никольского.

Кроме того, мысль С. А. Никольского о том, что сам Ф. М. Достоевский был «подпольным», также не получает анализа, а просто утверждается. Здесь хочется вспомнить слова, принадлежащие М. М. Бахтину, «Достоевский, подобно гетевскому Прометею, создает не безгласных рабов (как Зевс), а свободных людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать на него» [1, с. 223].

2. «Двойник»: первая попытка концептуализации «подпольного» человека

В 1846 году Ф. М. Достоевским была опубликована повесть «Двойник». Эта работа преимущественно не была положительно оценена критиками, которые за два года до этого, отдавали должное литературному таланту автора «Бедных людей». Отношение самого Достоевского к этой повести стоит отдельно отметить, о главном герое «Двойника», Голядкине, он писал так: «мой главнейший подпольный тип (надеюсь, что мне простят это хвастовство в виду собственного сознания в художественной неудаче типа)» [10, с. 49]. Именно эти слова писателя позволяют нам утверждать о том, что первой попыткой Ф. М. Достоевского концептуализировать «подпольного» человека становится именно Голядкин. Оценивая собственную попытку как неудачную, писатель даже планировал переиздание повести, о чем свидетельствуют его пометки в записных книжках за 1860—1862 гг. Также в 1877 г. в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский напишет: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно» [6, с. 873].

Итак, в повести «Двойник» мы знакомимся с главным героем Яковом Петровичем Голядкиным. Иногда у него бывают такие периоды, когда он

лежит «не вполне уверенный, проснулся ли он или все еще спит, наяву ли и в действительности ли все, что около него теперь совершается, или — продолжение его беспорядочных сонных грез» [5, с. 123]. В один из дней Яков Петрович собирается и без назначенной встречи едет к доктору медицины и хирургии Крестьяну Ивановичу Рутеншпицу. Врач смотрит на Голядкина косо и тщетно пытается понять, с какой целью тот приехал. Яков Петрович садится на стул и с дрожащими губами начинает говорить: «Я хочу сказать, Крестьян Иванович, что я иду своей дорогой, особой дорогой» [5, с. 131], «я не так, как другие. Зато я, Крестьян Иванович, действую» [5, с. 131], «действую не втихомолку, а открыто, без хитростей, и хотя бы мог вредить, и очень бы мог, и даже знаю, над кем и как это сделать» [5, с. 133]. Голядкин, не будучи в состоянии остановиться, продолжает сообщать доктору, что он не любит полуслов, «мизерных двуличностей» и гнушается клеветой и сплетнями. Крестьяну Ивановичу начинает казаться, что Голядкина нужно лечить медикаментами, и он предлагает ему рецепт.

Дальше господин Голядкин садится в экипаж и едет на день рождения дочери своего благодетеля Олсуфия Ивановича Берендеева Клары Олсуфьевны. Там ему сообщают, что пускать его на праздник не велено, чем изумляют. Упорный господин Голядкин не сдаётся и проникает на праздник из сеней, что на черной лестнице. Начинает он сразу с поздравлений в адрес именинницы, но запинаясь и замолкает. Голядкин пытается найти себе стул, однако и это у него не выходит, пробует пригласить на танец именинницу и спотыкается. Не сумев овладеть с реальностью, господин Голядкин начинает грезить: он представляет, что с потолка сорвется люстра и он бросится спасать Клару Олсуфьевну. Спасши ее, он скажет лишь: «Не беспокойтесь, сударыня; это ничего-с, а спаситель ваш я» [5, с. 155]. Грезы Голядкина не объективируются, и он видит, как к нему направляется Герасимыч

с целью вывести из зала. Оскандалившийся господин Голядкин утверждает слуге, что он «здесь у себя, то есть на своем месте» [5, с. 156], но места этого за Голядкиным никто не признает, и Герасимыч силой выдворяет его из квартиры. Оказавшись на улице, господин Голядкин внезапно раздваивается и, придя домой, он видит своего двойника: «тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был — ужас господина Голядкина, был — стыд господина Голядкина, был — вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин» [5, с. 169]. Что же случилось с господином Голядкиным? Внезапно он обнаружил, что то, что он думает о себе и то, что о нем думают другие, — это совсем разные вещи. Более того в своих фантазиях он занимает в обществе одно место, а в реальности совсем другое. Господин Голядкин попытался объяснить Крестьяну Ивановичу, что он вот такой Голядкин, не интригающий и действующий, а доктор с ним не согласился и решил его лечить. Он постарался объяснить слуге и гостям Олсуфия Ивановича, что он на своем месте, однако его силой вытолкнули из квартиры. Оказавшись перед невозможностью соединить собственные грезы и реальность, сдавленный ощущением невозможности совладать с действительностью, Голядкин распадается на себя и своего двойника. Один будет жить в мире, а другой в картине мира. В первом все будет держаться причинными отношениями, а во втором усилиями субъекта. Человек, живущий в мире, всегда сталкивается с чувством будто он «недоделанное пробное существо, созданное в насмешку» [4, с. 309]. А человек, живущий в картине мира, наполняет ее смыслами, лежащими в пространстве человеческой субъективности. Ведь «быть субъективным — значит предоставлять себя действию сил воображаемого»¹, а последнее в свою очередь «значит изменить сознание, создать в нем второй план»².

¹ Гиренок Ф. И. Кризис субъекта // Литературная газета. — 2015. — №34 (6522). — 2 сент. — С. 1.

² Там же. С. 1

Что нужно, чтобы этот план появился? «Заселить мир призраками, т. е. такими вещами, которых нет, но которые существуют, если к ним относятся как к чему-то действительно существующему»³. Будучи распятым между действительностью и грезой и сталкиваясь с невозможностью их хоть как-то примирить, герой оказывается раздвоенным, но его двойственность будет заключаться не в противопоставлении тела и души, как провозгласил Платон, а в его принадлежности субъективности. Голядкин живет не среди вещей, а среди мнимостей, т. е. не среди того, что существует, а среди того, что дано ему посредством его воображения.

3. «Записки из подполья»: радикализация типа

Повесть «Записки из подполья» (1864) является, пожалуй, самой радикальной попыткой Ф. М. Достоевского изобразить «подпольного человека». В них, как справедливо заметил В. В. Розанов: «Безграничность, неуловимость, всеобъемлемость “я хочу”, наконец, всеправность “я хочу” Достоевский противопоставил всемирному “я понимаю”. И его “я хочу” разбило “они понимают”» [17, с. 489].

В отличие от Голядкина, который все же сохранил хоть какие-то связи с обществом, герой «Записок...», получив наследство, уходит в подполье на сорок лет, радикально разрывая свои связи с людьми, т. е. освобождает себя от любого внешнего причинения. Дистанция от мира помогает герою перейти в режим молчания, который, согласно тезису профессора Ф. И. Гиренка, позволяет открыть в себе свою самость, ведь: «когда человек говорит, он, наоборот, дистанцируется по отношению к самому себе и посредством языка открывает себя внешнему» [2, с. 18]. Итак, «злой, непривлекательный» герой «Записок...» много рассуждает о сознании и приходит к выводу о том, что «слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для

³ Там же. С. 1

человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека» [7, с. 598]. Кроме того, он постоянно воздействует сам на себя: «Я стыдился; до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать...и внутренне, тайно грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец — в решительное, серьезное наслаждение!» [7, с. 599]. Что происходит с отрезавшим себя от мира «подпольным человеком»? Оставаясь один на один с собой, он сталкивается с «непредметным страхом собственной метафизической неуместности» [18, с. 56] и оказывается в «избыточном пространстве, которое не описывается законами природы» [18, с. 56]. Что делать человеку там, где перестали действовать законы природы? Учреждать собственный порядок, «двигаться в мире на ощупь, глядя на него нутряным взором субъективности» [18, с. 56]. В попытках сделать это «подпольный человек» при помощи аффекта воздействует сам на себя. А еще он провозглашает собственное хотение главным из того, что нужно человеку, ведь если тот перестанет хотеть, то «тотчас же обратится он из человека в органнй штифтик или вроде того, потому что что такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале?» [7, с. 611]. Кроме того, «подпольный» человек хочет жить в хрустальном здании, которого «по законам природы не полагается» [7, с. 616]. «Но какое мне дело, — восстает он, — что его не полагается. Не все ли равно, если он существует в моих желаниях, или, лучше сказать, существует, пока существуют мои желания?» [7, с. 611]. Сознание становится для «подпольного человека» тем, что удваивает реальность, создавая в ней второй план.

А значит и делает человека чем-то, что «всегда больше, чем он есть» [2, с. 12], потому что, расширяя реальность посредством мнимостей, рождающихся внутри его сознания, человек «определяется модусом ускользания от что» [2, с. 12]. Воображая дворец там, где в реальности курятник, «подпольный человек», как говорит Ф. И. Гиренок, продлевает работу по преодолению бессмысленности мира. Где «подпольный человек» берет смыслы? Они рождаются в горизонте сознания и становятся специфическим следом существования человека, как того, кто способен воображать. Что значит воображать? Это значит благодаря сознанию удваивать мир до картины мира.

Таким образом, «подпольный человек» есть тот, в ком раскрылась идея двойственности человеческой природы. Основным его признаком мы назовем разорванность сознания. Он у себя один, для мира другой. Ему кажется, что он занимает в реальности вот то место, а его оттуда выгнали. Действительность для него подменена тем, что он воображает вместо нее, за счет чего граница между сном и явью, реальностью и грезой становится пластичной.

4. «Подросток» как «подпольный человек»

В одном из самых недооценённых, на наш взгляд, романов «Великого пятикнижия» Достоевского мы встречаемся с только что окончившим курс гимназистом по фамилии Долгорукий, который пишет автобиографию, удивительно напоминающую записки «подпольного человека». Схожесть эта сразу бросается в глаза. Во-первых, Долгорукий так же, как и герой «Записок из подполья» воображает себе своего читателя, его возражения, мысли и упреки, и в попытках предвосхитить их силится на все дать ответ. Предполагая своего читателя «расхохотавшимся», он сразу говорит «этому господину», что тот сам ничего не смыслит. Во-вторых, будучи, как и герой «Записок...» в уединении «мечтательной и многолет-

ней жизни» [10, с. 17] тот возвращает идею сделаться Ротшильдом, которая наконец «поглотила всю его жизнь» [10, с. 17], и «помешала гимназии, помешала и университету» [10, с. 17]. Долгорукий оказывается тем же самым человеком с приоритетом внутреннего над внешним, что был и Голядкин и герой «Записок...». Он «бестрепетно стал за идею, ибо был математически убежден» [10, с. 17], как когда-то позже будет убежден Иван Карамазов. Долгорукий решил «бросить все и уйти в свою скорлупу», «спрятаться в нее как черепаха» [10, с. 18], «сделать себе угол и жить в углу» [10, с. 50] и наконец быть со своей идеей, которой он ни за что не изменит, даже предложи ему в реальности счастье, с которым можно прожить хоть десять лет. Вот эта «двойственность планов» (курсив наш — К. Х.) [10, с. 18], и наполняла всю его дальнейшую жизнь. О какой двойственности речь? О той же, о которой мы говорили, когда речь шла о Голядкине и «подпольном человеке», о раздвоенном мире человека, причиной которого является сознание: с одной стороны, идея, с другой, — реальная жизнь. Но действительности в жизни героя очень мало, ему не до нее, ведь он «мечтал изо всех сил и до того, что ему некогда было разговаривать» [10, с. 89]. Особенно хотелось бы отметить нарочито подчеркнутое самим подростком несоответствие фантазии о жизни и реальной жизни. Идея сделаться Ротшильдом путем накоплений, которая завладела всем существом героя, никак не была проверена на практике, что понимает и сам Долгорукий, однако, предупреждая возражения, он заявляет: «я не знал практики; но я три года сряду обдумывал и сомнений иметь не мог. Я воображал тысячу раз» [10, с. 83]. Воображенное тысячу раз подчинит себе реальность — уверен герой. Кроме того, Ротшильдом Долгорукий мечтает сделаться вовсе не для того, чтобы хорошо жить или позволить себе что-то, чего раньше он позволить не мог. Ему хочется жить бедняком, но осознавать, что он богат. Он хочет богатства как идеи, без переноса в жизнь. Буду-

чи богатым, он не собирается даже позволять себе съесть хороший обед, он съест кусок хлеба и ветчины, а в остальном «будет сыт своим сознанием» [10, с. 91]. «Тайное сознание могущества нестерпимо приятнее явного господства» [10, с. 44], — восклицает подросток Долгорукий, в очередной раз подчеркивая приоритет внутреннего над внешним. А затем подобно «подпольному человеку» говорит нам: «нет, мне нельзя жить с людьми; я и теперь это думаю; на сорок (курсив наш — К. Х.) лет вперед говорю. Моя идея — угол» [10, с. 56]. Сразу вспоминается сорокалетний срок подполья, о котором шла речь ранее. Почему нужно в угол? Потому что в углу мир подчиняется воображению, а в реальности нет: «до сих пор, во всю мою жизнь, во всех мечтах моих о том, как я буду обращаться с людьми, — у меня всегда выходило очень умно; чуть же на деле — всегда очень глупо» [10, с. 83].

Сидя в своем подполье, герой «Записок...» требовал одного собственно-го хотения, права свою волю заявить. Вторя ему, Долгорукий, настаивает на своей свободе: «личная свобода, то есть моя собственная-с на первом плане, а дальше знать ничего не хочу» [10, с. 57], и следом вопрошает: «куда вы денете протест моей личности в вашей казарме?» [10, с. 59]. Он восстает на разумность, декларируя: «и за все это, за ту маленькую часть срединной выгоды, которую мне обеспечит ваша разумность, за кусок и тепло, вы берете взамен всю мою личность?» [10, с. 59]. Но Долгорукий не готов отдавать свою личность и жить по законам мира, он отстаивает свое право на сознание и свободу. Как человек, который больше «мечтает под одеялом», чем живет, Долгорукий, фантазируя о своих отношениях с женщиной, замечает, что она будет смеяться над ним, как «над мышью» [10, с. 76]. Эта метафора, на наш взгляд, есть прямое продолжение образа человека как «усиленно сознающей мыши», о котором не единожды говорил герой «Записок из подполья». Ну и наконец, в 4 главе первой части

подросток прямо называет то, что он пишет, «записками».

Таким образом, мы можем утверждать, что главный герой романа «Подросток» является очередной попыткой Ф. М. Достоевского концептуализировать «подпольного человека». Он также живет с приоритетом внутреннего над внешним, т. е. является человеком обратной перспективы. Он постулирует ценность свободы и личности, отрицает разумность и живет, «придавленный идеей». Откуда берется идея? Она становится тем, что возникает у человека в горизонте сознания, как у того, кто принадлежит субъективности и затем своей волей пытается удержать рожденные внутри него смыслы в реальности.

Выводы

Преподобный Иустин Попович, исследуя творчество Ф. М. Достоевского, справедливо заметил, что «Сознание — самая издевательская привилегия, которую имеет человек» [16, с. 73]. «Нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей» [3, с. 129] долго терзала и самого Ф. М. Достоевского, который пытался понять, что же значит двойственность человеческой природы. Ответ на этот вопрос меньше, чем за два года до смерти, он дал в своем письме Е. Ф. Юнге, в котором написал: «Что Вы пишете о Вашей двойственности. Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь, как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это — сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность» [8, с. 186—187]. Нам кажется, что «подпольный чело-

век» и был попыткой Достоевского нарисовать того самого героя с двойственной природой. Им оказывается такой человек, сознание которого разорвано и не может восстановиться. Он живет, редуцируя для себя мир наличного, где действительность для него все равно, что «каменная стена», от которой он прячется в пространстве собственных грез. «Подпольный человек» удваивает реальность, удерживая в ней своей волей то, что родилось в горизонте его сознания. Он подчинен воздействию аффекта, т.е. внутреннему воздействию на самого себя, а не эмоции, т.е. внешнему причинению. «Подпольный человек» Достоевского оказывается тем, кто, принадлежа субъективности, наполняет реальность смыслами, которых в ней до его появления не было.

1. Бахтин, М. М.. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М. : Э, 2017. — 640 с. — (Библиотека всемирной литературы).

2. Гиренок, Ф. И. Homo hallucinatas: идея двойной инверсии в исследовании человека / Ф. И. Гиренок // Философские науки. — 2023. — Т. 66, № 2. — С. 7—25. — DOI 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25. — EDN SHBFXV.

3. Достоевский, Ф. М. Бесы : роман в трех частях / Ф. М. Достоевский // «Бесы»: антология русской критики / сост., подготовка текста, послеслов., ком. Л. И. Сараскиной — М. : Согласие, 1996. — С. 5—434.

4. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы : роман / Ф. М. Достоевский. — М. : Эксмо, 2020. — 896 с. — (Библиотека всемирной литературы).

5. Достоевский, Ф. М. Двойник // Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные : романы, повести. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2020. — С. 121—270.

6. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. — 1056 с. — (Русская литература. Большие книги).

7. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Полное собрание повестей и рассказов в одном томе / Ф. М. Достоевский. — М. : АЛЬФА-КНИГА, 2019. — С. 596—674.

8. Достоевский, Ф. М. Письма 1872-1881 / Ф. М. Достоевский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 266 с.

9. Достоевский, Ф. М. Письма 1834-1860 / Ф. М. Достоевский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 342 с.

10. Достоевский, Ф. М. Подросток : [роман] / Ф. М. Достоевский. — М. : АСТ, 2020. — 576 с.

11. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений. Т. 83. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860—1881 гг. / Ф. М. Достоевский. — М. : Наука, 1971. — 726 с.

12. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — М. : Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с. — (Зитта).

13. Мочульский, К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский ; сост. и послесл. В. М. Толмачева. — М. : Республика, 1995. — 607 с. — (Прошлое и настоящее).

14. Никольский, С. А. Достоевский и явление подпольного человека / С. А. Никольский // Вопросы философии. — 2011. — № 12. — С. 77—78. — EDN OPLATR.

15. Никольский, С. А. «Подпольность» как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского / С. А. Никольский // Вопросы философии. — 2013. — № 7. — С. 109—120. — EDN QZDWMV.

16. Преподобный Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского / Преподобный Иустин (Попович). — Минск : Изд-во Дмитрия Харченко, 2014. — 439 с.

17. Розанов, В. В. Одна из замечательных идей Достоевского // В. В. Розанов. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 1995. — С. 487—493.

18. Ростова, Н. Н. «Хоррор» в современной философии: между антропологизацией и деантропологизацией

дискурса / Н. Н. Ростова // Вестник Московского университета. Сер. Философия. — 2020. — № 1. — С. 44—59.

19. Шестов, Л. И. Достоевский и Ницше. Философия трагедии / Л. И. Шестов. — М. : Академический проект; Культура, 2020. — 462 с. — (Философские технологии: русская философия).

References

1. Bakhtin Mikhail Mikhailovich (2020). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Izdatel'stvo «Je», 640 p. (Biblioteka vseмирnoj literatury) [in Rus].

2. Girenok F. I. (2023) Homo hallucinatas: ideya dvoynoi inversii v issledovanii cheloveka [Homo hallucinatas: the idea of double inversion in human research]. *Filosofskie nauki*, vol. 66, no. 2, pp. 7-25. DOI <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25> [in Rus].

3. Dostoevskii F. M. (1996) Besy. / Besy. Roman v trekh chastyakh. «Besy»: Antologiya russkoi kritiki. [Demons. A novel in three parts. «Demons». Anthology of Russian Criticism]. Sostavlenie, podgotovka teksta, posleslovie, kommentarii L.I. Saraskinoy. Moscow, Soglasie, pp. 5-434 [in Rus].

4. Dostoevskii Fedor Mikhailovich. (2020) Brat'ya Karamazovy: roman [The brothers Karamazov: novel]. Moscow, Jeksmo, 896 p. (Biblioteka vseмирnoj literatury). [in Rus].

5. Dostoevskii F.M. (2020) Dvoynik. Unizhennyye i oskorblennyye: romany, povesti [The Double. The Insulted and The Injured: novels and novellas]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, pp. 121-270. [in Rus].

6. Dostoevskii F.M. (2021) Dnevnik pisatelya [The Writer's diary]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 1056 p. (Russkaya literatura. Bol'shie knigi). [in Rus].

7. Dostoevskii F.M. (2019) Zapiski iz podpol'ya. Polnoe sobranie povestei i rasskazov v odnom tome [Notes from the Underground. The complete collection of novels and short stories in one volume]. Moscow, «Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA», pp. 596-674 [in Rus].

8. Dostoevskii F.M. (2018) Pis'ma 1872-1881 [The letters 1872-1881]. Moscow, T8RUGRAM, 266 p. [in Rus]

9. Dostoevskii F.M. (2018) Pis'ma 1834-1860 [The letters 1834-1860]. Moscow, T8RUGRAM, 266 p. [in Rus]

10. Dostoevskii Fedor Mihajlovich. (2020) Podrostok: [roman] [The Adolescent: the novel]. Moscow, Izdatel'stvo AST, 576 p. [in Rus].

11. Dostoevskii F. M. (1971) Dostoevskii 1971. Tom 83: Neizdannyi Dostoevskii: zapisnye knizhki i tetradi 1860-1881 gg. [The unpublished Dostoevsky: notebooks and notebooks of 1860-1881]. Moscow, Nauka, 726 p. [in Rus].

12. Zen'kovskii, V.V (2001). Istoriya russkoi filosofii [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Raritet, 880 p. (Zitta) [in Rus].

13. Mochul'skii, K.V. (1995) Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii [Gogol, Solovyov, Dostoevsky]. Sost. i poslesl. V.M. Tolmacheva. Moscow, Respublika, 607 p. (Proshloe i nastoyashhee) [in Rus].

14. Nikol'skii S.A. (2011) Dostoevskii i yavlenie «podpol'nogo» cheloveka [Dostoevsky and the phenomenon of the underground man]. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 77-87 [in Rus].

15. Nikol'skii S.A. (2013) «Podpol'nost'» kak messianskii nacionalizm: tragicheskaja

oshibka Dostoevskogo [Underground as Messianic Nationalism: Dostoevsky's tragic mistake]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 109-120 [in Rus].

16. Prepodobnyi Iustin (Popovich). (2014) Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo [Dostoevsky's Philosophy and Religion]. Minsk, «Izdatel'stvo Dmitriya Harchenko», 439 p. [in Rus].

17. Rozanov V.V. (1995) Odnazamechatel'nyh idei Dostoevskogo. Sbranie sochinenii. O pisatel'stve i pisatelyah. [One of Dostoevsky's remarkable ideas. Collected works. About writing and writers]. Pod obsch. red. A.N. Nikolyukina. Moscow, Respublika, pp. 487-493 [in Rus].

18. Rostova, N. N. (2020) «Khorror» v sovremennoi filosofii: mezhdutropologizatsiei i deantropologizatsiei diskursa [Horror in Modern Philosophy: between Anthropologization and Deanthropologization of Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Filosofiya*, no. 1, pp. 44-59 [in Rus].

19. Shestov L.I. (2020) Dostoevskii i Nicshe. Filosofiya tragedii [Dostoevsky and Nietzsche. Philosophy of tragedy]. Moscow, Akademicheskii proekt; Kul'tura, 462 p. (Filosofskie tehnologii: russkaya filosofiya) [in Rus].

For citing: Kholodnova K.N. (2024)

“The Underground Man”

as an anthropological type

in F.M. Dostoevsky’s works.

Sotsium i vlast/Society and Power,

no. 1 (99), pp. 32-45.

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1- 32-45 [in Rus].

UDC 128

EDN QHIAUW

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-32-45

“THE UNDERGROUND MAN” AS AN ANTHROPOLOGICAL TYPE IN F.M. DOSTOEVSKY’S WORKS

Ksenia N. Kholodnova,

Moscow State University

named after M. V. Lomonosov,

Department of Philosophy,

Postgraduate student of the Department

of Philosophical Anthropology.

Moscow, Russia.

ORCID 0009-0008-7336-0230

E-mail: kholodnovaksenia@mail.ru

Abstract

Introduction. F.M. Dostoevsky called the underground type the most important thing that he brought out in his work. “The Underground Man,” in his opinion, is the main Russian person. In the “underground” type F.M. Dostoevsky revealed the idea of the duality of a person who cannot be pleased with any progress or reason, because he only needs, as the character of “Notes from Underground” noted, to declare his will. Thus we can talk about a person with a reverse perspective, i.e. about the one who is determined by internal causation, acts on himself, dreams and does not live among things.

The purpose of the study is to demonstrate an understanding of the dual nature of man in F.M. Dostoevsky’s philosophy. Traditionally, starting with Plato, the duality of man in philosophy was understood as a division into soul and body. However, in our opinion, F.M. Dostoevsky’s “dual man”, who is called the underground type, thanks to the presence of consciousness, creates a second plane in the world, doubles reality to his dreams, belonging to subjectivity. Thus, we can say that the duality of human nature is a division within one human consciousness.

What then can we say about consciousness? This is the presence of a person who exists in the world not according to the laws of the world, in relation to himself. Consciousness is what glues existence and the objects of our dreams together. Trying to keep his own dreams in reality, a person endows reality with meaning, overcoming the meaninglessness of the world.

Methods. One of the main methods is literary analysis of the works of F. M. Dostoevsky and the interpretations of his ideas in the space of thought of L. I. Shestov and S. A. Nikolsky. The study also involves a targeted reference to the works of V.V. Zenkovsky, V.V. Rozanov, K.V. Mochulsky, L.P. Grossman and M.M. Bakhtin. These types of analysis are aimed at identifying connotations and discrepancies in the philosophical systems of the thinkers under study, both at the level of textual analysis of their works and at the level of studying their concepts. Textual analysis is used as an auxiliary method.

Scientific novelty of the research. The article traces the development of the “underground man” type in the creative space of F. M. Dostoevsky. The first attempt to conceptualize it comes from the story “The Double.” The continuation of the type is found the work “Notes from Underground”. The scientific novelty of the study lies in the fact that, refuting the already existing interpretations of this type by Russian philosophers, the author proposes an alternative one, the essence of which is as follows: the “underground man” is a dual person, who is characterized not by the classical split in philosophy into soul and body, but by the split within one’s own consciousness. In addition, the article, for the first time in scientific literature, proves the idea that the main character of the novel “Teenager” also belongs to the type of “underground man.”

Results. The author explores the anthropological configurations of the philosophy of F. M. Dostoevsky and identifies the “underground man” as a special anthropological type, conceptualized in F. M. Dostoevsky’s works. The latter it is understood as a person with a split self, who lives not in the world, but in a picture of the world, to which he doubles reality through imagination. Such a person is characterized by a priority of the internal level over the external one and a desire for a radical reduction of the present world.

Conclusions. The philosophy of F. M. Dostoevsky, whose task was to try to comprehend, defend and justify man, is characterized by a special understanding of the latter as one who lives only by internal causation and refuses to obey the deterministic connections thanks to which everything exists in the world of the present.

Keywords:

philosophical anthropology,

F. M. Dostoevsky,

“underground man”,

“double person”,

“Notes from Underground”

Received: 20.11.2023

Accepted: 15.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Kholodnova K. N. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Конфедерат, О. В. Вестиментарная стратегия фильма и этические ценности времени / О. В. Конфедерат, Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2024. — № 1 (99). — С. 46—60. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-46-60. — EDN ELHZSQ.

УДК 165.19 + 316.733

EDN ELHZSQ

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-46-60

ВЕСТИМЕНТАРНАЯ СТРАТЕГИЯ ФИЛЬМА И ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ВРЕМЕНИ

Конфедерат Ольга Владимировна,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры истории России
и зарубежных стран,
кандидат культурологии, доцент.
Челябинск, Россия.
ORCID 0009-0006-1315-2662
E-mail: olga.confederat@yandex.ru

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии
и культурологии,
кандидат философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0002-9256-3438
E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

Введение. Интенсивность влияния визуальных медиа в формате фильмов и сериалов на культурную жизнь, достигающая пика в эпоху стримингового телевидения, ставит перед гуманитарной наукой задачу исследования визуального типа мышления, визуального сознания, отличного от классической визуализации вербального мышления в пластических искусствах.

Если исследователь намерен вывести из фильма или сериала ценностную систему, познавательную стратегию, актуальную для своего времени, визуальная среда может оказаться для него не менее красноречивой, чем протекающее в ней драматическое действие. Характер и качество этой среды складываются из множества чувственно воспринимаемых элементов: свет, цвет, движение и его хореография, звук, пространство, предметные референты и т. д. В совокупности они представляют собой не столько артикуляцию авторской мысли, сколько способ специфически визуального продумывания этой мысли. Сложное устройство визуально-мыслительных сред требует большой и систематической исследовательской работы.

В данной статье мы берем один наиболее очевидный предметный аспект видимого: вестиментарную стратегию фильма.

Цель — сравнивая визуальные составляющие фильмов разных десятилетий XX века, выделить паттерны, отмеченные предметными (вестиментарными) характеристиками, избыточными по отношению к драматическому действию; пользуясь кодом культурных универсалий, закрепляющих за концептом «одежда» функцию социокультурной и этической регуляции [1; 3; 5; 10; 15], выявить значение этих паттернов в контексте этического мышления эпохи.

Методы. В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза; метод феноменологической редукции, позволяющий фиксировать чувственно воспринимаемые качества предметно-пространственных экранных сред; герменевтический метод, позволяющий на основании видимых знаковых структур выявить сущностные интенции визуального образа. Ввиду поставленной задачи необходимым оказалось

привлечение некоторых понятий нарратологии (в частности, понятия фокализации) и методов корпусного анализа, принятого в лингвистике.

Научная новизна заключается в том, что мы подходим к визуальному источнику с позиций философско-культурологических, рассматривая визуальную среду фильма как форму и способ актуального социокультурного или философского мышления, обладающий специфическим (визуальным) инструментарием. Такой подход позволяет делать заключения на основании не только отдельных фильмов, но и больших источниковых баз.

Результаты. В ходе анализа авторами были применены к кинематографическим текстам XX века инструментарий современной визуалистики и понятийная база социофилософской этики. Это позволило обнаружить визуальные паттерны, общие для фильмов некоторых десятилетий XX в., а именно 1930-х, 1950-х, 1990-х гг., и связать их с этической проблематикой времени.

Выводы. Анализ источниковых баз, включающих кинематографические тексты, может проводиться путем системного анализа визуальных сред, представленных на экране. При этом могут быть выделены и описаны доминирующие визуальные паттерны, характерные для той или иной эпохи. Такая доминанта определяет акценты в образном целом и обнаруживает важные аспекты философско-культурной мысли, актуальной для своего времени, в том числе этической мысли.

Ключевые слова:
визуальная среда,
предметно-визуальный референт,
вестиментарная доминанта фильма,
фэшн-фильм,
этическая программа

Поступила: 12.12.2023

Принята: 15.02.2024

Дата печати: 30.03.2024

*Права: © Конфедерат О. В., Дядык Н. Г. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

Включение фильма как источника в антропологическое, социологическое, философско-культурологическое исследование становится важной практикой современной гуманитарной науки. На основании анализа таких источников выносятся суждения о содержании и характере культурной памяти социума, о принятой в обществе этике труда, рецепции исторических событий, актуальной политэкономии, о модели гендерных отношений и т. д. Методика при этом, как правило, варьируется в пределах, обозначенных дискурсивным и нарратологическим анализом, то есть применяется либо к историко-культурному условию кинематографического явления, либо к нарративной структуре конкретных кинотекстов, либо сочетает два эти подхода. В качестве примера можно привести сборник статей «Кино и капитал» [10], где демонстрируется метод выведения нарративных элементов фильма к общей историко-культурной, экономической и социально-политической ситуации периода его создания (Кадочников Д. В. «Прохиндида, или Бег на месте»: кинематографический взгляд на общество и экономику СССР первой половины 1980-х гг.», Заостровцев А. П. «Фильм «Левиафан» как политическая экономия современной России», Лысаков П. В. «Достоевский, деньги и кино в «Карманнике» Робера Брессона»).

Между тем описание собственно визуального материала дает свои результаты, позволяющие не только корректировать сказанное в фильме, но и получить важную информацию о «несказанном», о некотором условии говорения.

Нарратологический подход к фильму должен учитывать специфику его знаков, отличных по своей природе от знаков лингвистических. Кинофотографические знаки репрезентируют физическую реальность средствами самой физической реальности, то есть сохраняют качество референта, факта внеязыковой реальности [11]. Но

благодаря фокализации, направленному вниманию внешнего или внутренне-го рассказчика они уже являются интерпретацией этой реальности. «Обучая нас новому визуальному кодексу, фотографии меняют и расширяют наши представления о том, на что стоит смотреть и что мы вправе наблюдать. Они — грамматика и, что еще важнее, этика зрения» [22], — говорит С. Зонтаг.

Применяя к фотографии и фильму нарратологический метод, М. Баль считает нужным «на время забыть о мифической или исторической фабуле и вместо этого начать с произведения как такового» [26, с. 163], с визуального содержания его знаков, которые теперь предстают в качестве фокальных объектов. Так место иконографического описания и семиотического прочтения визуальных образов занимает их проблематизация: «Кто видит?» «Кого видят?», «Кто не видит?», «О каком акте видения идет речь?» [26, с. 169].

Нас занимает при таком подходе второй вопрос, поставленный М. Баль: кто или что становится видимым при определенной фокальной установке? И, напротив, что можно выяснить об установках смотрящего на основании перечня объектов, которые он готов и склонен видеть? Такие перечни составляет теория и история искусства, связывая предметные константы в живописи конкретной школы и даже конкретного автора с политической, экономической, социальной жизнью эпохи, с ее духовными и философскими установками [8]. Сходные задачи решает современная филология, выявляя определенные лексико-семантические поля в корпусе литературных текстов [14]. Тот же опыт получит критик фотографии, отмечая, например, отсутствие мертвых тел на снимках Р. Фентона времен Крымской войны и настойчивое включение трупов в снимки А. Гарднера, Т. О'Салливана и М. Брейди, запечатлевших Гражданскую войну 1861—1865 гг., подчеркивая избирательную склонность Д. Арбус видеть человеческие аномалии, а фотографов группы «Новая топография» (1970-е гг.) фикси-

ровать объекты заброшенных промзон, безлюдные бензоколонки, парковки, городские окраины.

Наблюдения за кинопроцессом XX в. позволяют заметить регулярность обращения отдельных режиссеров, направлений, групп и целых поколений к референтам определенного типа. Так, например, для фильмов А. Тарковского, датированных 1970-ми годами, важны вещи жилого интерьера как ближайшего человеческого мира, Дома («Зеркало», 1972, «Солярис», 1974). Но эта тенденция заметна и в фильмах режиссеров его поколения: И. Авербаха («Монолог», 1972, «Объяснение в любви», 1977), А. Кончаловского («Дядя Ваня», 1970, «Романс о влюбленных», 1974), С. Соловьева («Станционный смотритель», 1972, «Мелодии белой ночи», 1978) [13]. В эти же годы в кинематографе Европы замечается регулярное и зачастую подчеркнутое внимание к алиментарным предметам и актам: «Диллинджер мертв» (1968) и «Большая жратва» (1973) М. Феррери, «Синдбад» (1971) З. Хусарика, «Сладкий фильм» (1974) Д. Макавеева и др.

Работа по классификации референтов в кино только начинается, в то время как в лингвистике и филологии работа с семантически сходными языковыми элементами ведется не одно десятилетие и достигает значительных результатов. На наш взгляд, будет продуктивным применение методов анализа лексико-семантических полей к визуальным источникам. Во всяком случае, схема такого поля: доминанта, ядро (группа лексем-понятий), центр (классы основных понятий), периферия, смежные поля [19], — вполне применима к фильму или корпусу фильмов. Выделяя паттерны, маркированные той или иной группой референтов, можно констатировать предметно-алиментарную, предметно-вестиментарную, ландшафтную и т. д. доминанту фильма, его периферийные и смежные референтные поля. Такой анализ дает представление о намерениях автора, создающего образ гармонического или агонального мира из референтов

определенного типа, связанных в культурном опыте человека со средой обитания (ландшафт, интерьер), чувственной интенсивностью мира (алиментарные объекты) или социальным регламентом (одежда).

Вестиментарный предмет как объект фокализации

Направленное внимание (фокализация) внешнего или внутреннего рассказчика выделяет референт в пространстве кинокадра и придает ему значимость семантической единицы, своего рода визуальной «лексемы». Группа однородных референтов образует предметно-смысловое поле, доминантное (центральное) или периферийное в пространстве фильма. В рамках данной статьи мы выделяем вестиментарные референты.

Одежда, жилище, приготовленная еда суть базовые культурные формы, неотъемлемые от человеческого существования и как будто неизбежно присутствующие в любом повествовании о человеке. Однако, история кино, так же как история литературы и пластических искусств, знает и продолжительные периоды незаинтересованности пищевыми продуктами (например, 1960-е гг.), и состояния «бездомности». Но за исключениями, лишь подтверждающими правило, люди на экране всегда как-то одеты. Тем важнее точно определить предмет нашего исследования.

Мы принимаем сейчас одежду в качестве комплексной культурной универсалии, функция которой состоит в социокультурном означивании тела, в вестиментарном кодировании этноса или нации, которым принадлежит человек, его происхождения, сословия, статуса, гендера, переживаемых человеком свободы или несвободы, страха или беспечности, траура или праздника и т. д. [23]. Когда Р. Барт добавляет к этому перечню «защиту» и «стыдливость» (назовем это шире — этикой), он, собственно, охватывает все культурные функции одежды: прагматические (защита), эстетические, этические, нор-

мативные и символизирующие: одежда служит еще и для того, «чтобы обозначать защиту, стыдливость или украшение» [4, с. 42].

Культурно-символизирующая роль одежды в фильме мыслится настолько естественной и привычной, что зритель без сомнений принимает костюм как характеристику персонажа или, если речь идет об общем вестиментарном порядке фильма, как характеристику времени и места действия. Исследователь-гуманитарий (культуролог, филолог, социолог, историк) волен рассматривать вестиментарную стратегию фильма как часть нарратива, особенно в случае костюмно-исторических лент, или как источник информации о модных тенденциях времени. Последнее сегодня особенно актуально. Понятия «кино», «одежда», «мода» в разных комбинациях определяют концептуальную основу многих современных исследований. При этом различаются как наиболее значимые:

- подход к кинематографу как наглядной истории дизайна одежды в XX в. [6; 12],
- трактовка экранного костюма в аспекте социально-этического табуирования или, напротив, сопротивления существующим моральным запретам [1; 5; 18],
- подход к фильму как промоутерскому инструменту модной индустрии [6].

Два первых подхода не предполагают обязательной вестиментарной доминанты фильма. Целенаправленное внимание исследователя может совпадать, а может и расходиться с фокальными установками автора. Во всяком случае, не всегда ими руководствуется.

Последний подход утилитарен и не учитывает иные мотивы авторской вестиментарной фокализации, кроме производственных. Вместе с этим он исключает и сам фильм как целое, поскольку участие какого-либо знаменитого кутюрье или модного дома в производстве фильма никогда не бывает ограничено узко-рекламными задачами. Самый экстравагантный или

уникально-брендовый костюм всегда связан с общим художественным замыслом и воспринимается зрителем только в его контексте.

Нас занимает авторская фокальная установка. Она определяется в устройстве визуальной среды фильма, в том числе, в его предметно-референтных областях. При таком подходе первая задача исследователя — доказательно определить доминанту фильма (в нашем случае — вестиментарную). Вторая задача — выяснить социокультурные причины авторской фокализации, напрямую связанные с исторической реальностью.

Вестиментарная доминанта фильма

Мы находим два признака вестиментарной доминанты в фильме:

- а) повышенная нарративность костюма,
- б) избыточность вестиментарного референта по отношению к кинематографической наррации.

Первое предполагает, что важные узлы сюжетного действия и драматургически важные состояния персонажа специально маркируются яркими вестиментарными референтами. В качестве примера приведем хотя бы сцену из фильма «Сегодня мы живем» (1933, США, р. Г. Хоукс). Британская аристократка (актриса Джоан Кроуфорд) в окружении скорбящих слуг читает письмо с известием о гибели ее отца на фронте первой мировой войны. Момент дважды трагичен: согласно сюжету героине приходится продать родовое поместье богатому американцу и поселиться в садовом флигеле. Зритель принимает к сведению эту информацию, но все внимание его поглощено расположенным в центре кадра платьем Кроуфорд из серого крепа с ассиметричной остроугольной планкой, отделанной ярко-белой полосой и словно взлетающей наискось, как птичье крыло, над правым плечом героини (дизайнер костюма Г. Адриан). Перфекционистский лаконизм костюма, его ли-

нейная и цветовая энергия, изысканная строгость находятся в прямом драматургическом соответствии с сюжетными обстоятельствами, визуализируя достоинство и силу духа героини.

Другой пример мы находим в кино 1990-х. Это одна из первых сцен «Бойцовского клуба» (1999, США, Дэвид Финчер). Режиссер отмечает христианский мотив фильма библейской пластической цитатой, и это не крест, не терновый венец, вполне ожидаемые, если учесть «хождение по мукам» главного героя. Это плат святой Вероники. Правда, он превращен в бесформенную ти-шотку Мита Лоуфа с отпечатком праздных слез Рассказчика, но таков уж сарказм автора.

Любопытный сюжетно-вестиментарный ход мы видим в это же десятилетие в фильме «Орlando» (1992, Великобритания, С. Поттер). Порядок философско-антропологических рассуждений автора артикулируется чередой вестиментарных формул, определяющих гендерную, социально-статусную, имущественную и тому подобную идентичность персонажа в разные эпохи европейской истории. В один из переходных моментов персонаж остается перед зеркалом нагим и созерцает собственную человеческую самость, не регламентированную посредством одежды.

Мы приводим примеры из западного кино, но это не значит, что тенденция «мыслить вестиментарно» не коснулась российского культурного опыта. Такое мышление в отечественной практике имеет собственную историю и свой ход развития. Вестиментарные референты образуют значительные семантические поля, смежные с предметно-интерьерными в советском кино 1970-е («Солярис», 1972, А. Тарковский; «Романс о влюбленных», 1975, А. Кончаловский; «Служебный роман», 1977; Э. Рязанов). Доминантное значение они приобретают в 1980-е («Самая обаятельная и привлекательная», 1985, Г. Бежанов; «Соблазн», 1987, В. Сорокин). Мы определяем для себя разметку позднего советского кино маркерами доминирующих предметных референтов как

ближайшую исследовательскую задачу. Но нельзя игнорировать и тот факт, что западное кино составляет часть культурной коммуникации для советского/российского зрителя, а общечеловеческие состояния, отраженные там, узнаются им и понимаются.

Второй признак доминантности связан с собственным значением одежды или аксессуара, избыточным по отношению к нарративу. Поясним понятие избыточности, опираясь на рассуждение У. Эко о «механизме эскапизма», действующем в детективных романах Й. Флеминга и о технике «абсолютной избыточности» как его основании. Любой избыточный пассаж в рассказе, считает Эко, ослабляет императивность сюжетного развития, требующую зрительского внимания, зрительской готовности следовать за ходом мыслей и действий персонажей. На некоторое время зритель как бы предоставлен сам себе, разглядывая детали интерьера, ботанические объекты в ландшафте, предметы одежды, содержимое обеденных тарелок и т. д. Временное выпадение из сюжетной колеи, из системы действий и отношений персонажей, дает зрителю возможность как бы свободного, необязательного удовольствия разглядывания, созерцания, вожделения, узнавания. Включая избыточные предметно-описательные пассажи в повествование, авторы стимулируют глубинные пласты массового сознания, активизируя их к принятию авторской идеологии. «Совершенные по своему устройству, подобные механизмы создают повествовательные структуры, которые на первый взгляд очень просты по своему содержанию и не претендуют на выражение какой-либо идеологии. Однако на самом деле такие структуры неизбежно подразумевают определенную идеологическую позицию» [24, с. 265]. Механизм избыточности обнаруживает наиболее значимые паттерны массового сознания, область пристрастий и склонностей той или иной эпохи.

Аргументировать избыточность того или иного вестиментарного паттерна в

фильме сложно, поскольку зритель (в том числе исследователь в функции зрителя), волен сам решать, следить ли ему за развитием сюжета, за переживаниями и действиями героев или разглядывать их костюмы. Первое полагается важным для понимания авторского замысла, а удовольствие от второго — дополнительным и необязательным. Как можно доказательно говорить про избыточность референта, если один и тот же предмет, например, стильная черная майка на Андрее Панине в фильме «24 часа» (2000, р. А. Атанесян) или шляпа Энди Макдауэлл в фильме «Четыре свадьбы и одни похороны» (1994, р. М. Ньюэлл), для одного зрителя является важным предметным расширением героя, а для другого — всего лишь модная вещь?

Аргументировать избыточность возможно, устанавливая объективные закономерности: регулярность обращения того или иного автора к определенным референтам, отношения сюжетно важных драматических узлов и насыщенных предметных локусов определенного типа. Такие локусы могут совпадать с границами сюжетного действия, акцентировать и пластически усиливать смысл эпизода, как это происходит в упомянутой сцене с Джоан Кроуфорд в фильме Г. Хоукса. Но могут иметь и собственную логику, приостанавливающую действие фильма и порождающую своего рода мета-сюжет, мета-форму, царящую над драматическим действием. Пример такого торможения действия мы находим в мелодрамах и комедиях, где выбор героиней платья для решающего события становится продолжительным вставным эпизодом. Так сцены в магазине модной одежды, доставляющие зрителю удовольствие обилием роскошных нарядов, работают как отдельный аттракцион в «Красотке» (1990), «Четырех свадьбах, одних похороны» (1994), «Свадьбе лучшего друга» (1997). Пример вестиментарной мета-формы можно найти в «Красоте по-американски» (1999, С. Мендес): в одной из офисных сцен широкий галстук фэйс-менеджера с узором «мильфлер»

настолько доминирует в монохромном кадре, что диалог его владельца с подчиненным (протагонистом фильма) уходит для зрителя на второй план. В «Американском психозе» (2000), отсылающем к фильму Мендеса (*American Psycho vs American Beauty*) в какой-то момент галстуки пятерых менеджеров среднего звена, вновь, как в вышеприведенной сцене, визуально отслаиваются от однотипных темных фигур и схожих лиц, заполняющих кадр, и словно поднимаются к поверхности зрелища, мерцая красками и узором, составляя констелляцию и даже некую форму организма-паразита, отдельного от своих хозяев.

Подобные регулярности, совмещения и несовпадения будут для нас доказательством определенного авторского замысла.

Вестиментарная доминанта и фэшн-фильм

Понятие фэшн-фильм (*fashion-film*) объемно по содержанию. Оно обозначает и рекламные видеоролики в поддержку сезонных коллекций модного дома, и видеоарт, экспериментирующий с языком кино на вестиментарном материале [20], и фильмы, посвященные творчеству знаменитых кутюрье, и особую структуру вестиментарного экранного образа. Последнее особенно важно для нас.

Принято считать, что в кино костюм используется для характеристики персонажа. Фэшн-фильм меняет полюса вестиментарной идентификации: здесь не одежда означает человека, а человек является характеристикой одежды, тем более, что в подобных фильмах граница между персонажем и исполнителем (моделью или киноактером) намеренно стирается, как, например, в близких нам по времени фильмах Dior с участием Джуда Лоу (*Christian Dior — Homme Sport*, 2010; *Dior Homme — Un Rendez Vous*, 2010) или Роберта Паттинсона (*Dior: Dior Homme Intense City*, 2016; *Dior: Unscripted — Dior Homme Sport*, 2023). Рекламный эффект таких

фильмов держится на инерции зрительского мышления, приписывающего одежде роль знака человеческой незаурядности, хотя на самом деле здесь исполнитель-звезда придает значение незаурядности одежде.

Эту механику подмены означающего означаемым в кино впервые использует Голливуд 1930-х гг. Поверх авантюрного, сентиментального или анекдотического нарратива в таких фильмах располагается вестиментарный избыток «возможного и желательного» (У. Эко), связанный с кинозвездой, обладающей данными фэшн-модели, а зачастую и опытом работы в модной фотографии (М. Дитрих, Дж. Кроуфорд). Так, например, фильмы с участием Джоан Кроуфорд «Сегодня мы живем» (*Today We Live*, 1933, р. Г. Хоукс). «Я живу своей жизнью» (1935, В. С. Ван Дейк), «Одержимая» 1935, р. К. Браун), безотносительно к их сюжетам, представляют показ коллекций Гилберта Адриана, знаменитого кутюрье 1930-х гг.: уличный костюм, костюм для визитов, костюм для велосипедной прогулки или для отдыха на яхте, манто, тренчкот, вошедший в моду как раз в эти годы, домашнее платье, дезабилье, вечернее платье, туалет невесты как завершающий аккорд. А сюжет «Шанхайского экспресса» (1932, США, Дж. фон Штернберг) настолько условен, что кажется сконструированным как подиум для демонстрации роскошных туалетов, созданных для Марлен Дитрих художником Т. Бентоном.

Мода, модный показ в это время определяются и как особый тип сюжета. Американский исследователь кино С. Гандл приводит перечень таких фильмов: «Роберта» (1935, р. У. А. Сайтер), «Невеста уходит» (1936, р. Л. Джейсон), «Художники и модели» (1937, р. Р. Уолш), «*Vogues 1938 года*» (1937, р. И. Каммингс, «Манекен» (1937, Ф. Борзеги).

Тем важнее увидеть в фильмах подобного рода инверсию «человек-одежда», характерную для фэшн-фильма. Говоря о Голливуде этого времени, чаще всего отмечают «гламур» как

маркированную одеждой мечтательную утопию сказочной роскоши, место виртуального спасения зрителя от сложной социально-экономической и социально-политической реальности. Это не совсем так. Тот же С. Гандл в своем исследовании гламурных феноменов подчеркивает, что в действительности гламур связан не со вестиментарными знаками роскоши, а со знаками влиятельности, которая может иметь роскошный антураж, но может его и не иметь [7, с. 129]. Влиятельны не костюмы Кроуфорд или Дитрих сами по себе, но способ одеваться и выглядеть, который демонстрируют актрисы безотносительно к роскоши или простоте портновских изделий. В этом отношении Голливуд 1930-х гг. порождает формат фэшн-фильма, уроки которого заключаются не в том, что одевать, а в том, как «быть», как «держаться». Это «держаться себя» визуализируется не только в одежде, но и в осанке, в ухоженности волос и рук, в макияже, подтянутой фигуре, во вкусе, с которым комбинируются детали одежды, в уверенной свободе, с которой носятся самые сложные костюмы. В диапазоне от драматического до комедийного, от аристократического до простонародного героини голливудского кино 1930-х (Д. Кроуфорд, М. Дитрих, Г. Гарбо, К. Кольбер, М. Уэст и др.) представляют один и тот же тип зрелого, уверенного, решительного, чувствительного и слегка ироничного человека.

Вестиментарная стратегия фильма и этические ценности времени

Рассматривая вестиментарную часть голливудских фильмов 1930-х гг., посвященных первой мировой войне и указывающая на регулярные отступления художников от моды конца 1910-х или 1920-х гг. в пользу новейших трендов, историк моды Т. В. Бакина объясняет это желанием создателей приблизить фильм к реальности зрителя, стимулировать отождествление и эмоциональное совпадение зрителя с персонажем

[2]. Это замечание приводит нас к вопросам: что же такое вестиментарная реальность, насколько реальность может быть вестиментарна и как соотносится она с экранным образом?

Британский культуролог Б. Хиллер в книге «Стиль XX века» говорит о психологическом настрое 1930-х гг., пришедшем на смену «безудержному легкомыслию и декаденству» [23, с. 70] первого послевоенного десятилетия. «Строгий, напряженный, бескомпромиссный», «энергичный», «решительный», «сосредоточенный, спокойный» [23, с. 93], — таковы характеристики нового стиля. Касаясь конкретно женской моды, Хиллер упоминает о «твердых» нарисованных губах, о четкой линии бровей, вычерченной на месте выщипанных природных, о перманенте, передающем «нечто от твердости и прочности, которая покончила с расплывчатостью 20-х» [23, с. 93].

Речь идет не только о том, как выглядит модная линия, но и о том, как она становится защитой, оружием, способом существования в сложных обстоятельствах. «Выглядеть» — это важное действие, особенно в ситуации Великой депрессии, препятствующей успешности иных действий: производственных, экономических, социально-политических. «Выглядеть», держать себя «в форме», для этого времени уже есть способ сопротивления обстоятельствам. На снимке Д. Ланж «Unemployed lumber worker goes with his wife to the bean harvest»¹, снятом в августе 1939 г., такое посильное сопротивление демонстрирует семейная пара безработных, сохраняющая в тяжелой жизненной ситуации привычку требовательного внимания к своей внешности, осанке, манерам. Это не кажется смешным или жалким, напротив, за позой персонажей ощущается серьезная программа жизни, помогающая не потерять себя в сложных обстоятельствах. Среди множества снимков Великой депрессии, представляющих вневременные образы страданий и лишений, этот снимок

¹ Сайт Library of Congress <https://www.loc.gov/item/2017773306/>

несет информацию о конкретном времени 1930-х гг. и актуальной модели позитивного поведения. К тому же в стрижке мужчины, линии его усов, манере держать трубку, в выражении глаз и рта угадывается образец, сформированный на экране Кларком Гейблом, а поза его жены и шарф, повязанный в виде тюрбана, напоминают о Джоан Кроуфорд.

В традициях западного культурного мышления прерогатива мужчины — действовать, а прерогатива женщины — выглядеть [17, с. 291]. Но для 1930-х гг. достойно «выглядеть» — это тоже форма действия, часто решительного и конструктивного. В «Марокко» (1930, США, Дж. фон Штернберг) героиня Марлен Дитрих разыскивает в военном госпитале своего возлюбленного-легионера. Неудачная военная операция, страдания раненых, страх потери близкого человека составляют драматизм сцены. Отдельным микросюжетом становится костюм героини: светлый тренкот с цветным платком, продернутым справа за пояс плаща. Этот платок — и вещь, и жест, образчик аксессуара и знак владения собой, элегантно выраженной твердости духа.

Вестиментарные доминанты в фильмах XX века

Предварительное знакомство с источниками позволяет предположить, что описанные нами выше признаки вестиментарной доминанты наиболее отчетливо заметны в 1930-е, 1950-е и 1990-е гг. Пристальное внимание авторов к костюмам персонажей каждый раз связано с актуальными этическими проблемами времени.

Если костюм и аксессуары имеют значение и функцию социального кода, регулятора социального поведения и отношения, знака идентичности субъекта и его жизненной позиции, то «фокализация» одежды героев в фильмах названных десятилетий выдает определенную этическую установку времени. Для 1930-х гг. это подтверждается не только голливудскими филь-

мам, но и фотографическими сериями У. Эванса, снятым скрытой камерой в вагонах нью-йоркского метро [27], фоторепортажами П. Стэкпоула для журнала «Life»¹, студийными портретами гарлемского фотографа Дж. Ван Дер Зее². Фиксируя реальных людей, принадлежащих к разным сословиям, разным этническим группам, находящихся на разных уровнях обеспеченности, снимки демонстрируют характерный вестиментарный педантизм, приоритеты четкого социального регламента, соблюдение стандартов благопристойности, а кроме того приоритет персональной дисциплины, стойкости в сопротивлении обстоятельствам.

Вестиментарный избыток мы находим в фильмах 1950-х гг., эпохи послевоенного экономического подъема и потребительского бума. Модная индустрия становится либо основной сюжетом, как в «Модельерше» (1957) Р. В. Минелли и «Забавной мордашке» (1957) С. Донена, либо его значимым элементом, как в фильмах А. Хичкока «Окно во двор» (1954) и «Головокружение» (1958), либо дает образцы строения эпизодов как модных дефиле («Американец в Париже», 1950), В. Минелли. Мы наблюдаем его в мелодрамах и комедиях с участием Э. Тейлор, М. Монро или О. Хэпберн, в фильмах Р. Клера и Ж. Ренуара («Ночные красавицы», 1952, «Большие маневры», 1955, «Французский канкан», 1955), французских и испанских мюзиклах, «исторических» блокбастерах с отчетливым оттенком костюмного шоу («Клеопатра», 1962).

Историк моды обозначит в эпохе 1950-х локус избыточной роскоши материалов и покроя: коллекции В. Стибеля, Ч. Джеймса. К. Диора, Ж. Фата, К. Баленсиаги и др., не доступные для рядового потребителя. Однако называть область haute couture этого времени «мечтательной гетеротопией» уже нельзя. Высокая мода всего лишь

¹ Center for Creative Photography. URL <http://ccp-museum.catnet.arizona.edu/view/objects/asimag-es/People@2126/0/title-asc?t:state:flow=b91a5337-6974-4eed-a1ab-04ab8897c0f>.

² ARTSY <https://www.artsy.net/artist/james-van-der-zee>.

доводит до высокого уровня перфекционизм как общую тенденцию времени. Эта тенденция сказывается и в относительно дешевой одежде *prêt-à-porte*, предъявляя потребителю требование строгой вестиментарной дисциплины. Потребитель принимает это требование, уделяя максимум внимания осанке, манерам, соблюдению вестиментарных ритуалов, цветовым соответствиям, гармонии обязательных аксессуаров (сумочки, перчатки, галстуки, носки, запонки и т. д.).

Именно перфекционизм, а не демонстративное изобилие является базовым качеством обширных вестиментарных локусов в фильмах этого времени, например, в фильмах знакового для 1950-х американского режиссера Д. Сирка. Цвет, покрой и детали одежды самым педантичным образом маркируют здесь пол, возраст, экономическое положение, этические устои, социальную роль, этнос персонажей. Например, розовый цвет в туалетах Лоры Мередит и ее юной дочери Сьюзи («Имитация жизни», 1959) отличается по насыщенности и теплоте оттенка, соответственно различию в их возрасте и общественном положении. Афроамериканцы в фильмах Сирка носят подчеркнута респектабельную скромную одежду сдержанных холодных тонов, и стоит только кому-то из них «забыться», это уклонение от правильной социальной роли тут же маркируется яркими контрастными цветами, вызывающим покровом одежды и осуждается как непристойное (в той же «Имитации жизни»). Приличная женщина даже в минуты сильнейшего душевного потрясения позаботится о правильно надетых перчатках и сумочке в тон костюму («Великолепная одержимость», 1954), а джентльмен может позволить себе красные носки только в том случае, когда вынужден контактировать с морально подозрительными субъектами («Слова, написанные на ветру», 1956).

Одежда в фильмах Д. Сирка — это не предмет удовольствия, а знак статуса и орудие социальной регламентации. Насколько такое положение важно для

всего десятилетия, можно судить по важному семиологическому исследованию Р. Барта «Система моды» (1957-1963), посвященному лингвистическим аспектам вестиментарного императива 1950-х и связывающему риторику моды не с «поэтикой субстанций», а с «психо-социологией ролей» [4, с. 279].

Историк дизайна, апеллируя к модному авангарду конца 1950-х и 1960-х гг., укажет еще и на идею защиты и вооружения, связанную с тревогами «холодной войны». «...сама одежда нередко похожа на защитную, с пластиковыми или металлическими щитками, закрывающими тело. Безусловно, такой стиль еще и подчеркивал эротический контраст между мягкостью тела и жесткостью ткани, но в то же время одежда утрачивала типичные для нее ассоциации с комфортом и традиционно понимаемым изяществом. <...> Пако Рабан говорил о своих металлических платьях: «Одежда, которую я создаю, подобна оружию. Когда женщина застегивает платье, раздается звук, напоминающий щелчок взведенного курка» [18, с. 30]. «Космические» темы в моде этого времени тоже связывались с опасностью физически иной среды, а металлический серебряный блеск синтетических тканей и пленок напоминал о теплоизоляции и защите от излучения. В любом случае насыщенная вестиментарная область фильмов 1950-х и начала 1960-х гг. говорит о важности контроля над ситуацией, будь то защита от внешней угрозы или строгое соответствие своему социальному статусу.

Озабоченность 1950-х предметной разметкой социальных страт и вестиментарной идентификацией социального положения человека хорошо смоделирована Д. Уотерсом в фильме «Плакса» (1990), действие которого происходит во времена Д. Сирка и его героев. Несмотря на свой пародийный характер, фильм всерьез связывает вестиментарно-статусные 1950-е с последним десятилетием XX в. на основании сходных состояний тревоги и поиска устойчивых защитных идентичностей. Существенно важно, что для модели-

ровки этих состояний выбираются те же референтные доминанты, что и 1950—1960-е гг., а именно, вестиментарные. Размеченный полюсами авторского и массового кино, насыщенный вестиментарный мир 1990-х представлен фильмами «Мой личный штат Айдахо» (1991) Г. Ван Сента, «Криминальное чтиво» (1994, р. К. Тарантино), «Ромео + Джульетта» (1997, р. Б. Лурмен), «Пятый элемент» (1997) Л. Бессона, сериалами «Секс в большом городе» (с 1998) и «Беверли-Хиллз 90210» (1990—2000), «викторианскими» костюмными мелодрамами «Усадьба Говардс-Энд» (1991), «Гордость и предубеждение» (1995), «Разум и чувства» (1995), «Эмма» (1996), ретро-комедиями, апеллирующими к модному авангарду 1950-х («Плакса», 1990, р. Д. Уотерс) или 1960-х («Остин Пауэрс: Шпион, который меня соблазнил», 1999, р. Д. Роуч), трансгендерными вестиментарными манифестами «Приключения Присциллы, королевы пустыни» (1994, р. С. Эллиотт), «Вонг Фу, спасибо за все, Джулия Ньюмар» (1995, р. Б. Кидрон), «Девушки любят иначе» (1996, р. Р. Спенс), «Спальни и прихожие» (1998, р. Р. Траше) и так далее.

Демонстративный вестиментарный нигилизм «Бойцовского клуба», агендерная вестиментарная программа «Орlando», трансгендерные вестиментарные лозунги «Присциллы, королевы пустыни», вестиментарный хаос «Пятого элемента», ретроспективная тоска по строгому и одновременно сентиментальному викторианскому вестименту в экранизациях романов Д. Остин выражают общее состояние 1990-х, ощущение нестабильности мира, разрушения политических систем, эрозии социального регламента.

В «Бойцовском клубе» Д. Финчера история Рассказчика изложена почти исключительно языком одежды. Она начинается с серии офисных рубашек с галстуком (один даже с зажимом), продолжается как нарастающий хаос и разрушение, включая такие поначалу невинные нарушения, как рубашка навыпуск в служебной обстановке или расстегнутый ворот, открывающий

нательное белье. Достигает апогея в грязнейшем и истрепанном одежном мусоре «отвязного» бытия Рассказчика в мире Тайлера. Следуя далее, она все чаще отказывается от одежды вообще, переходя к языку голых, потных, травмированных и грязных тел. Неотвратимо сменяется военизированной регламентацией одежды (« — Черная рубашка? — Да, сэр! — Черная куртка? — Да, сэр! — Черные носки? — Да, сэр!»). И завершается апокалипсическим образом вселенской катастрофы, перед лицом которой беззащитный герой стоит в офисном пиджаке и в трусах-боксерах.

Итак, анализ визуальных сред в фильмах того или иного десятилетия позволяет обнаружить доминирующие предметно-семантические поля, образованные референтами определенного типа, связанными в культурном опыте человека со средой обитания (интерьерные, ботанические, ландшафтные референты), с чувственной интенсивностью жизни (алиментарные, телесные референты), с идентичностью, а также с социальной и персональной этикой (вестиментарные референты). Так заявляют о себе приоритеты эпохи.

Обращаясь к западным фильмам 1930-х, 1950-х и 1990-х гг., мы замечаем регулярную и преднамеренную фокализацию вестиментарных объектов, что позволяет предположить для этих эпох приоритет устойчивой идентичности и социальной регламентации как важного ценностного основания.

При этом регламент, пластически выраженный как вестиментарный, фундирует приоритеты стойкости, силы, сопротивления обстоятельствам, персональной дисциплины и рациональной организации общества для 1930-х и 1950-х гг.. Катастрофическая же утрата идентичности и социального регламента, моделированная в вестиментарных предметно-семантических полях фильмов, связана с апокалиптическим сознанием 1990-х, а степень вестиментарного хаоса в таких фильмах как «Бойцовский клуб» Д. Финчера или «Ромео + Джульетта» Б. Лурмена, свидетельствует о том,

насколько серьезной и пагубной представляется эта утрата современникам.

1. Арнольд, Р. *Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке* / Р. Арнольд. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — 176 с.

2. Бакина, Т. В. Из «тридцатых» в «десятые»: функции костюмов в классических голливудских фильмах о недавнем прошлом / Т. В. Бакина // *Артикульт*. — 2013. — № 9 (1). — С. 87—96. — DOI 10.28995/2227-6165-2020-2-87-96. — EDN JUFTIX.

3. Барт, Р. *Риторика образа* / Р. Барт // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. — М. : Прогресс, — 1994. — С. 297—318.

4. Барт, Р. *Система Моды. Статьи по семиотике культуры* / Р. Барт. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — 512 с.

5. Болотова, Ю. С. Аксиологический аспект дискурса моды / Ю. С. Болотова // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. — 2011. — № 4. — С. 16—22. — EDN OUIRXR.

6. Васильев, А. А. *Судьбы моды* / А. А. Васильев. — М. : Альпина нон-фикшн, 2010. — 464 с.

7. Гандл, С. *Гламур* / С. Гандл. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.

8. Данилова, И. Е. *Проблема жанров в европейской живописи: человек и вещь. Портрет и натюрморт* / И. Е. Данилова. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. — 102 с.

9. Карасик, В. И. *Язык социального статуса* / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2002. — 333 с.

10. *Кино и капитал. Альманах Центра исследований экономической культуры* / Под ред. А. А. Погребняка, Н. М. Савченковой. — СПб. : Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. — (Новое экономическое мышление). — 512 с.

11. Киосе, М. И. *К вопросу о категориальной организации структуры образа референта в тексте* / М. И. Ки-

осе // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2013. — № 35(326). — С. 60-63. — EDN RVNCXX.

12. *Конец моды. Одежда и костюм в эпоху глобализации* / ред. А. Гечи, В. Караминас. — М. : Новое литературное обозрение, 2021. — 288 с.

13. Конфедерат, О. В. *Предметные референты фильма: основания типологии и анализа* / О. В. Конфедерат // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. — 2023. — № 1. — С. 126—135. — EDN PNQLDE.

14. Куренкова, Т. Н. *Микрополе «Wines» лексико-семантического поля «Food» в произведении Э. Хемингуэя «A Moveable Feast» («Праздник, который всегда с тобой»)* / Т. Н. Куренкова, Т. В. Стрекалева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2023. — Т. 16, № 4. — С. 1167—1173. — DOI 10.30853/phil20230182. — EDN OMHRNM.

15. Лаверти, К. *Мода в кино. От Givenchy для «Завтрак у Тиффани» до Prada в «Отель „Гранд Будапешт“»* / К. Лаверти. — М. : «Эксмо», 2022. — 390 с.

16. Липская, В. М. *Костюм как знак и концепция личности* / В. М. Липская // *Вестник СПбГУ. Сер. 17*. — 2013. — Вып. 1. — С. 19—27. — EDN PXLZAF.

17. Малви, Л. *Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф* / Л. Малви // *Антология гендерных исследований* / пер., сост. и ком. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. — М. : ПроPILEI, 2000. — С. 280-297.

18. Певит, Дж., Алябьева Л.А. *Мода в эпоху тревоги* / Дж. Певит, Л. Алябьева // *Шаги/Steps*. — 2021. — Т. 7, № 4. — С. 300—309. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-4-300-309. EDN TFQVGJ.

19. Полякова, Г. М. *Лексико-семантическое поле «одежда» в аспекте сопоставительной лингвокультурологии* / Г. М. Полякова // *Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика*. — 2012. — № 4. — с. 37-44. EDN QGACGJ.

20. Пудан, М. *Fashion-фильмы: тенденции и перспективы. Сайт Московской школы кино. Февраль, 2023* /

М. Пудан, Ю. Гордина. — URL: <https://moscowfilmschool.ru/kinoiznanka/182/> (дата обращения: 26.11.2023).

21. Рибейро, Э. *Мода и мораль / Э. Рибейро.* — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 264 с.

22. Сонтаг, С. *О фотографии / С. Сон-таг.* — М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 272 с.

23. Хиллер, Б. *Стиль XX века / Б. Хил-лер.* — М. : Слово/Slovo, 2004. — 240 с.

24. Эко, У. *Роль читателя. Исследо-вания по семиотике текста / У. Эко.* — СПб: «Симпозиум», 2007. — 640 с.

25. Энтуисл, Дж. *Модное тело / Дж. Энтуисл.* — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 392 с.

26. Bal, M. *Narratology Introduction to the Theory of Narrative / M. Bal.* — University of Toronto Press Incorporated. Toronto Buffalo London, 1997. — 254 p.

27. Walker, E. *Subways and Streets, by Sarah Greenough / E. Walker.* — Washing- ton, DC: National Gallery of Art, 1991. — 132 p.

Reference

1. Arnol'd R. (2016) *Moda, zhelanie i trevoga. Obraz i moral' v XX veke [Fashion, desire and anxiety. Image and morality in the 20th century].* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 176 p. [in Rus].

2. Bakina T. V. (2013) *Iz «tridcatyh» v «desyatye»: funkcii kostymov v klas- sicheskikh gollivudskih fil'mah o nedav- nem proshlom [From the "thirties" to the "tenths": the functions of costumes in classic Hollywood films about the recent past].* *Artikul't / Art&Cult*, no. 9(1), pp. 87-96. DOI 10.28995/2227-6165-2020-2-87-96 [in Rus].

3. Bart R. (1994) *Ritorika obraza [Rhetoric of the image]. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika.* Moscow, Progress, pp. 297-318 [in Rus].

4. Bart R. (2003) *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion System. Articles on semiotics of culture].* Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovoyh, 512 p. [in Rus].

5. Bolotova YU. S. (2011) *Aksiologicheskij aspekt diskursa mody [Axiological aspect of fashion discourse].* *Vestnik MGOU.*

Seriya: Lingvistika/Bulletin of MGOU. Series: Linguistics, no. 4, pp. 16-22 [in Rus].

6. Vasil'ev A.A. (2010) *Sud'by mody [The fate of fashion].* Moscow, Al'pina non-fikshn, 464 p. [in Rus].

7. Gandl S. (2011) *Glamur [Glamor].* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 384 p. [in Rus].

8. Danilova I.E. (1998) *Problema zhanrov v evropejskoj zhivopisi: Chelovek i veshch'. Portret i natyurmort [The problem of genres in European painting: Man and thing. Portrait and still life].* Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 102 p. [in Rus].

9. Karasik V. I. (2002) *Yazyk social'nogo statusa [Language of social status].* Moscow, Gnozis, 333 p. [in Rus].

10. *Kino i kapital. (2019) Al'manah Centra issledovaniy ekonomicheskoy kul'tury [Cinema and capital. Almanac of the Center for Economic Culture Research].* Pod red. A. A. Pogrebnyaka, N. M. Savchenko-voj. Saint Petersburg, Izd-vo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU (Novoe ekonomicheskoe myshlenie), 512 p. [in Rus].

11. Kiose M. I. (2013) *K voprosu o kategorial'noj organizacii struktury obraza referenta v tekste [On the issue of the categorical organization of the structure of the image of the referent in the text].* *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo univer- siteta. Filologiya. Iskuststvedenie/ Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, v. 85, no. 35(326), pp. 60-63 [in Rus].

12. *Konec mody. (2021) Odezhda i ko- styum v epohu globalizacii. [The end of fashion. Clothing and costume in the era of globalization].* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 288 p. [in Rus].

13. Konfederat O. V. (2023) *Predmetnye referenty fil'ma: osnovaniya tipologii i analiza [Subject referents of the film: foundations of typology and analysis].* *Magistra Vitae*, no. 1, pp. 126—135 [in Rus].

14. Kurenkova T. N. (2023) *Mikropole "Wines" leksiko-semanticheskogo polya "Food" v proizvedenii E. Hemingueya "A Moveable Feast" («Prazdnik, kotoryj vsегда s toboj») [Microfield "Wines" of the lexical-semantic field "Food" in E. Hem-*

ingway's work "A Moveable Feast"). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki / Philological sciences. Questions of theory and practice*, v. 16, no. 4, pp. 1167-1173. DOI 10.30853/phil20230182 [in Rus].

15. Laverti K. (2022) Moda v kino. Ot Givenchy dlya «Zavtrak u Tiffani» do Prada v «Otel' „Grand Budapesht“» [Fashion in cinema. From Givenchy for Breakfast at Tiffany's to Prada for The Grand Budapest Hotel]. Moscow, «Eksmo», 390 p. [in Rus].

16. Lipskaya V. M. (2013) Kostyum kak znak i koncepciya lichnosti [Costume as a sign and concept of personality]. *Vestnik SPbGU/Bulletin of St. Petersburg State University*. Ser. 17, no. 1, pp.19-27 [in Rus].

17. Malvi, L. (2000) Vizual'noe udovol'stvie i narrativnyj kinematograf [Visual pleasure and narrative cinema] / L. Malvi // *Antologiya gendernyh issledovanij*. Sb. per. Sost. i kommentarii E. I. Gapovoj i A. R. Usmanovoj. Moscow, Propilei, pp.280-297 [in Rus].

18. Pevit Dzh, Aljab'eva L.A. (2021) Moda v epohu trevogi [Fashion in an age of anxiety]. *SHagi/Steps*, v. 7, no. 4, pp. 300—309. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-4-300-309 [in Rus].

19. Polyakova G. M. (2012) Leksiko-semanticheskoe pole «odezhda» v aspekte sopostavitel'noj lingvokul'turologii [Lexico-semantic field "clothing" in the aspect of comparative linguoculturology]. *Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Se-*

mantika / RUDN University Bulletin, series Theory of Language. Semiotics. Semantics, no. 4, pp. 37-44 [in Rus].

20. Pudan M., Gordina YU. (2023) Fashion-fil'my: tendencii i perspektivy. [Fashion films: trends and prospects]. Sajt Moskovskoj shkoly kino. Fevral', available at: <https://moscowfilmschool.ru/kinoiznanka/182/> (accessed 26.11.2023) [in Rus].

21. Ribejro E. (2012) Moda i moral' [Fashion and morality]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 264 p. [in Rus].

22. Sontag S. (2013) O fotografii [On photography]. Moscow, «Ad Marginem Press», 272 p. [in Rus].

23. Hiller B. (2004) Stil' XX veka [The style of the century]. Moscow, Slovo/Slovo, 240 p. [in Rus].

24. Eko U. (2007) Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Research on text semiotics]. Saint Petersburg, «Simpozium», 640 p. [in Rus].

25. Entuisl Dzh. (2019) Modnoe telo [Fashionable body]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 392 p. [in Rus].

26. Bal M. (1997) *Narratology Introduction to the Theory of Narrative*. University of Toronto Press Incorporated. Toronto Buffalo London, 254 p. [in Eng].

27. Walker E. (1991) *Subways and Streets*, by Sarah Greenough. Washington, DC: National Gallery of Art, 132 p. [in Eng].

For citing: Confederat O. V., Dyadyk N. G. (2024)
Vestimentary strategy of film
and ethical values of time.
Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 1 (99), pp. 46-60.
DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-46-60 [in Rus].

UDC 165.19 + 316.733

EDN ELHZSQ

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-46-60

THE VESTIMENTAL STRATEGY OF FILM AND ETHICAL VALUES OF TIME

Olga V. Confederat,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department
of History of Russia and Foreign Countries,
Cand.Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0009-0006-1315-2662
E-mail: olga.confederat@yandex.ru

Natalya G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
and Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0000-0002-9256-3438
E-mail: djadykng@cspu.ru

Abstract

Introduction. The intensity of the visual media influence in the format of films and TV series on cultural life, reaching its peak in the era of streaming television, poses the task for the humanities to study the visual type of thinking, visual consciousness, which is different from the classical visualization of verbal thinking in the plastic arts. If a researcher intends to derive from a film or TV series, a value system, a cognitive strategy that is relevant for its time, the visual environment may turn out to be no less eloquent for him than the dramatic action taking place in it. The character and quality of this environment are made up of many sensory elements: light, color, movement and its choreography, sound, space, subject referents, etc. Taken together, they represent not so much an articulation of the author's thought, but a way of specifically visually thinking through this thought. The complex structure of visual-mental environments requires extensive and systematic research work.

In this article we take one of the most obvious substantive aspects of the visible: the vestimental strategy of the film.

The purpose of the article is to identify patterns marked by subject (vestimentary) characteristics that are redundant in relation to the dramatic

action by comparing the visual environments of films from different decades of the 20th century; using the code of cultural universals that assign the function of sociocultural and ethical regulation to the concept of "clothing" [1; 3; 5; 10; 15], to identify the meaning of these patterns in the context of the ethical thinking of the era.

Methods. During the study, the authors use general scientific methods of analysis and synthesis; the method of phenomenological reduction, which makes it possible to record the sensory qualities of object-spatial screen environments; a hermeneutical method that allows, on the basis of visible sign structures, to identify the essential intentions of a visual image. In view of the task, it turned out to be necessary to involve some concepts of narratology (in particular, the concept of focalization) and methods of corpus analysis adopted in linguistics.

The scientific novelty lies in the fact that we approach the visual source from a philosophical and cultural perspective, considering the visual environment of the film as a form and method of actual sociocultural or philosophical thinking, which has specific (visual) tools. This approach allows us to draw conclusions based not only on individual films, but also on large source databases.

Results. During the analysis, the authors applied the tools of modern visual studies and the conceptual basis of socio-philosophical ethics to cinematic texts of the 20th century. This made it possible to discover visual patterns common to films of some decades of the 20th century, namely: the 1930s, 1950s, 1990s, and connect them with the ethical issues of time.

Conclusions. Analysis of source databases that include cinematic texts can be carried out through a systematic analysis of the visual environments presented on the screen. At the same time, dominant visual patterns characteristic of a particular era can be identified and described. Such a dominant determines the emphasis in the figurative whole and reveals important aspects of philosophical and cultural thought relevant for its time, including ethical thought.

Keywords:

visual environment,
subject-visual referent,
vestimental dominant of the film,
fashion film,
ethical program

Received: 12.12.2023

Accepted: 15.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Confederat O. V., Dyadyk N. G. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Нехамкин, В. А. Проблема движущих сил исторического процесса и ее значение для философии истории: методологический аспект / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2024. — № 1 (99). — С. 61—72. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72. — EDN HQDEVE.

УДК 123.1+140.8

EDN HQDEVE

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72

ПРОБЛЕМА ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нехамкин Валерий Аркадьевич^{1,2},

¹ Московский государственный
технический университет
им. Н. Э. Баумана,

профессор кафедры философии;

² Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,

профессор кафедры
социальной философии,
доктор философских наук, профессор.
Москва, Россия.

ORCID 0009-0007-6050-2861

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. В работе выделяется одна из главных тем философии истории – проблема движущих сил исторического процесса.

Выявлены конкретные движущие силы истории, выдвинутые в историософии.

Показаны определяемые проблемой движущих сил истории методологические аспекты становления философии истории в целом.

Цель — показать роль вопроса движущих сил в становлении проблемного поля историософии.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ; движение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

Научная новизна исследования. Выявлены и проанализированы основные проблемы, существующие в философии истории. Автором показано, что одной из важнейших проблем, интегрирующей остальные историософские вопросы, выступает проблема движущих сил истории. Установлены конкретные движущие силы истории, анализируемые в историософии. Демонстрируется, что в методологическом плане проблема движущих сил в истории играет в философии истории особую роль в ряде аспектов: концептуальном, интегративном, тестовом, дополнительности.

Результаты. Показано, что проблема движущих сил в истории решает в историософии ряд задач. Во-первых, каждая конкретная движущая сила позволяет создавать новые теории в философии истории. Во-вторых, она формирует особую картину исторической динамики. В-третьих, позволяет рассмотреть различные факторы истории как главные в системе иных параметров, тем самым найдя их подлинное место при анализе исторического процесса. В-четвертых, демонстрирует необходимость совместного анализа различных движущих сил для создания общей исторической картины.

Выводы. В работе рассмотрены лишь некоторые конкретные движущие силы истории, но их выделение надо продолжать производить. Автором выделены четыре аспекта, раскрывающие особую методологическую роль проблемы движущих сил истории в историософии. В действительности их можно выявить и больше.

Ключевые слова:

философия истории,
проблематика философии истории,
проблема движущих сил в истории,
теория

Поступила: 09.01.2024

Принята: 21.02.2024

Дата печати: 30.03.2024

Права: © Нехамкин В. А. (2024).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

Философия истории (часто называемая в России «историософией») — раздел философской мысли, где с теоретических позиций происходит осмысление исторического процесса, изучение связанных с этим анализом проблем. Эмпирический материал для подобного обобщения философам поставляют иные дисциплины и прежде всего — историческая наука. С ней у философии истории складываются порой сложные отношения. С одной стороны, историческая наука дает философам эмпирический материал для создания их теорий. С другой стороны, историки часто не понимают, почему их информация о прошлом не может быть исчерпывающей и должна дополняться какими-то философскими «фантазиями». Кроме исторической науки философия истории берет сведения из социологии, психологии, филологии, этнографии, иных дисциплин. Значит, историософия носит по факту междисциплинарный характер.

Философия истории формально возникает сравнительно поздно: в XVIII в., когда данный термин впервые в Европе употребил Вольтер (1768 г.). После появления категории, она стала широко употребляться в философских построениях у И. Г. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, иных иностранных и отечественных (Н. И. Кареев, В. М. Хвостов, Л. П. Карсавин и др.) специалистов. Причем, процесс шел настолько быстро, что примерно через сто с небольшим лет после работы Вольтера в конце XIX столетия стало возможным делать даже обзорные работы по данному разделу [18]: столь много в нем накопилось эмпирического и теоретического материала.

Ускоренное становление философии истории говорит о том, что ее формирование началось гораздо раньше, чем появился термин: как минимум, с античности. Здесь возникли и исходные проблемы, ставшие фундаментальными вопросами историософии.

Изучение одной из проблем историософии — движущих сил исторического

процесса — и ее особой методологической роли среди иных изучаемых в философии истории вопросов посвящена данная работа.

Проблематика философии истории

Количество проблем, относимых к сфере философии истории, различно. Их список разнообразен в учебной и исследовательской литературе. Поэтому автор озвучит здесь собственный перечень фундаментальных историософских вопросов, существующих наряду с проблемой движущих сил истории.

Исторические «уроки» и способы их выявления. Во многих трудах античных, средневековых и последующих историков, философов звучала мысль о том, что история должна не только рассказывать о прошлом, но и чему-то «учить» людей, живущих в настоящем. Так, историк X в. Лев Диакон полагал, что история «учит людей одобрять и ставить <...> себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать» [10, с. 7]. В Новое время она часто начинает восприниматься как «учительница жизни» [1, с. 14]. К XVIII в. эта мысль становится преобладающей. Для Дж. Локка «нет ничего более *поучительного* (курсив наш — В. Н.) и в то же время *занимательного*, чем история» [11, с. 579]. Поэтому первая проблема, ставшая перед формирующейся философией истории, звучала так: как получить прагматическую информацию о минувшем? Впоследствии, в крайних формах эпохи Просвещения, любая история (информация о прошлом) вообще превратилась в «философию, которая учит нас с помощью примеров» (Г. Болингброк) [2, с. 11], «школу политики и нравственности» (Г. Мабли) [12, с. 10].

Поиск универсальной методологии исторического познания. И здесь следует отметить существенный вклад греческого историка Фукидида, начавшего разработку особых правил описания прошлого. При повествовании о Пелопоннесской войне (431 — 404 гг. до

н. э.) он ставил задачу «изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать события других со всей возможной точностью» [22, с. 13]. Фукидид разделил причины (страх Спартанцев перед ростом могущества Афин и их союзников) и повод (территориальные споры) конфликта; предположил, что события прошлого могут повторяться в будущем в различных формах (высказал гипотезу о циклизме как форме исторической динамики) [22, с. 14]. Отсюда можно отчасти согласиться с Э. Мейером, полагавшим: «Всегда будет один тип истории и *один метод исследования исторических проблем* (курсив наш — В. Н.) — тот, совершенный образец которого представил афинянин Фукидид» [13, с. 66]. Разумеется, впоследствии (особенно в Новое время) проблема «как правильно познать исторический процесс, какими средствами?» осталась актуальной, разрабатывалась в рамках историософии.

Проблема форм исторической динамики. Она тоже возникает в античности. Суть отражает вопрос: как происходит становление исторического процесса — линейно, циклично, спиралевидно, коэволюционно [5], или каким-то иным способом? В Др. Греции и Риме на первый план выходит цикличность исторической динамики (Ктесий, Полибий и др.), находившая сторонников и позже (Дж. Вико). В Средние века и Новое время — линейный (выразившийся в концепции теологического исторического развития Бл. Августина и светских теориях общественного прогресса — А. Тюрго, Ж. Кондорсэ, Г. Гегеля, К. Маркса, О. Конта и др.). Он сочетался со спиралевидностью социального развития (марксизм).

Проблема роли личности в истории. Первые подходы к ней появляются у историков и философов Др. Греции и особенно Др. Рима. В целом согласимся с Э. Мейером, что вопрос о великих людях в истории — «вопрос о границах исторического влияния личности» [13, с. 61]. Суть вопроса: какое воздействие оказывает какой-либо обладающий по-

литической и/или духовной властью человек на ход исторического процесса? В античный период проблема решалась преимущественно волюнтаристически, т.е. личности придавали решающее значение в исторических трансформациях. Отсюда работы с названиями «Жизнь Александра Македонского» К. К. Руфа, «Жизнь двенадцати Цезарей» Г. С. Транквилла и т. д. Хотя и в рамках жизнеописаний, развивавшихся под влиянием волюнтаризма, позитивным оказался метод сравнения их пар, сопоставляемых по определенным критериям: Никий — Красс, Александр Македонский — Гай Юлий Цезарь и т.д. (Плутарх). Проявлялся волюнтаризм и позже у Т. Карлейля, Ф. Ницше, П. Л. Лаврова и других. Эпизодически в античности и на постоянной основе в Новое время при решении этой проблемы появляется течение объективизма, нивелирующее полностью воздействие великой персоны на ход истории (марксизм, Г. В. Ф. Гегель, Л. Н. Толстой), объявлявшее ее «игрушкой» в руках внешних факторов. Поиск баланса между ними продолжается до сих пор [14].

Характер исторической динамики. Поставлена в античный период. Суть проблемы: реализуется ли исторический процесс преимущественно через случайности, спонтанно появляющиеся факторы (флуктуации), или здесь действуют законы, как и в физическом мире? В отношении ее решения есть следующие позиции. Во-первых, вероятностная. Исторический процесс — совокупность случайных трансформаций. Он состоит из уникальных личностей, событий, их взаимодействия, а, значит, неповторим. «Случайное никак невозможно предвидеть», — утверждал еще в I в. до н. э. М. Т. Цицерон. Это ведет к тезису о невозможности существования законов и вытекающего из них прогнозирования в истории. Такую концепцию можно найти у неокантианцев (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), а крайнюю форму она приняла в антиисторицизме К. Поппера. На основе знания минувшего можно лишь говорить о вероятности

наступления в будущем сходных событий и не более того (теория «охватывающих законов» К. Гемпеля).

Во-вторых, номотетическая, по которой исторический процесс управляется законами. Позиция присутствовала уже у ранних христианских теологов, базируясь на идее Провидения, т.е. позитивного «корректирующего» вмешательства Бога в исторический процесс. Так, А. М. Т. Бозций утверждал: «Никогда не допускал мысли, что организованное в таком порядке создание (окружающий мир — *В. Н.*) может быть движимо слепой случайностью. Напротив, я знаю, что создатель руководит своим творением» [3, с. 202]. На научной основе идея нашла отражение в позитивизме О. Конта и его последователей (А. Кетле, Л. Гумплович, В. Зомбарт, В. Вундт). Они выделяли от одного-двух до нескольких десятков законов исторической динамики [21, с. 123—150]. Номотетическое направление в историософии оказалось поколебленным сменой парадигм, переходом к неклассической науке в XX в., но не ушло из философии истории полностью.

Проблема смысла истории. Суть выражает вопрос: куда движется исторический процесс? Теологи (подобные Бл. Августину, И. Флорскому и др.) указывали на Царство Божие как конечную цель существования «греховного» Земного Града. Светские мыслители сводили проблему к выделению конечного идеального состояния общества. Одни искали его в прошлом (Гесиод, Конфуций) в когда-то ушедшем «золотом веке». Правда, Гесиод совсем терял оптимизм, видя в настоящем лишь социальный регресс, а Конфуций считал необходимым «скорректировать» современность разными способами (учение об «исправлении имен» и т.п.) по образцу идеального прошлого. Ряд мыслителей надеялись, что их социальный идеал будет достигнут в последующем развитии человечества (коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса). Третьи полгали, что смысл истории уже реализован в настоящем. От расположенных на неведомых островах утопий (Т. Мора),

«Городов Солнца» Т. Кампанеллы, «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона до более известных реальных мест. Для Г. Гегеля образец социальной организации — родная Пруссия начала XIX в., для Ж. А. Кондорсэ — революционная Франция конца XVIII в., откуда иные народы берут имеющиеся достижения. Даже в XX в. противник теории общественного прогресса и наличия законов истории К. Поппер увидел идеальным современное ему западное Открытое общество. Несмотря на имеющиеся недостатки, оно «гораздо честнее и справедливее» любых ранее существовавших типов социума [17, с. 8].

Проблема исторических альтернатив. В историческом процессе на определенных этапах его становления возможны были различные варианты прошлого (альтернативы прошлого), требующие научного и философского осмысления. Историческая наука, предмет которой константное, неизменное прошлое, не может без определенных методологических противоречий, изучать подобный объект. Вместе с тем некоторые историки решаются на такие «мысленные опыты» по изменению прошлого. Хотя потом произносят «очистительную» фразу: «в истории нет сослагательного наклонения». Корректней проводить подобные исследования в философии истории, где нет формального запрета на изменение прошлого в познавательных целях. Здесь можно отвечать на вопрос: что было бы, если? [15].

Проблема оптимальной периодизации прошлого. Ее суть отражает вопрос: на какие отрезки должна делить прошлое философия истории, изучающая его с теоретических (макро-социологических) позиций? Историки делают это по событийным основаниям, выделяя, например, сменяющие друг друга периоды: Античность — Средние века — Новое время — Новейшая история. На этой периодизации строятся учебные пособия по данной дисциплине. Такой подход критикуется за линейность, европоцентризм и прочие недостатки многими мыслителями (особенно сильно О. Шпенглером в работе

«Закат Европы»). В философии истории выработаны свои варианты периодизации прошлого: формационный, цивилизационный, постиндустриалистский, мир-системный подходы. Они делят исторический процесс на порожденные не эмпирическими событиями, а отдельными концепциями фазы (формации, цивилизации, мир-системы и т. д.). Выступают в методологическом плане как монистическими (формационный подход), так и радикально плюралистическими (цивилизационный), синтетическими (мир-системный, постиндустриалистский). Претендуют на охват всемирной истории. Совмещают линейность и циклизм как формы исторической динамики (формационный и цивилизационный подходы). Порой не могут дать однозначного названия современной стадии истории. Так, постиндустриальное общество выступает «технотронным», «сервисным», «постэкономическим», «посткапиталистическим», «супериндустриальным» и т. д. Уже в 1982 г. У. Драйзарт заметил, что обозначение общества с приставкой «пост» «отдает каким-то осенним чувством увядания, <...> ощущением конца» [16, с. 344]. Привлекают для периодизации прошлого не только историю, но и географию (например, Восточная и Западная цивилизации, выделяемые в цивилизационном подходе). Критикуются оппонентами (в т. ч. историками) за излишнюю формализацию эмпирического материала, спекулятивность, пренебрежение фактами прошлого, некорректные обобщения, абсолютизацию европейского опыта и иные «грехи».

Таков, по мнению автора, общий перечень проблем философии истории.

Сущность проблемы движущих сил истории

Если рассматривать исторический процесс как определенный механизм, то следует констатировать, что он должен иметь свой, *специфический, управляющий им «мотор»*. Речь идет о движущих силах исторического процесса. Это

параметры (факторы), *детерминирующие становление и исход исторических событий, формы исторической динамики, перспективы* (смысл) социального развития. Дискуссия о них продолжается весь период формирования философии истории. Обобщим параметры, претендовавшие на роль движущих сил истории.

Божественное провидение как «мотор» исторических трансформаций. В античные времена и Средние века среди мыслителей бытовало мнение о том, что Боги (в Др. Греции и Риме) и Бог (в христианстве) вмешиваются в ход исторического процесса. Как сверхъестественные силы это делают? Во-первых, помогают отдельным личностям, праведникам. В античной мифологии ее герои обращаются в трудных ситуациях за помощью к своим Богам-покровителям и подчас получают ее. В христианстве тенденция трансформировалась в иную: Бог сам помогает избранным им личностям. Так, Анна Комнина вспоминала, что ее отец, будущий император Византии Алексей Комнин, везя в столицу (Константинополь) пленного варвара Виренния, остановился и уснул под деревом. Виренний освободился от связывавших его пут, забрал у полководца меч, но роковой удар не нанес. Анна объясняет такой «гуманизм» заступничеством Бога, «божественной силы» [8, с. 69]. Во-вторых, регулируют уровень зла в мире. Когда он заходит за крайние пределы, Боги (в античном мире) или Бог (в христианстве) вмешиваются в ситуацию. Наказанию здесь подлежат уже не отдельные «плохие» личности, а их коллективы. В Ветхом Завете есть примеры уничтожения населения некоторых «греховных» городов (Содома, Гоморры), так и значительной части человечества с помощью всемирного Потопа. История тем самым как бы «перезапускается», начинается заново: с оставшихся праведников. В-третьих, вмешательство Бога в конкретные события (по крайней мере в христианстве) имеет еще одну цель: утверждения на земле мира добра и праведности — Царства Божия.

Однако многочисленные случаи проявления зла в социальном мире, эпидемии, кровавые войны показывали, что вмешательством Богов/Бога полностью исторический процесс не объяснишь. Зло в нем сохранялось. Отсюда поиск движущей силы истории, таящейся в естественном ходе прошлого, продолжался.

Великие исторические личности — движущая сила истории. Если до Бога людям было порой далеко, то на Земле естественными вершителями их судеб казались наделенные политической или духовной властью лица: светские правители (фараоны, шахи, цари, императоры), духовные отцы, церковные иерархи и т. п. От их решений зависела порой жизнь конкретного человека (казнить его или нет?), или группы людей (начнется война или продолжится мир?). Поэтому еще задолго до формального появления философии истории у греческих и римских историков появляется «волюнтаризм» — течение, согласно которому воля властного лица — главная движущая сила истории.

Однако и такой фактор оказывался ограниченным. Наблюдение над историей показывало, что имеющая власть фигура не всесильна. Скажем, в 480 г. до н. э. царь Персии Ксеркс I хотел уничтожить войско полисов Др. Греции, но у него это не получилось. Морская же битва при острове Саламин вообще оказалась персами проиграна. Александр Македонский желал продолжать поход в Индию в 326 г. до н. э., но его солдаты отказались, и царю пришлось смириться. Получалось, что желания и цели великой личности — вещь одна, а их реализация, возможности — другая. Они далеко не всегда совпадают. Требовалось найти новую движущую силу истории.

Географическая среда (физический мир) как движущая сила истории. Для античных мыслителей, включая Аристотеля, было очевидно, что человек и общество существуют не только сами по себе, но еще и в определенном физическом и биологическом мире. Эта

среда обладала постоянной силой над людьми. Порой они ничего не могли с ней сделать. Например, в 79 г. два города мощной Римской империи (Помпеи и Геркуланум) погибли в ходе извержения вулкана Везувий. К XVI—XVIII вв. мысль о том, что географическая среда — полноправная движущая сила истории вышла в «лидеры», ее популярность совпала с терминологическим «рождением» философии истории.

В рамках анализа данного фактора философы пробовали на роль ведущих ряд параметров: климат (Вольтер, Ш. Монтескье и др.), тип воздуха, которым дышат люди (Ж. Боден и др.), наконец, с XIX в., вспомнили о водных ресурсах (не случайно Л. И. Мечников выделил три вида цивилизаций: речные, морские, океанические).

В XX в. географическая среда в целом стала фактором, создающим перед социумом проблемы, которые ему следует решать. В противном случае данное общество завершает свое бытие. Отсюда А. Тойнби назвал выделенный механизм «вызов-и-ответ». Л. Н. Гумилев же полагал, что главный «вызов» в лице «пассионарного толчка» приходит из космического пространства. Он приводит к «разогреву» одного из этносов, где начинают доминировать активные, «пассионарные» люди. Это стимулирует установление данной общностью контроля над иными народами (например, Монгольская империя в первой половине XIII в., прошедшая период быстрого территориального расширения). Но потом указанная энергия слабеет, а с ней убывает и сила данного этноса. А. Л. Чижевский считал космическое пространство еще одним фактором уже не только географической, но и природной среды, влияющей на общество. Усиление активности Солнца ведет к новым социальным катаклизмам (войнам, революциям).

Однако при рассмотрении географической/природной среды как движущей силы исторического процесса оставались ряд проблем. Во-первых, о ее роли. Является ли природа фактором, решающим образом определяющим

действия людей в настоящем, или она относится лишь к прошлому? Во-вторых, почему в сходных географических условиях одни народы развиваются быстрее других? В-третьих, каковы пределы воздействия географической среды на жизнь и деятельность людей?

Разум как движущая сила истории. Мощь человека на протяжении столетий непрерывно возрастала. Видевшие данный факт мыслители определили, что главный фактор исторической динамики лежит в развитии «человеческого разума». Под ним понимались совокупные интеллектуальные возможности человечества, базирующиеся на системе передачи знаний, повышении роли науки в жизни человека и социума, усилении его технической вооруженности. Становление Разума идет линейно, прогрессивно, путем передачи его достижений от одного народа другому. Тренд в наилучшей степени нашел отражение в работе Ж. А. Кондорсэ «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». У Г. В. Ф. Гегеля данный фактор уже объективирован, воплощен в независимом от человека Мировом духе. Он по своему усмотрению вершит историю, использует людей (включая правителей) для достижения в историческом процессе собственных целей. В этом проявляется «хитрость разума». Наконец, в XX в. появляется учение о «ноосфере» — сфере разума, который может преобразовывать окружающий мир. Один из создателей такой концепции, В. И. Вернадский, поднял Разум как фактор истории даже на большую высоту, чем Г. В. Ф. Гегель. «...Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью (курсив наш — В. Н.) и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободного мыслящего человечества как единого целого* (курсив В. И. Вернадского). Это новое состояние биосферы, к которому мы ... приближаемся, и есть «ноосфера» [4, с. 241].

Впрочем, Разум как независимая движущая сила истории устраивал да-

леко не всех мыслителей. Во-первых, не удалось договориться об однозначном содержании данного фактора. Во-вторых, при таком подходе были не ясны факторы, стимулирующие развитие самого Разума. В-третьих, границы Разума, его влияния оставались неопределенными. В-четвертых, со ссылками на эмпирические факты (войны, включая Мировые; голод; революции; эпидемии; природные катастрофы и т.д.) оспаривалось линейно-прогрессистские схемы эволюции прошлого под воздействием данного фактора.

Уйти от подобных противоречий попытались в марксизме.

Материальное производство — еще одна движущая сила истории, которую «обнаружили» в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс. Способ производства материальной жизни (в единстве производительных сил и производственных отношений) образовывал экономический базис общества. Остальные его элементы (включая Разум, науку, религию, право, этику и т. д.) — надстроечные. Они однозначно детерминировались в классическом марксизме экономическим базисом.

Данная движущая сила истории четко объясняла происхождение идеальных основ исторического процесса (Разума, Мирового духа). Без ответа оставались вопросы о границах влияния экономического базиса на надстройку (в конце жизни Ф. Энгельс утверждал, что у последней есть своя, в некоторых рамках независимая от базиса, динамика), адекватности исторической реальности линейной схемы общественно-исторических формаций, их обязательной смены на уровне каждого государства или человечества в целом, неизбежности формирования коммунистической общественной формации. Поэтому и такой параметр как «мотор» исторических изменений оказался для многих историософов неприемлемым.

Масса (толпа) как движущая сила истории. Согласно данной позиции, вершителем исторических трансформаций выступают низы общества, т.н. «народные массы». Они, будучи обез-

доленной частью социума, чаще других общественных групп решаются на смену устоявшимся социальным порядков. Отношение к данной движущей силе двоякое. У марксистов, как классиков, так и последователей данного учения (В. И. Ленин) — позитивное. Народные массы становятся основой, двигателем революционных преобразований, но под руководством правящей партии, возглавляемой интеллигенцией. Они способствовали революциям во Франции (1789—1794 гг.), опыту Парижской коммуны (1871 г.), Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. в России. В капиталистическом обществе народные массы — источник свержения данного строя, перехода к социализму. На уровне теории народ — «создатель материальных благ», а потому «играет решающую роль во все исторические эпохи» [6, с. 365]. Он «двигатель прогрессивных общественных преобразований, революционной перестройки общественной жизни» [6, с. 367].

За пределами марксизма, особенно после социального опыта первой половины XX в., массы/толпы рассматривались как начало негативное, разрушительное, антиперсональное, антиинтеллектуальное. Революции в Европе 1789—1794; 1848; 1871 и тем более в России 1917 г. с последовавшей Гражданской войной виделись образцами деструкции, совершенными народными массами. Начал развиваться подобный подход в конце XIX в. Г. Лебон, продолжили — Г. Тард, Х. Ортега-и-Гассет. «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), «преступная толпа» (Г. Тард), «век толп» (С. Моковичи) и т. п. — так оценивали XIX и XX в. многие мыслители. Народ под руководством опытных вождей поднимается на бунт против существующего государственного строя. В толпе человек теряет личный разум, подчиняется коллективной психологии, совершает необычные (с точки зрения «нормального» индивидуального состояния) поступки. Но и при таком подходе масса выступает источником власти [7].

Выделение массы (толпы) как движущей силы исторического процесса породило новые проблемы. Сложно было определить содержание данного термина. Было не ясно: людей в толпе приводит к деструктивному поведению тяжелое материальное положение (как полагали марксисты) или призывы вождей? Почему последние в толпе сохраняют «ясность» ума (могут «быть в толпе собою», как отмечал Р. Киплинг в стихотворении «Если...»)? В какой мере действия масс объясняются общественной динамикой, а в какой — на базе личной психологии? Отсюда поиск субъекта, двигателя исторических изменений, продолжился в философии истории и далее.

Техника как движущая сила истории начала рассматриваться преимущественно с XX в. (хотя отголоски концепции можно найти в упомянутой работе Ж. А. Кондорсэ, где техника выступала одним из проявлений разума). Она являлась объективным фактором. В рамках данной позиции на технику и порожденные ей способы преобразования действительности (технологии) возлагали ответственность за ускорение социальных трансформаций. Л. Уайт, Г. Ленски, Э. Тоффлер и иные мыслители полагали, что техника (технологии) открывают перед обществом путь прогресса, влияют на его структурную динамику, каждую подсистему, внедряют в него инновации и т.д. Как отмечал О. Тоффлер, «технология является великим, *ревушим* (курсив наш — В. Н.) двигателем перемен» [20, с. 21]. Однако сторонники данной движущей силы не рассматривали ее самодовлеющей, ставили в зависимость от таких параметров, как «рост информации», знаний [Цит. по: 19, с. 211].

Рассмотрев основных «претендентов» на роль движущих сил истории (автор не надеется, что этот список когда-либо будет исчерпан) целесообразно выявить методологическое место указанной проблемы в философии истории.

Методологическое значение проблемы движущих сил истории в историософии

По нашему мнению, проблема движущих сил в истории играет особую роль среди иных рассматриваемых здесь с теоретических позиций вопросов. Она выражается в ряде аспектов.

Концептуальный аспект. Каждая конкретная движущая сила в истории, взятая по отдельности, позволяет построить свою, отдельную теорию или их группу. Так, если взять историческую личность за основу историософских построений, то получаем волюнтаристскую концепцию (абсолютизирующую роль отдельного человека в прошлом) и объективистскую (нивелирующую данного актора до полной зависимости от внешних обстоятельств, факторов — экономики, народной воли, Мирового духа и т. д.). Получается, что использование одной из движущих сил в концептуальном плане — важный фактор создания в историософии новых теорий.

Интегративный аспект. Выбранная исследователем движущая сила истории позволяет определенным образом структурировать имеющуюся в философии истории проблематику, заставляет ее носить системный характер, формировать определенную картину социальной эволюции. Здесь специфическим образом задаются смысл исторического процесса, доминирующая форма его динамики (линейная, циклическая, спиралевидная и т. д.), разрешается вопрос о наличии или отсутствии законов истории, происходит периодизация прошлого на макроуровне и т. д. Так, если движущей силой истории объявляется разум (Ж. Кондорсэ, Г. В. Ф. Гегель и т. д.), то развитие исторического процесса мыслится как линейный процесс, носящий прогрессивную направленность, проходящий к «высшей» точке социальной организации через определенные промежуточные этапы, управляемый законами и т. д. Если же история развивается через эволюцию замкнутых, независимых друг от дру-

га «культур» (О. Шпенглер), то единой цели исторический процесс не имеет, законов — тоже, каждое образование циклически рождается, достигает расцвета, гибнет; универсальная периодизация прошлого находится под вопросом.

Тестовый аспект. В рамках некоторых движущих сил истории, изучаемых в историософии, на данную роль «пробуются» различные параметры. Так, среди географической среды как движущей силы ими оказались: климат, тип воздуха, преобладающие водные ресурсы данной территории и т. д. Тем самым каждый параметр путем мысленного эксперимента со стороны исследователя «тестируется» (проверяется) в качестве решающего фактора исторических изменений. Через их интеграцию создаются новые теории. Так случилось с механизмом «вызов-и-ответ» А. Тойнби, где вызовом со стороны среды могли служить климат, тип воздуха, водные ресурсы и т. д., но уже в совокупности; в концепции пассионарности Л. Н. Гумилева, где данные факторы объединял в систему приходящий из космоса «пассионарный толчок» и т. д.

Аспект дополненности. Развитие философии истории показывает, что каждая движущая сила истории по отдельности ограничена. Поэтому историософским теориям приходится для дальнейшей устойчивости их синтезировать. Так, в материалистическом понимании истории движущей силой является не только материальное производство (экономика), хотя оно и выступает главным, но и народные массы и даже вожди, «правильно» понимающие ход исторического процесса.

Вместе с тем концепции, строящиеся на абсолютизации одной движущей силы истории, активно критикуют теории, базирующиеся на иной движущей силе. Так, материалистическое понимание истории остро полемизирует с его идеалистическими трактовками (где главным оказывается Разум), волюнтаристскими версиями решения вопроса о роли личности в истории и т. д.

Тем самым взаимная критика каждой движущей силы раскрывает их слабые места, обогащает познавательный процесс. В историософии складывается ситуация, характерная для науки в целом. Здесь, как отмечает И. Лакатос, «только конструктивная критика (курсив И. Лакатоса) с помощью *соперничающих программ* (курсив наш — В. Н.) приводит к реальному успеху» [9, с. 157].

В итоге движущие силы истории оказываются в своеобразной системе, где не только противостоят, но и дополняют друг друга.

Заключение

Проведенный анализ показал, что проблема движущих сил истории носит особый характер среди иных важнейших историософских вопросов. Она обладает рядом аспектов (концептуальным, интегративным, тестовым, дополнительностью), позволяющим в снятом виде находиться в каждой из проблем философии истории, разрабатываемых здесь теориях. Причем от монизма, ведущего к абсолютизации каждой движущей силы истории, свойственного периоду формирования данного раздела философии в XVIII—XIX вв., мыслители переходят к формированию познавательных систем, где взаимодействуют различные параметры. Это говорит о влиянии на философию истории науки, ее неклассического и постнеклассического этапов, порождаемой ими методологии.

1. Боден, Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. — М. : Наука, 2000. — 411 с.

2. Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Г. Болингброк. — М. : Наука, 1978. — 359 с.

3. Бозэций. «Утешение философией» и другие трактаты/ Бозэций. — М. : Наука, 1990. — 414 с.

4. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. — М. : Наука, 1991. — 271 с.

5. Гречко, П. К. Концептуальные модели истории / П. К. Гречко. — М. : Логос, 1995. — 144 с.

6. Диалектический и исторический материализм. Под ред. С. М. Ковалева. — М. : Политиздат, 1968. — 392 с.

7. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. — М. : АСТ, 2022. — 704 с.

8. Комнина, А. Алексиада / А. Комнина. — СПб. : Алетейя, 1996. — 704 с.

9. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. — М. : Медиум, 1995. — 236 с.

10. Лев Диакон. История / Л. Диакон. — М. : Наука, 1988. — 240 с.

11. Локк, Дж. Сочинения. Т. 3 / Дж. Локк. — М. : Мысль, 1988. — 620 с.

12. Мабли, Г. Об изучении истории. О том, как писать историю / Г. Мабли. — М. : Наука, 1993. — 414 с.

13. Мейер, Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования / Э. Мейер. — М. : Изд-во Сытина, 1904. — 67 с.

14. Нехамкин, В. А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2018. — № 2 (70). — С. 24—33. — EDN XRCGPR.

15. Нехамкин, В. А. Парадигмы контрфактического моделирования прошлого в социальном познании: итоги, перспективы развития / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2019. — № 5(79). — С. 7—18. — DOI 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18. — EDN YMWLZR.

16. Новая технократическая волна на Западе. — М. : Прогресс, 1986. — 450 с.

17. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т.1. Чары Платона / К. Поппер. — М. : Феникс, 1992. — 448 с.

18. Раппопорт, Х. Философия истории в ее главнейших течениях / Х. Раппопорт. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1898. — 180 с.

19. Семенов, Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней. Основные проблемы и концепции / Ю.И. Семенов. — М. : Старый сад, 1999. — 380 с.

20. Тоффлер, Э. Футурошок / Э. Тоффлер. — СПб : Лань, 2007. — 464 с.

21. Философия истории. Антология. — М. : Аспект-Пресс, 1994. — 351 с.

22. Фукидид. История / Фукидид. — М. : Ладомир, 1993. — 543 с.

References

1. Boden Zh. (2000) Metod legkogo poznaniya istorii [The method of easy knowledge of history]. Moscow, Nauka, 411 p. [in Rus].

2. Bolingbrok G. (1978) Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters of the study and use of history]. Moscow, Nauka, 359 p. [in Rus].

3. Boecij (1990) «Uteshenie filosofiej» i drugie traktaty [Consolation by Philosophy and other treatises]. Moscow, Nauka, 414 p. [in Rus].

4. Vernadskij V.I. (1991) Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, Izd-vo «Nauka», 271 p. [in Rus].

5. Grechko P.K. (1995) Konceptual'nye modeli istorii [Conceptual models of history]. Moscow, Logos, 144 p. [in Rus].

6. Dialekticheskij i istoricheskij materializm [Dialectical and historical materialism] (1968). Moscow, Politizdat, 392 p. [in Rus].

7. Kanetti E. (2022) Massa i vlast' [Mass and power]. Moscow, AST, 704 p. [in Rus]

8. Komnina A. (1996) Aleksjada [Alexisada]. St. Petersburg, Aletejya, 704 p. [in Rus].

9. Lakatos, I. (1995) Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skih program [Falsification and the methodology of scientific research programmes]. Moscow, Medium, 236 p. [in Rus].

10. Lev Diakon. Istoriya [The history]. Moscow, Nauka, 240 p. [in Rus].

11. Lokk Dzh. (1988) Sochineniya [Essays. Volume 3]. Moscow, Mysl', 620 p. [in Rus].

12. Mabli G. (1993) Ob izuchenii istorii. O tom, kak pisat' istoriyu [About the study of history. About how to write a story]. Moscow, Nauka, 414 p. [in Rus].

13. Mejer E. (1904) Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy istorii. Filosofsko-istoricheskie issledovaniya [Theoretical and methodological issues of history. Philosophical and historical research]. Moscow, Izd-vo Sytina, 67 p. [in Rus].

14. Nekhamkin V.A. (2018) Modeli roli lichnosti v istorii: dostizheniya i predely [Models of the role of personality in history: achievements and limits]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (70), pp. 24–33 [in Rus].

15. Nekhamkin V.A. (2019) Paradigmy kontrfakticheskogo modelirovaniya proshlogo v social'nom poznanii: itogi, perspektivy razvitiya [Paradigms of counterfactual modelling of the past in social cognition: results and development prospects]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. № 5 (79), pp. 7–18. DOI 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18 [in Rus].

16. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [The new technocratic wave in the West] (1986). Moscow, Progress, 450 p. [in Rus].

17. Popper K. (1992) Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T.1. Chary Platona [The Open society and its enemies. Volume 1. The Spell of Plato]. Moscow, Izd-vo Feniks, 448 p. [in Rus].

18. Rappoport H. (1898) Filosofiya istorii v ee glavnejshih techeniyah [The philosophy of history in its main directions]. St. Petersburg, Tipografiya Yu.N. Erlih, 180 p. [in Rus].

19. Semenov Yu. I. (1999) Filosofiya istorii ot istokov do nashih dnei. Osnovnye problemy i koncepcii [Philosophy of history from its origins to the present day. Main problems and concepts]. Moscow, Saryj sad, 380 p. [in Rus].

20. Toffler E. (2007) Futuroshok [Future Shock]. St. Petersburg, Lan', 464 p. [in Rus].

21. Filosofiya istorii. Antologiya [Philosophy of history. Anthology] (1994). Moscow, Aspekt-Press, 351 p. [in Rus].

22. Fukidid (1993) Istoriya [The history]. Moscow, Ladomir, 543 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V. A. (2024)

The problem of the historical process driving forces and its significance for the philosophy of history: methodological aspect.

Sotsium i vlast/Society and Power, no. 1 (99), pp. 61-72.

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72. [in Rus].

UDC 123.1+140.8

EDN HQDEVE

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL PROCESS DRIVING FORCES AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE PHILOSOPHY OF HISTORY: METHODOLOGICAL ASPECT

Valery A. Nekhamkin^{1, 2},

¹ Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,

Professor of the Department of Philosophy;

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,

Professor of the Department of Social Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor. Moscow, Russia.

ORCID 0009-0007-6050-2861

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The work one of the main problems of the philosophy of history — the problem of the driving forces of the historical process. The author identifies specific driving forces of history, put forward in historiography. The methodological aspects of the formation of the philosophy of history as a whole, determined by the problem of the driving forces of history, are shown.

The purpose of the article is to show driving forces issue in forming the problem field of historiography.

Methods. The author uses the following general scientific methods: modeling, structural-functional, systemic and comparative analysis; movement from abstract to concrete and from concrete to abstract.

Scientific novelty of the research. The author identifies problems existing in the philosophy of history and gives an analysis of these problems. The author shows that the one of the most important problem that integrates other historiographical issues is the problem of the driving forces of history. The specific driving forces of history are identified and analyzed in historiography. It is shown that, methodologically, the problem of driving forces in history plays a special role in the philosophy of history in a number of aspects: conceptual, integrative, test, and the aspect of complementarity.

Results. The author shows that the problem of driving forces in history solves a number of problems in historiography. Firstly, each specific driving force makes it possible to create new theories in the philosophy of history. Secondly, it forms a special picture of historical dynamics. Thirdly, it allows us to consider various factors of history as the main ones in a system of other parameters, thereby finding their true place in analyzing the historical process. Fourth, it demonstrates the need to jointly analyze various driving forces to create a common historical picture.

Conclusions. The work examines only a few specific driving forces of history, but they must continue to be identified. The author has identified four aspects that reveal the special methodological role of the driving forces problem of history in historiography. In fact, more of them can be identified.

Keywords:

philosophy of history, problems of philosophy of history, the problem of driving forces in history, theory

Received: 09.01.2024

Accepted: 21.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Nekhamkin V. A. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Салганова, Е. И.
 Медиаобразование
 и цифровая среда (между позитивом
 и деструкцией):
 по материалам международной научно-
 практической конференции
 (21—23 ноября 2023 года,
 город Челябинск,
 Российская Федерация) /
 Е. И. Салганова, С. С. Бредихин,
 А. А. Морозова, Р. В. Пеннер,
 Е. В. Щетинина // Социум и власть. —
 2024. — № 1 (99). — С. 73—94. —
 DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-73-94. —
 EDN OOWOYY.

УДК 101.2

EDN OOWOYY

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-73-94

**МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ
 И ЦИФРОВАЯ СРЕДА
 (МЕЖДУ ПОЗИТИВОМ
 И ДЕСТРУКЦИЕЙ):
 по материалам
 международной
 научно-практической
 конференции
 (21—23 ноября 2023 года,
 город Челябинск,
 Российская Федерация)¹**

Салганова Елена Ивановна,
 Южно-Уральский государственный
 университет
 (национальный
 исследовательский университет),
 доцент кафедры социологии
 Института медиа
 и социально-гуманитарных наук,
 кандидат социологических наук, доцент.
 Челябинск, Россия.
 ORCID 0000-0002-1549-8425
 E-mail: salganovaei@susu.ru

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)», а также при поддержке Российского научного фонда № 23-28-10211, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/>.

Бредихин Сергей Сергеевич^{1,2},

¹ Челябинский институт развития профессионального образования, заведующий сектором мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде;
² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук, кандидат философских наук.
 Челябинск, Россия.
 ORCID 0000-0001-9050-5034
 E-mail: sergei189@mail.ru

Морозова Анна Анатольевна^{1,2},

¹ Челябинский институт развития профессионального образования, заведующий сектором исследований педагогических инструментов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде;
² Челябинский государственный университет, доцент кафедры медиапроизводства, кандидат филологических наук.
 Челябинск, Россия.
 ORCID 0000-0003-4510-421X
 E-mail: roxfan@rambler.ru

Пеннер Регина Владимировна,

Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский уни-
верситет),
доцент кафедры философии
Института медиа
и социально-гуманитарных наук,
кандидат философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0002-3277-7274
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Щетинина Елизавета Витальевна^{1, 2},

¹ Челябинский институт развития
профессионального образования
руководитель Научно-исследовательского
центра мониторинга и профилактики
деструктивных проявлений
в образовательной среде;
² Челябинский государственный
университет,
доцент кафедры политических наук
и международных отношений,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0001-9056-9126
E-mail: schetininaev@ya.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору и анализу итогов VIII Международной научно-практической конференции «MEDIAОбразование. Цифровая среда: между позитивом и деструкцией 2023», состоявшейся 21—23 ноября 2023 г. на базе Челябинского государственного университета при поддержке Главного управления молодежной политики Челябинской области в рамках реализации регионального Плана Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации на территории Челябинской области.

Ключевые слова:

деструктивные практики,
конференция,
медиаобразовательная среда,
молодежь,
образовательная среда,
цифровая грамотность,
цифровая среда

Поступила: 12.12.2023

Принята: 15.01.2024

Дата печати: 30.03.2024

Права: © Салганова Е. И., Бредихин С. С.,
Морозова А. А., Пеннер Р. В., Щетинина Е. В. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Введение

21—23 ноября 2023 г. при поддержке Главного управления молодежной политики Челябинской области в рамках реализации регионального Плана Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации на территории Челябинской области состоялась VIII Международная научно-практическая конференция «MEDIAОбразование. Цифровая среда: между позитивом и деструкцией 2023». Организатором конференции выступил Научно-исследовательский центр мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования города Челябинска, а соорганизаторами — Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинский государственный университет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

В 2023 г. конференция стала площадкой не только для теоретического и научного осмысления проблемы медиаобразования и профилактики, но и носила практический аспект, направленный на консолидацию экспертного сообщества. В ходе конференции с докладами выступили более 200 участников, в том числе 85 ученых — докторов и кандидатов наук, а также преподаватели, журналисты и другие специалисты сфер образования, медиа и организаций системы профилактики. В число участников конференции вошли и перспективные молодые исследователи: аспиранты, магистранты и студенты бакалавриата и специалитета. География мероприятия охватила более 38 городов России и 5 городов ближнего и дальнего зарубежья. Конференция прошла в гибридном формате: 21—22 ноября восемь секций конференции работали в онлайн-формате, 23 ноября оставшиеся четыре секции были проведены в очном формате. Кроме того, в ходе конференции осуществлялись видеозаписи и онлайн-трансляции

в реальном времени, которые позволили всем желающим принять участие в мероприятиях конференции, зайдя в официальную группу Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде в ВКонтакте. В итоге общее время трансляции составило более 20 часов. Все записи конференции по секциям представлены по ссылке <https://vk.com/nicmr>.

В рамках конференции обсуждались вопросы радикализма, экстремизма, терроризма и другие риски цифрового пространства; медиапедагогика и образовательные технологии как инструмент борьбы с деструктивом; механизмы формирования психологической безопасности цифровой среды; профилактика деструктивных проявлений в цифровой среде: теория и практика регионов; позитивные культурные практики в медиапространстве; цифровая среда как площадка для кросс-культурной коммуникации; современная сетевая коммуникация: от языка вражды к языку дружбы; нейросети и человек: коллаборация или противостояние?; актуальные формы и форматы в медиа в условиях современных вызовов обществу; современные инструменты исследования и анализа деструктивного контента; цифровая грамотность в образовательной среде: формирование основ позитивной киберсоциализации.

Международную конференцию открыли ее организаторы — Елизавета Витальевна Щетинина, кандидат философских наук, руководитель Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета и Анна Анатольевна Морозова, кандидат филологических наук, заведующий сектором исследований педагогических инструментов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образова-

тельной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры медиапроизводства Челябинского государственного университета.

Первое пленарное заседание провел Сергей Сергеевич Бредихин, кандидат философских наук, руководитель сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета).

Первой с докладом на тему «К вопросу о субъектности генеративных нейросетей: соавтор или инструмент?» выступила Василиса Александровна Бейненсон, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. В своем докладе автор акцентировал внимание на роли искусственного интеллекта при создании различного рода контента, а также использовании возможностей искусственного интеллекта в журналистике. Рассматривалась трансформация отношения к искусственному интеллекту: от наделяния его субъективностью и введения таких понятий как «робожурналист», «медиабот» и т. п. до определения в качестве прикладного общедоступного инструмента. В ходе доклада В. А. Бейненсон обратила внимание всех присутствующих на неопределенность статуса человека, использующего данные инструменты, а порой и лишения его творческого статуса, в том числе и права называться автором контента.

Анатолий Григорьевич Давыдовский, кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и инклюзивного образования Минского городского института развития образования

г. Минска Республики Беларусь, выступил с докладом «Педагогические риски применения нейросетевых технологий в образовании 4.0». Автор заявил, что нейросетевые технологии искусственного интеллекта влияют на развитие образования, а также способствуют социотехногуманитарным последствиям распространения нейротехнологий в условиях четвертой промышленной революции. Были рассмотрены тенденции востребованности интернет-пользователями нейротехнологий, применяемых в образовании. Автором предложена классификация педагогических рисков; обоснованы критерии количественной оценки последствий и педагогических рисков применения нейротехнологий в образовании.

Алла Михайловна Шестерина, доктор филологических наук, профессор Высшей школы (факультета) телевидения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в своем выступлении акцентировала внимание на теме «Потенциал использования технологий Искусственного Интеллекта в создании видеоконтента: возможности и угрозы». Были выделены ключевые технологии искусственного интеллекта, которые в настоящее время активно используются практически на всех стадиях видеопроизводства: препродакшн, продакшн, постпродакшн. Автор отметила, что многие из них направлены на оптимизацию творческого процесса и действительно способствуют повышению эффективности видеотворчества. Однако практически каждая из этих технологий влечет за собой определенные риски гуманитарного и социокультурного характера.

Далее все участники конференции распределились по секциям, которых 21 ноября состоялось четыре. Модератором первой секции «Актуальные формы и форматы в медиа в условиях современных вызовов обществу» выступил Александр Александрович Градюшко, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалогии и веб-журналистики Белорусского государственного университета г. Минска, Беларусь,

член Белорусского союза журналистов и Национальной ассоциации исследователей масс-медиа (НАММИ).

В рамках первой секции участники международной конференции обсудили основные тренды контента в социальных сетях и стратегии работы с целевой аудиторией на современном этапе развития; тематику видеоблогов в современном интернет-дискурсе; новые вызовы и точки роста контент-стратегии региональной прессы в социальных сетях; особенности репрезентации новостного контента в пространстве социальных медиа: региональную телеграм-журналистику; результаты анализа эффективности и обзора возможных недостатков применения социальных сетей МЧС России; форматы контента в социальных медиа. Кроме того, поднимались вопросы использования медиаресурсов в целях повышения производительности труда; геймификации и иммерсивных технологий как новых форм медиаинформирования; трансформации СМИ в условиях глобализации и другие проблемы в сфере медиаобразования.

Анна Львовна Коданина, кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, в докладе «Контент-стратегии региональной прессы в социальных сетях: новые вызовы и точки роста» отметила, что социальные медиа, будучи популярными площадками для создания и дистрибуции контента, играют сегодня важную роль в формировании ценностей и установок массовой аудитории, ролевых моделей и социальных практик. Региональная пресса, вовлеченная в процессы цифровизации, активно использует креативные методы и подходы в реализации коммуникационных стратегий, налаживании и укреплении связей с целевой аудиторией. Докладчик отметила, что в контексте общих тенденций, нижегородская пресса демонстрирует оригинальные творческие подходы к реализации, как собственной информационной политики, так

и установок информационной политики государства. Были выделены характерные черты контент-стратегии региональных СМИ в социальной сети ВКонтакте.

Следующим докладчиком выступила Олеся Александровна Козлова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики Волгоградского государственного университета. В своем докладе на тему «Региональная телеграм-журналистика: особенности репрезентации новостного контента в пространстве социальных медиа», автор выделила специфику репрезентации информационного контента в телеграм-каналах региональных медиа. Эмпирической базой исследования стали публикации 10 телеграм-каналов официально зарегистрированных волгоградских СМИ с наибольшим количеством подписчиков. Это каналы онлайн-изданий, печатных медиа, телеканалов и информагентств. Помимо этого, ученым привлекались статистические данные. В качестве источника открытой статистики был использован сервис аналитики телеграм-каналов и чатов Tgstat.ru. Учитывались как количественные показатели каналов (количество подписчиков, динамика их прироста/убыли, количество взаимодействий, количество постов, охваты публикаций), так и качественные характеристики размещенного контента (тематика и стилистика текстов, жанры и форматы материалов). Проведенное О. А. Козловой исследование показало, что начало специальной военной операции привело к лавинообразному приросту подписчиков не только у федеральных, но и у региональных телеграм-каналов. Автор отметила, что региональные СМИ используют Telegram в основном как новую площадку для дистрибуции своего контента и увеличения конверсии на сайт. Вместе с тем ученый отметил, что произошли и ряд изданий, например, в поиске новой стратегии, что создает на каналах оригинальный контент, выстраивает новые, более доверительные, отноше-

ния с аудиторией. Журналисты V1.ru во время проведения крупных городских мероприятий делают прямые телеграм-включения, снимают репортажные видеосообщения. Достаточно востребованными оказались интерактивные форматы — опросы и голосования.

Николай Владимирович Олухов, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Уральского института ГПС МЧС России г. Екатеринбурга представил результаты анализа форм ведения социальных сетей МЧС России, характеристики предоставляемой информации, а также преимущества и возможные минусы использования социальных сетей в работе МЧС. Автором были выявлены плюсы такого ведения, включая оперативное информирование населения и распространение актуальных рекомендаций по безопасности, а также потенциальные негативные последствия, такие как распространение недостоверной информации и уязвимость перед киберугрозами. В результате автор подытожил, что результаты данного исследования могут быть применены при разработке стратегий ведения социальных сетей в системе МЧС России и других схожих структурах.

Марина Владимировна Симкачева, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета, выступила с докладом на тему «Форматы контента в социальных медиа». Автором были изучены медиаформаты в популярных социальных сетях и мессенджерах, которые используются журналистами для распространения контента, вовлечения аудитории, взаимодействия с подписчиками медиаформаты, вызывающие интерес и активность аудитории. Автор приходит к выводу, что современные СМИ освоили не только площадки social media, но и форматы контента, которые можно реализовать, используя функционал соцсетей, в соответствии с индивидуальными потребностями пользователей в условиях цифрового медиапотребления. Форматы определяются функционалом

цифровой платформы и предпочтениями пользователей. Короткий текст, визуализация и интерактив — востребованный контент у аудитории.

Модератором второй секции «Нейросети и человек: коллаборация или противостояние?» выступила Алла Михайловна Шестерина, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

В рамках второй экспертной секции были рассмотрены: сценарии трансформации новых СМИ в условиях развития нейросетей; опыт новосибирских медиклассов; нейросети для работы с текстом в журналистской редакции; специфика использования нейросетей в медиа и университете; возможности и уязвимости искусственного интеллекта и использующих его людей; нейросеть как инструмент современного журналиста: польза и риски; применение генеративных сетей в современном радиовещании; нейросети как вспомогательный элемент в дизайн-проектировании интерьеров; авторские права на произведения нейросети; перспективы эффективного использования безмедикаментозных методов и средств интеллектуально-духовной терапии и прагматических особенностей искусственного эмоционального интеллекта для целей саморегуляции психоэмоциональных состояний личности; нейросеть как инструмент предпроектной деятельности дизайнера; нейросетевые технологии поддержки принятия решений оператором системы видеонаблюдения; опыт применения нейросети «Концептоскоп» для анализа сетевых лингвистических данных; искусственный интеллект в медиадискурсе; нейросети и реклама: *pro et contra*; симбиоз искусственного интеллекта и человека: путеводитель в эру коллаборации и взаимодействия; преимущества и недостатки применения искусственного интеллекта для формирования политического имиджа; ней-

росети как инструмент альтернативного дизайн-проектирования и развития творческого мышления дизайнеров; влияние нейросетей на процесс обучения; использование искусственного интеллекта в деятельности руководителя школьного пресс-центра и др.

Так, Ольга Петровна Малышева, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета представила опыт применения нейросети, позволяющий анализировать ядерные синтаксические структуры для выявления значимых тематик и определения характера предикативных связей между объектами в цифровой повестке дня, сформированной ТОП-10 Telegram-каналами в 2022—2023 гг. Автор отметила, что высокий уровень стресса и тревожности, характеризующий современное общество как социальную систему, в основном связан с невозможностью обрабатывать непрерывные потоки неструктурированных данных и осуществлять стратегическое планирование. Основным исследовательским вопросом автора становится проблема вычленения стратегически важных для анализа массивов данных; определение оптимального формата данных; разработка надежных методов обработки и анализа данных для получения показательных результатов; а также разработка программно-аналитических продуктов с привлечением искусственного интеллекта для оптимизации процессов обработки и анализа. В результате автор делает вывод о том, что информационное перенасыщение и подход к фрагментированному потреблению информации обуславливает поиск эффективных технологичных аналитических решений, позволяющих оптимизировать процессы сбора, предобработки и анализа массивов лингвистических данных. В этом отношении привлечение искусственного интеллекта для решения практических задач в социогуманитарной сфере является одновременно вызовом и требованием времени.

Елена Александровна Дранишникова, кандидат филологических наук,

доцент кафедры журналистики Нижегородского государственного университета, в ходе выступления отметила, что одной из актуальных тем научных исследований в области медиа на сегодняшний день является процесс внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность современных СМИ. Однако в сферу радиовещания тренд на использование генеративных сетей пришел относительно недавно. Ученый отметила, что на сегодняшний день существуют единичные примеры их применения в данной отрасли. При этом все чаще подобные эксперименты не только ставят своей целью оптимизацию существующей системы радиовещания, но и ставят под вопрос роль и место в ней журналиста. Автор на основе систематизации опыта компаний, ставит вопрос о возможности и целесообразности замены специалистов, работающих в радиоиндустрии, технологиями, базирующимися на искусственном интеллекте. В итоге Е. А. Дранишникова сделала вывод, что нейросети вряд ли заменят ведущих на радио, и на данный момент могут рассматриваться только в качестве «игрушки» или дополнения к радиоэфиру.

Модератором третьей секции «Цифровая грамотность в образовательной среде: формирование основ позитивной киберсоциализации» выступила Елена Ивановна Салганова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

В ходе секции Елена Ивановна Салганова представила ключевые результаты социологического исследования, направленного на изучение цифровой грамотности обучающейся молодежи, педагогов и преподавателей в образовательных организациях Челябинской области, а также меры и мероприятия, направленные на профилактику деструктивных угроз в цифровой среде. Исследование было выполнено при финансовой поддержке Российского

научного фонда Конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)». Анализ научных источников и результатов социологического исследования позволил автору выявить проблемы, оценить развитие цифровой среды в образовательных организациях Челябинской области. Елена Ивановна Салганова отметила, что в современных условиях цифровизация общественной жизни требует модернизации системы образования на всех ее уровнях, ориентированность на подготовку обучающихся к полноценному использованию цифровых технологий, а также освоению необходимых для этого профессиональных навыков и качеств. Ученый отметил, что особое внимание здесь должно отводиться аспектам безопасного поведения в интернет-пространстве. В ходе исследований выявлена потребность в разработке методов по безопасному использованию всех участников образовательного процесса цифрового контента, привлечению экспертов по профилактике распространения деструктивных интернет-практик среди молодежи.

В работе секции приняли участие ученые и академическое сообщество из Республики Беларусь (Минск, Могилев), Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Омска, Челябинска, Саратова и других городов России. Активно обсуждались вопросы значения цифровой грамотности в коммуникациях в цифровой среде. С докладом выступила Юлия Валентиновна Логинова, кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета г. Москвы. Автор отметила, что знание основ цифровой грамотности и основных ее составляющих компонентов, как информационная грамотность и коммуникативная грамотность, необходимо как на теоретическом, так и практическом уровне для формирования необходимых навыков.

Анна Владимировна Пищова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка г. Минска, Республики Беларусь, представила результаты анализа медиабезопасности субъектов образовательного процесса в контексте цифрового разрыва.

Четвертая дискуссионная площадка модерировалась Галиной Юрьевной Ярославовой, кандидатом педагогических наук, заведующим сектором психологии деструктивных угроз в образовательной среде в Научно-исследовательском центре мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцентом кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

На секции выступила Вероника Юлдашевна Грушевская, кандидат филологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета г. Екатеринбурга, с докладом на тему «Денатурализация эмоциогенного контента как средство профилактики проблемного медиапотребления». Автор сделала вывод о том, только формирование культуры осознанного и ответственного медиапотребления позволит человеку управлять своим вниманием и временем в информационных потоках. В сложившейся ситуации пользователю требуется, с одной стороны, контролировать собственное медиапотребление, с другой стороны, опознавать основные на эмоциональном воздействии приемы привлечения внимания. Для самоконтроля требуется эмоциональная грамотность, включающая способность распознавать собственные аффективные потребности и обнаруживать медийное потребление аффекта, а для выявления приемов эмоционального воздействия в медиа

необходимо формировать медийно-информационную грамотность, которая позволит обеспечить критическое восприятие содержания медиа, различение функционального и нефункционального медиапотребления и денатурализацию эмоциогенного контента в цифровых медиа. Ученый считает, что важно учиться обнаруживать кликбейтные заголовки, воздерживаться от автоматического распространения эмоционально заряженной информации, не реагировать на провокационные сообщения, не совершать необдуманных действий под влиянием медийного заражения эмоциями. В рыночной парадигме, когда спрос рождает предложение, медиаграмотность становится единственным способом минимализации негативных последствий проблемного медиапотребления не только для человека, но и для общества в целом.

Ольга Михайловна Скибина, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета, выступая на тему «Медиаобразовательные проекты студентов-филологов как реализация цифровой грамотности будущего учителя-словесника», отметила, что, несмотря на вполне четкое направление государственной политики в области цифровизации образовательного пространства и включение в учебные планы специальных медиаобразовательных дисциплин, в педагогическом вузе, особенно на филологическом факультете, продвижение цифровой грамотности идет чрезвычайно тяжело даже среди молодых преподавателей, не говоря уже о студентах-заочниках, которые в основном и преподают в средней школе русский язык и литературу. Ученый отметила, что медиаграмотность современного педагога — это действительно проблема, и она связана прежде всего с тем, что значительная часть граждан (и педагогов в том числе) не успевают за развитием информационно-коммуникационных технологий. Автор считает главным в решении проблемы

медиаграмотности педагога — это понять, что современное общество является не только информационным и цифровым, но и медиатизированным, а преподаватель как человек медийный — это «не только пассивный потребитель готовых медиапродуктов, но и активный участник процессов их распространения и производства, с одной стороны, вовлеченный в процесс медиатизации, а с другой — сам его формирующий». Без этого невозможен доступ к жизненно важной информации, а также организации досуга и общения, в том числе и со школьниками и студентами.

Мария Александровна Шабельник, старший методист Общеобразовательной школы № 1547 г. Москвы, проанализировала средства медиаобразовательной среды в профессиональном самоопределении подростков. Специалист сферы образования считает, что в связи с использованием медиасредств меняется организация системы профориентационной работы. Под средствами медиаобразовательной среды следует понимать не только медиаресурсы, интернет-ресурсы, но и совокупность организационно-педагогических условий, профориентационных мероприятий, а также методы, приёмы, технологии в реализации поставленных задач. Модели профориентационной работы в школах разные и зависят от многих факторов. Но грамотное применение средств медиаобразовательной среды повышает эффективность профориентационной деятельности. Встаёт вопрос выбора контента для профессионального самоопределения школьников. Автор делает вывод о том, что в сети Интернет подросткам нелегко сориентироваться в выборе будущей профессии. Развитие медийно-информационной грамотности школьников и их родителей может снизить риски и угрозы выбора контента по профориентации. В связи с чем, необходимо включать в школьную профориентационную систему медиаобразование, чтобы использование средств медиаобразовательной среды стало безопасным и эффективным.

Кроме того, в ходе секции обсуждались проблемы участия подростков в реализации социально значимых медиапроектов как фактора их социализации; психологической безопасности личности в условиях цифровой культуры; использования цифровых образовательных ресурсов как средства развития социального интеллекта участников образовательного процесса; использования образовательных технологий в практикоориентированном авторском медиакурсе; применения цифровых технологий как инструментом функционирования образовательного учреждения; ресурсного состояния выпускников вузов (на примере студентов медийных направлений) и другие.

22 ноября состоялось торжественное открытие второго пленарного заседания, которое также состоялось в онлайн-формате, и проведены еще четыре секции. Модератором второго пленарного заседания выступил Александр Анатольевич Селютин, кандидат филологических наук, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

В ходе пленарного заседания обсуждались проблемы влияния киберспорта, гейминга, формирования негативных социальных установок в молодежной среде (доклад Н. Ю. Першина, аспиранта Института филологии и журналистики Университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия); виртуальной самопрезентации студентов как капитала в деловой среде (доклад А. В. Щекотурова, кандидата социологических наук, заведующего социологической лабораторией Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия); реставрации языка вражды в средствах массовой информа-

ции и коммуникации (доклад А. А. Селютин, кандидата филологических наук, заведующего сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцента кафедры теории языка Челябинского государственного университета) и другие.

Александр Вячеславович Щекотуров, кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, представил результаты исследования студентов НИУ ВШЭ относительно восприятия их виртуальной самопрезентации в деловой среде с позиции теории капитала. Автор делает вывод о том, что студенты, имеющие капитал виртуальной самопрезентации, уверены в том, что контент их социальных сетей конвертируется в положительную реакцию со стороны работодателя, партнера по бизнесу и клиента, тем самым внесет вклад в развитие деловой среды.

Александр Анатольевич Селютин, кандидат филологических наук, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета, представил результаты исследования, посвященного определению частотности использования «языка вражды» в региональных открытых пабликах информационного характера (на примере Челябинской области). Проанализировав 10 открытых пабликов в социальной сети ВКонтакте, автор представил анализ статистического подсчета положительных и отрицательных комментариев по отношению к но-

вости, ключевым фигурантом которой выступили лица с миграционной историей, а также конкретизировал языковые средства, составляющие комплекс «языка вражды» по этно-конфессиональному признаку. Автор сделал вывод, что «язык вражды» в современных новостных пабликах используется не по отношению к внешнему агрессору, а в качестве инструмента, направленного на межнациональную рознь внутри страны. А. А. Селютин отметил в ходе выступления, что требуется серьезная профилактическая работа с представителями средств массовой информации и коммуникации, а также ужесточение модерирования открытых пабликов в социальных сетях.

На секциях второго дня конференции в онлайн-формате обсуждались актуальные риски цифрового пространства и современные инструменты исследования деструктивного контента; междисциплинарные практики в контексте освоения цифрового пространства; аспекты и проблемы современной коммуникации в медиа и образовании; цифровой среды как площадки для кросс-культурной коммуникации.

Модерирование пятой секции провела Елизавета Витальевна Щетинина, кандидат философских наук, руководитель Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета.

С докладом на тему «Кибербуллинг как один из рисков коммуникации в цифровой среде» выступила Ольга Евгеньевна Коханая, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. В ходе выступления автор указала на бурный рост девиантных проявлений в поведении детей и подростков, увеличение негативного воздействия медиасреды, социальных сетей на подрастающее поколение в процессе

его социализации и самоактуализации посредством медиа. Был представлен анализ результатов исследования феноменов буллинга и кибербуллинга как форм деструктивного поведения в среде несовершеннолетних. В качестве причин агрессивного поведения детей и подростков автор выделил психологическую обстановку в семье, в школе, а также воздействие виртуального пространства. Автор сделал вывод о том, что необходимо внесение в учебный процесс основ медиаобразования, воспитание у детей и подростков навыков этичного общения как в жизни, так и в Сети, повышение их цифровой грамотности. На уроках информатики важно изучать не только общие аспекты безопасного использования Интернета, но и рассматривать проблемы личной медиабезопасности в цифровой среде как «состояния защищенности индивида от некачественной информации, поступающей из медиасферы», вопросы о защите персональных данных, о том, как обеспечить приватность личной страницы в социальных сетях.

У участников секции особый интерес вызвало выступление Виктории Вячеславовны Смеюхи, доктора филологических наук, профессора кафедры журналистики Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (Симферополь, Россия), на тему «Виды неэтичного поведения в социальных медиа». В своем докладе ученый выделил особенности неэтичного поведения в пространстве социальных медиа и виды негативной деятельности аудитории: нарушение культуры поведения (проявление агрессии, оскорбление, неуважительное отношение к другим пользователям), нанесение вреда репутации индивидов (обнародование личных данных), дискриминация (по различным критериям: полу, возрасту, весу, месту проживания, образованию и т. д.). Кроме того исследователь сделал акцент на факторах, способствующих формированию неэтичных поведенческих концепций интернет-пользователей. В качестве эмпирической базы исследования ис-

пользовались публикации, размещенные в социальной сети ВКонтакте, телеграм-каналах за 2022—2023 гг., среди методов исследования использовались: наблюдение, сравнение, описание, метод классификации. Среди причин неэтичного поведения аудитории в социальных медиа докладчик назвал следующие: ощущение безнаказанности за своё поведение в социальной сети; восприятие пространства социальных медиа как среды, общение в которой не регулируется этическими и нравственными нормами (кроме того, ряд пользователей не использует своё личное имя); желание привлечь подобным образом к себе внимание; психологические особенности поведения личности, выражающиеся в желании не соглашаться с оппонентами, протестовать и т. д. Автором делается вывод о том, что в процессе коммуникативного общения пользователей в пространстве социальных медиа, выявляются следующие виды неэтичной деятельности: нарушение культуры поведения, нанесение вреда репутации индивидов, дискриминация, что является следствием нарушения морально-этических норм общения, восприятия социальных медиа как пространства для межличностного общения, а не массовой информационной среды; деструктивного поведения личности.

Надежда Геннадиевна Шаповалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия), представила речевую агрессию как признак деструктивного контента (на материале интервью Виктора Мохова). Были выделены черты коммуникативного поведения сексуальных садистов. Автор приходит к выводу, что к ним относятся: речевая агрессия, обращение к сфере телесного низа посредством просторечных экспрессивов данной семантической группы, а также языковой игры, совмещение речевых жанров флирта и угрозы. Они служат

для обхода языковых табу, демонстрации превосходства над жертвами и угроз им, формируя деструктивный контент.

На секции были представлены и научные проекты молодых ученых:

- Проект «Анализ социальных сетей студентов как метод диагностики суицидального поведения подростков в образовательной среде» — Анна Александровна Дружинина, студент Многопрофильного колледжа ИСТИС Южно-Уральского государственного университета (НИУ); Иван Александрович Кичеев, студент Многопрофильного колледжа ИСТИС Южно-Уральского государственного университета (НИУ). Научные руководители — Анатолий Владимирович Смолин, преподаватель Многопрофильного колледжа ИСТИС, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Анастасия Алексеевна Мюллер, заместитель директора по воспитательной работе Многопрофильного колледжа ИСТИС, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (Челябинск, Россия);
- Проект «Деструктивные паттерны поведения как средство достижения популярности в блогосфере» — Анастасия Дмитриевна Колосова, аспирант филологического факультета Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
- Проект «Профессиональная идентичность журналиста: этапы самоопределения в условиях современности» — Даниил Сергеевич Абрамов, студент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тамбовский государственный университет (Тамбов, Россия);
- Проект «Кибербуллинг как недосмотренный феномен общества» — Дмитрий Олегович Василишин, курсант юридического факультета, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России). Научный руководитель — Константин Васильевич Скворцов, кандидат технических наук, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России) (Владимир, Россия);
- Проект «Гибридная война как новый способ ведения войны» — Егор Сергеевич Давыдов, студент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волгодонский инженерно-технический институт филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (Волгодонск, Россия);
- Проект «Сотрудничество государств в сфере противодействия противоправному использованию сети Интернет в рамках ШОС» — Никита Дмитриевич Мохоров, студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I. Научные руководители — Владимир Павлович Демидов, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Политех Петра Великого, Дмитрий Анатольевич Мохоров, кандидат юридических наук, директор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы (Санкт-Петербург, Россия);
- Проект «Фейки об СВО как угроза лингвобезопасности в современном медиадискурсе» — Алексей Андреевич Кульпин, студент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета

- прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия);
- Проект «Деструктивный контент в блогинге о женском здоровье: средства воздействия» — Полина Анатольевна Петроченко, студент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель — Екатерина Владимировна Выровцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);
 - Проект «Методы идентификации и нейтрализации кибербуллинга в образовательных учреждениях регионов» — Денис Евгеньевич Терентьев, студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга, Россия).

На шестой дискуссионной площадке под руководством Александра Вячеславовича Щекотурова, кандидата социологических наук, заведующего социологической лабораторией Балтийского федерального университета им. И. Канта г. Калининграда (Россия), рассматривались междисциплинарные практики в контексте освоения цифрового пространства.

Ирина Леонидовна Гольдман, кандидат искусствоведения, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, представила цифровые художественные практики в системе профессионального медиаобразования. Автор определяет цифровые художественные практики в качестве ресурса формирования содержания профессионального медиаобразования. Были выделены преимущества интеграции цифрового арт-контента в медиаобразовательный процесс и обоснованно использование искусствоведческо-культурологического подхода в творческой подготовке бакалавра и

магистра рекламы и связей с общественностью к профессиональной деятельности в креативной индустрии.

Наталья Львовна Зыховская, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета г. Челябинска, представила результаты проведенного социологического исследования, где автор фиксируется на специфике функционирования региональной литературы в современном медийном поле. Поднимаются вопросы совмещения электронных и традиционных форматов чтения, продвижение литературы при помощи цифровых ресурсов. Приводятся мнения и оценки опрошенной аудитории. В результате, автор делает вывод о том, что при оценке проблем развития региональной литературы, требуется ее активно продвигать. В большей мере этому могут способствовать именно цифровые форматы и медийные ресурсы: социальные сети, виртуальные экскурсии по литературным местам, создание сайтов и интернет-порталов о писателях и поэтах. Кроме того, продвижение региональной литературы, должно осуществляться с опорой на следующие субъекты и институции: СМИ и городские/региональные социальные сети, образовательные учреждения, региональные издательства и библиотеки, специалисты в области литературы и искусства: критики, эксперты, преподаватели, сами писатели и поэты, а также — читатели, которые будут делиться личными впечатлениями.

Мариной Александровной Мясниковой, доктором филологических наук, кандидатом искусствоведения, профессором кафедры периодической печати и сетевых изданий Департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета г. Екатеринбурга, был представлен анализ позитивных культурных практик в сфере школьного медиаобразования. В своем докладе ученый акцентировал внимание участников конференции на осмыслении опыта создания школьной газеты «Phortochka» в знаменитой

екатеринбургской лингвистической гимназии № 13, недавно отметившей свое 100-летие. Этот опыт связан с целым рядом культурных практик, которыми занимались учащиеся за 25 лет существования газеты, включая Дни поэзии, фестивали молодежных СМИ, летние медиашколы, знакомство с достопримечательностями Урала, деятелями искусств и медиа, что позволило некоторым выпускникам стать профессионалами в области медиакультуры. В результате ученым сделан вывод о том, что апробированные формы медиаобразовательной работы с разновозрастной школьной аудиторией, действительно, принесли свои плоды. В рамках лекционной и практической деятельности исследователи постоянно убеждались, что дети успешно осваивают процесс «размонтирования» реальности, создаваемой медиа, и понимают:

- 1) как конструируется медийная реальность;
- 2) какое влияние она на них оказывает;
- 3) какую роль в структуре медиаобразования играет производство медиатекстов ими самими;
- 4) что конкретно позволяет им выработать необходимые коммуникативные и творческие навыки, стать людьми по-настоящему культурными и определить свое место в жизни.

Кроме того, в ходе секции были рассмотрены труды и молодых ученых:

- Инна Сергеевна Милас, студент факультета журналистики, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия), доклад на тему «Трансформация роли женщины в женских журналах в годы «перестройки»»;
- Наталья Николаевна Белова, магистрант Института филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), доклад на тему «Особенности формирования обратной связи с родителями воспитанников ДОУ

при организации взаимодействия в социальной сети»;

- Екатерина Георгиевна Брызгина, студент филологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), доклад на тему «Депривация памяти и творческого наследия в медиапространстве на примере лонгрида о творческой жизни рок-музыканта Макса Кузнецова»;
- Татьяна Олеговна Денисова, аспирант кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск, Россия), доклад на тему «Художественные институции в медиасреде (на примере информационных стратегий работы детской филармонии Челябинска)»;
- Андрей Витальевич Казин, аспирант кафедры журналистики филологического факультета, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), доклад на тему «Роль телеграм-каналов в общественно-политической жизни Республики Мордовия»;
- Елизавета Владимировна Королева, студент кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства (Екатеринбург, Россия), доклад на тему «Корпоративные медиа как средство продвижения образовательных учреждений»;
- Евгений Сергеевич Крайнов, магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при правительстве РФ; Назар Александрович Поздняков, магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при правительстве РФ (Москва, Россия), доклад на тему «Музыка как инструмент продвижения идей в медиа сфере»;

- Валерия Сергеевна Левина, студент Департамента прикладной экономики, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), доклад на тему «Влияние позитивных фильмов и телепередач на мировоззрение зрителей»;
- Елизавета Вячеславовна Соколовская, аспирант кафедры теории и истории культуры, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск, Россия), доклад на тему «Сущность понятий иммерсивность и интерактивность в сфере медиатехнологий: отличительные особенности»;
- Екатерина Сергеевна Федорова, аспирант, заместитель директора по дистанционной работе Центра непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск, Россия), доклад на тему «Медиааскетизм в дискурсе коммуникативных исследований».

Седьмая экспертная площадка посвящалась современной коммуникации в медиа и образовании: от языка вражды к языку дружбы. Модератором секции выступил Алексей Васильевич Пустовалов, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета, и Александр Анатольевич Селютин, кандидат филологических наук, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета. На секции обсуждались проблемы языка вражды в русскоязычных просемейных блогах; роль нейросетей в языковом образовании; риски и

возможности виртуализации общения при подготовке студентов-будущих психологов и т.д.

В числе ключевых докладов было выступление Наталии Олеговны Автаевой, кандидата политических наук, доцента кафедры журналистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) на тему «Язык вражды в русскоязычных просемейных блогах». В ходе выступления ученый отметила, что просемейные блоги отличаются экспрессивностью, диалогичностью, дискуссионностью. Фактором, который провоцирует экспрессию и деструктивность в комментариях, в большинстве случаев является посыл авторского контента, он может характеризоваться провокативностью, сознательным обращением к дискуссионным темам, категоричностью высказываний и т.п. Деструктивная оценочность переходит в категорию речевой агрессии, в отдельных случаях можно говорить о применении «языка вражды».

Далее в ходе секции выступили Анна Витальевна Куприянова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика и социология», Тольяттинский государственный университет и Марина Викторовна Орлова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика и социология», Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия), которые представили технологию тренинга эффективных коммуникаций как метода формирования soft skills (мягких навыков) у студентов. В ходе доклада преподаватели продемонстрировали возможности тренинга эффективных коммуникаций в формировании «мягких навыков» у студентов направления подготовки «Журналистика». В основе их исследования лежал образовательный эксперимент. Ученые сделали вывод, что тренинг эффективных коммуникаций у обучающихся первого курса является методом формирования коммуникативных компетенций для выстраивания продуктивного взаимодействия в офлайн-среде.

На секции № 8 рассматривались проблемы цифровой среды как площадки для кросс-культурной коммуникации. Модератором секции по-прежнему выступил Александр Анатольевич Селютин, кандидат филологических наук, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

На секции эксперты обсудили вопросы цифрового образовательного сторителлинга на английском языке; признаки разжигания межнациональной ненависти в контенте российских новостных телеграм-каналов (на примере медиа «осторожно, новости!»); социальной сети ВКонтакте как платформы кросс-культурной коммуникации и другие.

Первым докладчиком в рамках секции выступила Виктория Сергеевна Абрамова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, доцент кафедры педагогики Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). Ее выступление посвящалось анализу цифрового образовательного сторителлинга на английском языке, рассматривались современные глобальные тренды и новое сознание глазами студентов университета. В ходе своего выступления автор представила опыт использования цифрового сторителлинга на занятиях по английскому языку. Который основывался на том, что в рамках раздела «Fast Modern World» студенты 2-го курса составили собирательный портрет современного человека и подготовили мультимедийные продукты, рассказав о его жизни, полной веяний времени, а именно: online dating, fast fashion, freeganism, mindfulness и др. В результате автор

делает вывод, что проведенный анализ работ свидетельствует о том, что цифровые рассказы не только повышают уровень владения иностранным языком, но и дают студентам возможность представить образ современного человека, исследовать актуальные глобальные тренды и выразить свои взгляды на мир.

Ксения Александровна Болдина, кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, представила доклад на тему «Признаки разжигания межнациональной ненависти в контенте российских новостных телеграм-каналов (на примере медиа «осторожно, новости!»)». Автором были представлены примеры языка вражды, ведущие к разжиганию ненависти по национальному признаку, встречающиеся в контенте русскоязычного телеграм-канала «Осторожно, новости!». Ученый отметил, что данное медиа входит в десятку самых крупных информационных телеграм-каналов и на сегодняшний день имеет аудиторию более 1,5 млн человек. Такое количество подписчиков красноречиво говорит о масштабах негативного эффекта, который несет в себе контент новостного канала. Кроме того, Ксенией Александровной были приведены результаты анализа публикаций за 2022—2023 гг. и выделены основные формы обнаруженных примеров языка вражды. Автор делает вывод о том, что ненависть и дискриминация на основе расовых, религиозных, гендерных, этнических и политических предрассудков присутствуют в русскоязычных телеграмм-каналах повсеместно. Некоторые из них включают использование неприемлемых слов, оскорбления, насмешки и другие проявления ненависти, публикацию изображений, видео- и аудиоматериалов, содержащих неприемлемую информацию. Ввиду отсутствия модерации, каналы не только публикуют информацию, содержащую язык вражды, но и позволяют людям в комментариях инкриминировать и дискредитировать тех, кто не соответствует их взглядам.

Были представлены доклады по проблемам планирования и организации кросскультурных проектов при помощи ChatGPT (Елена Николаевна Гринько, преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Пермский государственный университет (Пермь, Россия)); использования цифровых ресурсов для организации учебной работы с иностранными студентами на занятиях по иностранному языку (Константин Александрович Ключко, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)); спортивного медиапространства как площадки для кросскультурной коммуникации (Евгений Андреевич Сафонов, аспирант факультета филологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)) и другие.

23 ноября в очном формате в конференц-зале Челябинского государственного университета состоялось третье пленарное заседание и секции VIII Международной научно-практической конференции «MEDIAОбразование. Цифровая среда: между позитивом и деструкцией 2023».

Модераторами пленарного заседания выступили Марина Ринатовна Бигнова, кандидат филологических наук, доцент (Казань, Москва) и Анна Анатольевна Морозова, кандидат филологических наук, заведующий сектором исследований педагогических инструментов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры медиапроизводства Челябинского государственного университета (Челябинск).

На пленарном заседании были рассмотрены проблемы профилактики экстремизма в контексте просветительской деятельности иноагентов (доклад М. Р. Бигновой, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения

Казанского федерального университета; начальник аналитического отдела Международного молодежного центра, Российский университет дружбы народов; эксперт Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовании, Московский педагогический государственный университет (Казань, г. Москва, Россия)); виртуальные практики вовлечения молодежи в сообщества террористической направленности и способы организации профилактики в цифровой среде (доклад О. В. Сёмкина, руководитель аппарата Антитеррористической комиссии Челябинской области, Советник Губернатора Челябинской области (Челябинск, Россия)); формирования образа позитивного будущего у молодежи через обучение (доклад С. Ю. Модестова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)); учебно-методической литературы по вопросам медиабезопасности несовершеннолетних (доклад И. А. Фатеевой, доктор филологических наук, профессор кафедры медиаобразования, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)) и др.

Состоялась работа еще четырех секций конференции, на которых обсуждались риски цифрового пространства и инструменты их профилактики, позитивные практики медиапространства в различных формах и форматах как альтернатива деструктивным проявлениям, медиапедагогика и образовательные технологии как инструмент борьбы с деструктивом, коммуникация в цифровой среде и эффекты минимизации деструктивных проявлений и другие.

Людмила Ивановна Белова, кандидат культурологии, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук ЮУрГУ выступила с докладом на тему «Основные риски онлайн-взаимодействия глазами молодежи г. Челябинск» на секции «Риски цифрового пространства и инструменты их профилактики», модератором

которой являлся Сергей Сергеевич Бредихин, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), кандидат философских наук, руководитель сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде.

Елена Ивановна Салганова, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), кандидат социологических наук, доцент, и Александр Анатольевич Селютин, кандидат филологических наук, заведующий сектором разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-иностранцев Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета, выступили модераторами секции «Коммуникация в цифровой среде и эффекты минимизации деструктивных проявлений».

В ходе секции Елена Ивановна Салганова выступила с докладом на тему «Мигранты и мигрантская инфраструктура в СМИ: региональный аспект». Были представлены ключевые результаты научно-исследовательской работы «Анализ механизмов формирования мигрантской инфраструктуры в российском городе (на примере Челябинской области)», выполненной при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-28-10211, <https://rscf.ru/project/23-28-10211/> (научный руководитель — Андрей Александрович Авдашкин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории

миграционных исследований ЮУрГУ). В своем докладе Е. И. Салганова акцентировала внимание участников конференции на актуальности проблемы миграции, межэтнических конфликтов. Автор отметила, что гармонизация межнациональных отношений и укрепление толерантности сегодня являются одними из важнейших проблем в социальной повестке Российского государства. Но вопросы межнациональных отношений, миграции — это очень сложные и весьма противоречивые вопросы. В настоящее время, с одной стороны, наблюдается рост трудовых мигрантов в различных странах мира и тем самым обостряется и конкуренция на рынке труда принимающих стран и обостряется безработица. Активные миграционные потоки нередко связывают с ухудшением экологической, эпидемиологической ситуации, обострением криминальной обстановки в принимающих сообществах отдельных регионов. С другой стороны, мигранты стране нужны, поскольку в последние годы в России наблюдается естественная убыль населения. В тоже время автор считает, что все эти процессы сопровождаются еще и наличием мигрантофобий, межнациональной напряженностью и другими явлениями, которые нередко сформированы из-за преобладающего дискурса о миграции в средствах массовой информации. Автор делает вывод о том, что под влиянием различных факторов у местного населения возникают фобии в отношении мигрантов, их бояться, относятся как к маргиналам, «чужим», а мигрантские локации воспринимаются как маргинальные территории, утратившие свои былые функции. Все это вызывает у местного жителя беспокойство за свою личную безопасность и рост преступности. В целях гармонизации межнациональных отношений и укрепления толерантности требуется реализация комплекса мер по формированию повестки средств массовой информации, направленной на освещение в целом интеграционной политики региона, включающей меры и практики

культурной, структурной, социальной и идентификационной интеграции на локальном и местном уровнях. Подобная информация будет отображать конкретные практики по установлению связей разного характера между мигрантским и местным населением.

Развитию и совершенствованию национальной и миграционной политики со странами Азии в Челябинской области способствуют, прежде всего, повышение уровня и качества жизни населения в регионе, изучение мигрантами русского языка, особенностей культуры и обычаев принимающего сообщества, легальное трудоустройство мигрантов, миграционный контроль и соблюдение мигрантами законов, правил и норм поведения на территории РФ. Результаты исследований уральских социологов еще раз подтверждают остроту и значимость миграционного и национального вопроса в регионе. Мониторинговые исследования данных аспектов необходимы в Челябинской области, поскольку фиксируются признаки «азиатской этнофобии», мигрантофобии.

По итогам работы трех пленарных секций участниками международной конференции были выделены современные тенденции и проблемы в сфере медиаобразования:

1. В настоящее время, в условиях промышленной революции «Индустрия 4.0», цифровой политики и экономики современная образовательная среда характеризуется высокими темпами информатизации. Цифровые продукты в форме искусственного интеллекта, активное применение цифровых технологий, больших данных и больших потоков информации, порождает необходимость модернизации всей системы образования. Информатизация и технологизация учебного процесса является важным условием повышения качества образования.

2. Современному человеку необходимо обладать комплексными способностями для ответа на вызовы времени. В связи с чем перед системой образования и другими институтами, участвующими в профилактике деструктивных

практик в молодежной среде, стоят задачи по формированию у молодых людей ключевых компетенций информационной и цифровой грамотности. Для современного поколения знания в сфере информационной и цифровой безопасности становятся важными источниками для полноценной и безопасной жизни, профессионального и личностного совершенствования, что возможно при условии применения инновационных средств обучения.

3. Научное сообщество и специалисты-практики признают важность применения инновационных методов в образовательном процессе, осмысления процессов цифровизации, мониторинга и обобщения опыта пользователей в сетевой среде, учитывая сложный и неоднородный характер современной коммуникации и медиакоммуникации.

4. Традиционные институты социализации и воспитания все чаще заменяют цифровые, в роли агентов выступают социальные сети, мессенджеры и другие цифровые технологии. Усвоение современным подростком каких—либо норм, ценностей, моделей поведения происходит зачастую посредством виртуального сообщества, а не традиционным способом, через реальное окружение. В связи с этим, с одной стороны, актуализируется роль и значимость традиционных институтов воспитания и социализации молодежи, прежде всего семьи, образования, друзей, одноклассников. С другой, повышению цифровой грамотности населения, прежде всего молодежи, в целях формирования у них навыков свободной и безопасной работы в цифровом пространстве.

5. В условиях цифровизации, развития общества в русле цифровой экономики, возникла необходимость формирования концепции цифровой грамотности всего населения и прежде всего молодежи.

6. Формирование соответствующей нормативно-правовой базы, которое будет регламентировать процесс цифровой грамотности, определяя ответственных и сам процесс.

7. Возникла потребность по определению компетенций цифровой грамотности в сфере образования.

8. Консультирование родителей по решению проблем, возникающих в сфере профилактической работы, решению проблем деструктивного воздействия Интернета.

9. Повышение квалификации педагогов, профессорско-преподавательского состава вузов в части организации и проведении профилактической работы деструктивного воздействия Интернета.

10. Организация мероприятий в образовательных организациях, которые будут направлены на профилактическую работу деструктивного воздействия Интернета и повышение цифровой грамотности обучающейся молодежи.

Кроме того, даны рекомендации, направленные на повышение цифровой грамотности обучающихся и педагогов образовательных организаций:

- наличие достаточной технологической базы (требование ФГОС): широкополосный канал-интернет, постоянный доступ к мобильному компьютеру, инструментарий информационной среды (ИС), установленный в образовательной организации;
- наличие потребности у педагогов, преподавателей и установки администрации образовательной организации на действительную реализацию ФГОС, принятие локальных нормативных актов о работе коллектива образовательной организации в цифровой образовательной среде;
- начальное освоение педагогом базовой ИКТ-компетентности в системе повышения квалификации и самообразования с последующей экспертной оценкой его деятельности;
- регулярная информационно-методическая поддержка педагогов в процессе смешанного обучения, использования цифровых технологий в образовательном процессе. На уровне образова-

тельной организации организация и проведение для педагогов, преподавателей открытых уроков, мастер-классов, включающие сценарии уроков по цифровой грамотности, курсов повышения квалификации и переподготовки;

- планирование образовательного процесса и его обеспечение средствами образовательных платформ, других цифровых технологий;
- контролируемый доступ участников образовательного процесса к информационным образовательным ресурсам в сети Интернет — образовательным платформам;
- навыки анализа электронных ресурсов и сервисов для организации образовательной деятельности в условиях смешанного обучения, применения цифровых технологий;
- способность планировать образовательный процесс и его ресурсное обеспечение в условиях смешанного обучения, применения цифровых технологий;
- опыт разработки электронно-образовательных ресурсов, сохранение материалов образовательного процесса и размещение их на образовательных платформах;
- сетевое взаимодействие педагогов и преподавателей в условиях единой цифровой образовательной среды и приобретение опыта публичного представления педагогической деятельности в условиях цифровой образовательной среды;
- мониторинг и фиксация хода и результатов образовательного процесса в условиях смешанного обучения, применения цифровых технологий;
- повышение уровня цифровой компетентности и цифровой грамотности педагогического коллектива, преподавателей вузов;
- определение цели своего профессионального развития в области

использования цифровых технологий;

- проведение мониторинговых исследований по оценке современного состояния, проблем и факторов, оказывающих влияние на цифровизацию в образовательном учреждении, вовлеченности обучающихся в онлайн—коммуникацию в социальных сетях, в том числе сформированности навыков распознавания угроз виртуального пространства; оценке эффективности реализации комплекса мер, направленных на повышение цифровой грамотности, и вовлеченности обучающихся в профилактическую работу в области противодействия деструктивному воздействию цифровой среды; сформированности у обучающихся алгоритма реагирования на деструктивные проявления.

В завершение Международной научно-практической конференции участники высказали мнение о том, что ее мероприятия выступили прекрасной площадкой по обмену опытом ученых и практиков в сфере медиаобразования и цифровых технологий; состоя-

лось продуктивное обсуждение самых актуальных вопросов в сфере медиаобразования — от механизмов формирования психологической безопасности цифровой среды до профилактики деструктивных проявлений, проблем адаптации и интеграции мигрантов из числа студентов, детей-инофонов в образовательной среде.

Организационный и программный комитет благодарит всех, кто нашел возможность принять участие в работе VIII Международной научно-практической конференции «MEDIAОбразование. Цифровая среда: между позитивом и деструкцией — 2023»! С материалами конференции можно будет ознакомиться в сборнике, индексируемом в РИНЦ, а также в официальной группе ВКонтакте Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования города Челябинска (<https://vk.com/nicmr>), на сайте кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (<https://sociopolit.susu.ru>).

For citing: Salganova E. I., Bredikhin S. S., Morozova A. A., Penner R. V., Shchetinina E. V. (2024) Media education and digital environment (between positivity and destruction): based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (November 21-23, 2023, Chelyabinsk, Russian Federation). Sotsium i vlast/Society and Power, no. 1 (99), pp. 73-94. DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-73-94 [in Rus].

UDC 101.2

EDN OOWOYY

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-73-94

MEDIA EDUCATION AND DIGITAL ENVIRONMENT (between positivity and destruction): based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (November 21-23, 2023, Chelyabinsk, Russian Federation)

Elena I. Salganova,
South Ural State University (National Research University), Associate Professor, Department of Sociology, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. ORCID 0000-0002-1549-8425 E-mail: salganovaei@susu.ru

Sergey S. Bredikhin^{1,2},
¹ Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education, Head of the Sector for Monitoring and Analysis of Destructive Manifestations in the Educational Environment, the Research Center for Monitoring and Prevention of Destructive Manifestations in the Educational Environment; ² South Ural State University (National Research University), Associate Professor of the Department of Sociology, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Cand.Sc. (Philosophy). Chelyabinsk, Russia. ORCID 0000-0001-9050-5034 E-mail: sergei189@mail.ru

Anna A. Morozova^{1,2},
¹ Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education, Head of the Sector of the Pedagogical Tools Research, the Research Center for Monitoring and Prevention of Destructive Manifestations in the Educational Environment; ² Chelyabinsk State University, Associate Professor, Department of Media Production, Cand.Sc. (Philology). Chelyabinsk, Russia. ORCID 0000-0003-4510-421X E-mail: roxfan@rambler.ru

Regina V. Penner,
South Ural State University (National Research University), Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. ORCID 0000-0002-3277-7274 E-mail: penner.r.v@gmail.com

Elizaveta V. Shchetinina^{1,2},
¹ Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education Head of the Research Center for Monitoring and Prevention of Destructive Manifestations in the Educational Environment; ² Chelyabinsk State University, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, Cand.Sc. (Philosophy). Chelyabinsk, Russia. ORCID 0000-0001-9056-9126 E-mail: schetininaev@ya.ru

Abstract
The article is devoted to the review and analysis of the results of the VIII International Scientific and Practical Conference "MEDIA Education. Digital environment: between positivity and destruction 2023", held on November 21-23, 2023 at the Chelyabinsk State University with the support of the Main Directorate of Youth Policy of the Chelyabinsk Region as part of implementing the regional Plan for the Decade of Science and Technology in the Russian Federation in the Chelyabinsk Region.

Keywords:
destructive practices, conference, media educational environment, the youth, educational environment, digital literacy, digital environment

Received: 12.12.2023
Accepted: 15.01.2024
Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Salganova E. I., Bredikhin S. S., Morozova A. A., Penner R. V., Shchetinina E. V. (2024).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
 2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
 3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
 4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
 5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единицы измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
 6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
 7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Цитирование — не более 2-х источников.
 8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
 9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
 10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
 11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
 12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.
- Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
- Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
- В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
- Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
- Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
- Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.
- Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 1311. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
 2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
 3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
 4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
 5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
 6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
 7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
 8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
 9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
 10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
 11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
 12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.
- The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
- The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
- The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
- Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
- No. charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
- The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal .

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 1311.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru